

**Серия: Камигава
Книга III**

**СТРАЖ
СПАСИТЕЛИ**
камигавы

**Автор:
Scott McGough**

**Перевод:
Андрей Ф. Галилейский**

Принцесса Мичико стояла среди древних кедров леса Дзюкай, терпеливо всматриваясь сквозь густую хвою крон деревьев. Хотя ужасы и борьба Войны Ками расплзлись по всем уголкам ее нации, здесь, по крайней мере, было место, где ветер был мягким, и бледно желтоватый солнечный свет мирно струился сквозь ветви деревьев. Война найдет ее снова, в этом она не сомневалась. Безмятежность окраины леса не сможет продлиться долго, но пока здесь было спокойно, она стремилась приходить сюда чаще, чтобы насладиться этим единственным умиротворенным местом, оставшимся во всем мире.

Мичико продолжала наблюдать за кронами над головой, грациозно балансируя на вершине холма, поросшего густой травой. Рядом с ней стояла ее подруга Рико, худощавая девушка в ученической мантии, с коротким луком и решительностью профессионального солдата во взгляде. Глаза Рико постоянно осматривали ближайшее окружение, но и как можно чаще возвращались к самой Мичико.

Четверо воинов кицунэ также сопровождали Мичико и Рико. Лисы так хорошо сливались с окружающей средой, что были почти невидимы, но Мичико знала, что они были рядом. В последнее время она была частой целью для нападений и похищений, и кицунэ в деревне не желали подвергать принцессу опасности, пока она была у них в гостях.

Мичико была благодарна за свой эскорт, хотя с того времени, как они избежали бойни в Академии Минамо, нападений на нее больше не было. Она ценила защиту кицунэ, но ее сводило с ума свое безучастие, в то время как ее нация и весь мир разрывались на части. Старейшины оберегали ее, но при этом не давали ей сделать ничего полезного.

Рико переместила вес на другую ногу и размяла пальцы на руке, натягивавшей тетиву. – Есть что-нибудь, Мичико-химе?

Принцесса медленно закрыла глаза и покачала головой. – Пока нет.

Голос Рико выдавал хмурость лучницы. – Он не ответит. И я этому рада.

Мичико открыла глаза. Кицунэ относились к ней, как к одаренному ребенку, но все же ребенку. Они приняли ее в свой совет, на встречах которого они вежливо выслушивали ее, но ее аргументы редко брали верх.

Поэтому Мичико воззвала к своим союзникам за пределами леса. Приняв во внимание предостережения своих наставников, Мичико выслала послание Тоши Умезаве в Болота Такенумы. Она оплачивала услуги очимуши, и он доказал ей свою надежность и эффективность. Кицунэ, встречавшиеся с ним, не отрицали его способностей, но настороженно относились к его характеру. И на то были причины, когда он впервые встретил Мичико, Тоши импульсивно похитил ее и держал в заложницах против ее воли. К счастью, он понял, что работать на принцессу было более выгодно, чем требовать за нее выкуп. Тоши был приспособленцем и наемником, но при этом вполне компетентным.

В своем послании Мичико просила, чтобы Тоши прислал ей общую информацию о ситуации в болотистых землях, и пришел к ней за новым заданием. С того момента, как она выслала послание, прошло уже несколько недель, но до сих пор Тоши не ответил.

Мичико с нетерпением ждала его, но не ради его доклада о преступных делах в Такенуме. Тоши прибрал к рукам великое сокровище, которое ее отец выкрал из мира духов, «Похищенную», чье похищение разожгло двадцатилетнюю Войну Ками. Когда она увидела сокровище в руках Тоши, ей захотелось прикоснуться к нему, чтобы почувствовать его силу и, возможно, наконец, понять те чары, которыми оно околдовало ее отца.

Но Похищенная была слишком могущественна и слишком непредсказуема. Наставница принцессы и сам Тоши предостерегли ее держаться подальше от сокровища, и Мичико не приближалась к нему на расстояние вытянутой руки. С тех пор ее мысли часто возвращались к грубо вытесанному диску с выгравированным силуэтом змеи на его поверхности. Она чувствовала, что диск был ключом к окончанию конфликта, возникшего между духовным и физическим мирами. Это был ключ, и она сама была как-то связана с ним.

И вот она ждала ответа Тоши, а лучше, его самого. Только он мог рассказать ей все, что ей нужно было знать, и она чувствовала, что их время истекает. Тоши был хитер, поэтому она рассчитывала, что он все еще был жив. Она также усердно трудилась, улучшая свои навыки в создании канджи-посланника, и теперь она была уверена, что он точно доберется до Тоши.

Он должен был скоро ответить. Когда она представляла себе мир, Мичико видела волны насилия и конфликта, со всех сторон несущиеся к ней и ее мирной лесной поляне. Даже кицунэ не смогут оберегать ее вечно.

Что-то зашуршало вверху, затем странный черный символ вырвался из ветвей. Сердце Мичико бешено забилося. Она узнала в символе тот самый канджи-посланник, которого она выслала на болота и ощутила небольшой прилив гордости. Он вернулся, так, как она и задумывала. И если он нашел Тоши, то мог также содержать его ответ.

Странная черная птица пропорхнула сквозь солнечные лучи к принцессе. Воины кицунэ и Рико напряглись, словно приготовившись к битве. Двое из лисьих самураев шагнули между Мичико и символом, вытащив из ножен свои мечи.

На безопасном расстоянии от клинков кицунэ, канджи-посланник остановился, паря на одном месте.

- Доставь свое сообщение, - выкрикнула Мичико.

Толстые, чернильные мазки канджи начали пульсировать, мерцая фиолетовым светом по краям символа. Раздался ясный голос с нотками изумления.

- Принцесса, - произнес голос Тоши. – Отличный канджи. Не могу навестить тебя сейчас, но обещаю, что мы скоро увидимся. По поводу общей информации ... здесь полный кошмар. Но, не беспокойся. Я работаю над этим.

Канджи уменьшился до своего изначального размера и начал рассыпаться. Легкий ветерок сдул его пепел обратно в гущу леса, где он растворился во мгле.

- Он работает над этим, - фыркнула Рико. – Мы все можем расслабиться. Тоши работает над этим.

Мичико нахмурилась. – Рико, - сказала она. – Тоши спас всех нас из Минамо, и от лесной мѣдзин до этого. Уверена, ты способна оценить, на что Тоши способен.

Рико выдержала строгий взгляд Мичико. – Способна, Мичико-химе. Я не надсмехаюсь над его способностями. Я боюсь того, что он может сделать, а не того, чего он не может.

- Я заплатила за его услуги, - сказала Мичико. – Так что, вне зависимости от того, на что он способен, он будет делать то, что я попрошу. Поэтому я хочу, чтобы он был здесь.

- И я уверена, что он явится. Ты попросила его о помощи ... это подобно аппетитному запаху для Тоши. Он появится в самое неподходящее время, и воспользуется ситуацией в своих интересах, как и всегда.

Мичико не ответила, но повернулась в сторону деревни. Самураи кицунэ расступились перед ней, скользя сквозь лес, не тревожа ни единого ростка.

Рико недооценивала Тоши. Мичико видела, как он противостоял мощнейшим противникам и побеждал за счет хитрости, а не силы. Он был способен на великие дела, и не только по их масштабности. Если бы только она могла с ним поговорить, он бы мог помочь ей понять Похищенную, а она смогла бы помочь ему увидеть выгоды работы на всеобщее благо. Он был преступником, но умным и верным преступником. Его еще можно было спасти.

Мичико вздохнула, направляясь обратно, в деревню. Впереди было еще столько опасностей, что спасение было отдаленной перспективой для всех них. Выживание было куда более насущным вопросом.

Позади нее, огромные тучи затмили солнце, и яркий, тихий приют принцессы погрузился в тень.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АЙСБЕРГ РАСКАЛЫВАЕТСЯ

Тоши Умезава стоял, наблюдая грохочущие Водопады Камитаки. Это был один из наиболее величественных видов во всем мире, где могучая Река Юмезава обрушивалась с пятисот футов в озеро у подножья обрыва. Это было место блестящей красоты и сырой стихийной силы, притягивавшей к своим тайнам пилигримов, паломников, и учеников.

Тоши облокотился о перила у края огромной, размером с небольшой город, платформы, служившей основанием главного здания Академии Минамо. Это было массивное, роскошное строение из голубой стали, со стеклянными шпилями, покоящееся на колонне воды зачарованного гейзера в сотнях футов над поверхностью озера.

Наверху, из-за облаков выглядывала столица соратами, Оборо. Город не был ясно виден с того места, где стоял Тоши, но он уже бывал однажды на его улицах, поэтому знал, что Оборо был еще более пышным и ошеломительным видом, чем окрестности академии. В то время как Минамо была задумана, как олицетворение естественных форм скал и воды, Оборо состоял из острых, чистых шпилей и гордых, едва ли не надменных башен, украшенных сияющими кристалльными прожилками, блестящими в лунном свете.

Тоши взглянул вверх, на Оборо еще раз и плюнул на пол. Он ненавидел это место. Несмотря на всю эту природную красоту и архитектурную роскошь (а может, и из-за этого), Тоши был возмущен снобизмом и аристократичным высокомерием, которое исходило от Оборо и Минамо, подобно брызгам от бурой реки.

Яркие зеленые глаза Тоши метнулись к входу в академию, и он стряхнул с лица свои длинные черные волосы. Когда он покидал академию, она была атакована со всех сторон, но теперь здесь стояла безжизненная тишина, как в склепе. Мрачная, унылая атмосфера окутывала академию, как плотный туман. Школа задумывалась, как место учения и просвещения, но сейчас она была подобна одной из темниц Даймё после того, как чума выкосила всех ее заключенных: пустой, заброшенной, и мертвой. Здесь ощущалась дурная магия – первобытные эмоции и жестокая смерть пронизывали воздух, словно ладан.

И все же, если в стенах школы не осталось никого в живых, его работа будет значительно облегчена. Тоши не позволял себе слишком обнадеживаться; ничего, из того, что он совершил в последнее время, не было простым, или шло по намеченному плану. Он поставил ногу на нижнюю ступень лестницы, ведущей к входу в Минамо, и выждал несколько мгновений. Когда ничего не произошло, он поднялся еще на ступень. Ничего.

На пятой ступени, два худошавых, крепких человека выпрыгнули из распахнутых дверей, кувыркаясь и вращаясь на ходу. Мужчина был лысым, одетым в выцветшие шкуры животных, женщина с тугими косами, в корсете из красной шерсти, покрывавшем ее от груди до середины бедер. Оба были вооружены мечами, а у мужчины был при себе еще и боевой шест. К голове каждого воина был привязан черный амулет, и у каждого при себе был круглый символ с кривой линией, проходящей сквозь него – шест мужчины венчался штандартом, пронизанным рядом металлических колец, а женщина носила свой знак в виде ожерелья.

Хотя в своих прыжках они взмыли на двадцать футов вверх, приземлились они оба совершенно бесшумно в паре шагов от Тоши. Он взглянул на одного, затем на другую, и пожал плечами.

- Ну? – сказал он. – Вы либо узнаете меня, либо нет. Если узнаете, отведите меня к огру сейчас же. Если нет, доставайте мечи.

Тоши улыбнулся. Лица воинов остались безразличными. Они смотрели на него отчужденно, словно сомнамбулы. Они не отреагировали ни на его слова, ни на улыбку, ни даже на его присутствие.

Очимуша вздохнул. Он помахал рукой перед стеклянными глазами женщины, затем щелкнул пальцами у носа мужчины.

- Хи-де-цу-гу, - медленно проговорил он. – Ваш босс. Мой напарник. Вы недавно помогли ему разорить это место. Он все еще здесь?

Произнесенное имя огра заставило мужчину вздрогнуть, но женщина осталась безэмоциональна. Тоши помолчал, подмигнул ей, затем наклонился к лицу мужчины.

- Хидецугу, - повторил он, любуясь волнами страха, искажавшими в остальном равнодушные черты лица воина. Он повернулся к женщине и указал на мужчину. – Знаешь, я могу продолжать это целый день. – Он снова повернулся к мужчине. – Хидецугу.

Мужчина зарычал. Клинок женщины возник у нее в руке, и Тоши ойкнул. Прежде чем он смог отступить, шест мужчины крепко ударил по спине Тоши, и он схватил очимушу за правое плечо.

Осторожно, не сводя глаз с острия меча женщины в паре дюймов от его носа, Тоши одним пальцем отвел клинок в сторону. Он вынул левое запястье из рукава и показал им треугольный знак.

- *Хёдзан*, - сказал он. – Этот канджи означает айсберг. У вашего хозяина такой же на груди. Этот знак означает членство, братство. Мы с ним члены одной группы. Вы должны были узнать меня, мы с вами раньше встречались.

Тоши взял паузу, рассматривая свои ногти. Небрежным тоном он добавил, - Если вы в скором времени не скажете ничего полезного, мы будем драться. – Он положил руки на бедра. – И Хидецугу это не понравится. Он, вероятно, откусит вам головы только за то, что вы заставили меня столько всего объяснять. Это если вам повезет. – Он злобно улыбнулся и нагнул голову. – Подумайте об этом. Вы знаете, что я не преувеличиваю.

Хватка мужчины на его плече ослабла. Женщина опустила свой меч.

- Хорошо, - сказал Тоши. – Итак, вы не обязаны объявлять о моем прибытии, и вы не обязаны сопровождать меня. Просто дайте пройти, и я найду его сам.

Женщина убрала меч в ножны. Она уставилась на Тоши своими мертвыми глазами, затем указала на вершину лестницы, во вход в академию. С тихим хрипом она прыгнула высоко в воздух и приземлилась на карнизе над главными дверями. Тоши услышал шорох ног за спиной, и затем мужчина присоединился к соратнице на притолоке над дверью.

Тоши дружелюбно помахал им, поднимаясь вверх по лестнице. Эти двое были *ямабуши*, грозные и могущественные горные боевые монахи. Они славились своей отшельнической закрытостью и обладали высочайшим мастерством в искусстве убийства, с особым талантом уничтожения противников из мира духов. Тоши чуть было не усмехнулся. Пройти их оказалось не трудно.

Все его черное злорадство растворилось, когда Тоши подошел к дверям и увидел высохшие пятна крови и глубокие рубцы от ударов мечей на мраморных ступенях. Он остановился на мгновение, задумавшись, как бы все обернулось при других обстоятельствах, если бы он не показал ямабуши свой знак хёдзан. Подобные мысли были крайне неприятными и вовсе не помогали ему подготовиться к встрече с Хидецугу, поэтому он задвинул их подальше, на задворки сознания. Внешне уверенный в себе, Тоши скользнул внутрь здания.

Внутри, академия была такой же тихой и безжизненной, как и снаружи. На некоторых стенах Тоши заметил свежие следы от затопления, словно по коридорам протек бурный поток воды, но ни людей, ни трупов, ни следов борьбы видно не было. Он

знал, на что был способен Хидецугу, и много раз видел последствия ярости о-бакемоно, но академия выглядела вовсе не так, как ожидал Тоши.

Это его нервировало. Хидецугу был наиболее опасен в своем спокойном, рассудительном состоянии, и подозрительное отсутствие трофейных трупов означало, что он был особо аккуратен. Если отрубленные головы не украшали ворота академии, значит Хидецугу нашел им другое применение. Тоши вздрогнул от этой мысли.

План школы был ему не знаком, но Тоши знал, что Хидецугу он найдет в самом крупном зале, расположенном ближе к самому сердцу строения. Он прошел по главному коридору в центр здания, затем поднялся по нескольким лестничным пролетам к мезонинным приемным покоям. Напротив лестницы на этом этаже он увидел двоих ямабуши, стоявших на страже у широких дверей.

Ямабуши не обратили на него ни малейшего внимания. Подождав немного и убедившись, что они не собираются препятствовать его проходу, Тоши быстрым шагом направился в просторный зал. Не отыскивая Хидецугу, Тоши низко поклонился и произнес, - Приветствую тебя, брат по клятве, - настолько беспечно, насколько мог.

Тоши несколько секунд стоял, пялясь в пол. Он услышал глубокий, зычный рев и стук рассыпавшихся камней. Очимуша подождал, пока первая капля пота не скатится с его лба и не капнет на каменный пол, и затем поднял голову.

Огр Хидецугу восседал на насыпи из белых, начисто обглоданных костей, возвышавшейся выше груди Тоши. Массивная фигура слегка ухмылялась, взирая на Тоши с вершины насыпи, его глаза светились тусклым красным огнем, словно угли в печи кузницы.

- Привет, старый друг. – Ухмылка Хидецугу расширилась, и он склонил свою широкую плоскую голову в тревожной пародии на собственное озадаченное выражение лица Тоши. Каждый из его кривых, жутких зубов был размером с ладонь очимуши.

Тоши почувствовал знакомый холод. К улыбке огра никогда нельзя было относиться легко. Хитрый, умный, и терпеливый огр, все равно оставался огром, и в то время как Хидецугу всегда был скрупулезен в деталях условий их общей клятвы хёдзан, принятый ими страшный обет также развлекал его.

Интонация Тоши оставалась уважительной, но он, не мигая, смотрел в глаза огра. – Мы должны были встретиться здесь, и вместе уничтожить школу, брат по клятве, - сказал он. – Помнишь? – Тоши развел руки, указывая на огромное пустое пространство вокруг них. – Ты не подождал, поэтому я не уверен, в силе ли еще наш план. – Улыбнулся он. – И вообще, желаешь ли ты меня видеть. Я знаю, насколько ты ненавидишь гостей.

О-бакемоно встал, и с насыпи осыпался каскад костей, барабания по полу. – Ерунда, Тоши. Я всегда рад твоему визиту. – Хидецугу запрокинул голову назад и сделал долгий вдох своими широкими ноздрями.

Тревожность в животе Тоши превратилась в холодный, тяжелый ком. Считалось, что о-бакемоно могли чувствовать мощную магию, и Тоши знал, что это была правда. Если Хидецугу догадается о недавнем секрете Тоши, его небольшая миссия закончится, так и не начавшись. Все сейчас зависело от следующей пары мгновений, соревнования между инстинктом Хидецугу и подготовкой Тоши отразить этот инстинкт.

Хидецугу завершил свой вдох и снова улыбнулся, глядя на Тоши. – От тебя разит твоей мёдзин и глухой зимой, - сказал он.

Облегчение окатило Тоши, и он едва не улыбнулся. Успокоившись, он сказал, - Ну, а как иначе? Я служитель Объятий Ночи. Во имя ее я принял благословение смертельного холода, мерзлой тьмы.

Огр кивнул. – И чем больше в тебе этот холод, тем больше он поглощает тебя. Как и твоя вновь обретенная религия. Не думаю, что ты понимаешь, сколько всего они отнимают у тебя, мой старый друг.

- Пока я получаю большую выгоду от сделки. – Злобно ухмыльнулся Тоши, надеясь обезоружить подозрение Хидецугу открытым проявлением жадности и эгоизма. Огр ожидал бы этого от Тоши.

Но выражение лица Хидецугу посерьезнело. Выпирающие мускулы на его руках и ногах напряглись, и огр взмыл высоко над своим костяным тронem. Тоши не шелохнулся, когда Хидецугу тяжело приземлился рядом с ним, и толстые каменные плиты под его ступнями покрылись паутиной трещин.

Очимуша подождал, пока огр осмотрит его. Когда Хидецугу обошел его по полному кругу, Тоши сказал, - Если ты закончил оценивать меня, брат по клятве, я бы хотел обсудить с тобой дела. Наша месть, - он указал на академию вокруг них, - похоже, завершена. Нашим следующим шагом, мы должны...

- Наша работа здесь, - перебил его Хидецугу, - еще не закончена. Маги и соратами перешли дорогу нам, мстителям хэдзан. Их страдания лишь начались. – Огромные ноздри огра раздулись, и он злобно фыркнул. – Мы дали клятву.

Черная шелковая накидка Хидецугу была перекинута за плечи, поэтому Тоши ясно видел знак хэдзан, выжженный на груди огра. В тених за костяной насыпью, Тоши также увидел других ямабуши, скрывавшихся во тьме, и подкрадывавшихся ближе к своему хозяину и его гостю.

- Что ж, мне бы не хотелось возражать, - сказал Тоши. – Но мстить уже некому, разве нет? – Он указал на белую насыпь. – В смысле, их страдания уже завершились, верно? Что же еще осталось?

Хидецугу улыбнулся, и его язык уродливо повис поперек губ. Тоши нервно сглотнул.

- Нет, друг мой, - сказал огр. – Их жизни завершились, и их кости обглоданы, но их души все еще смакуются и перевариваются. Согласно условиям нашей клятвы, созданной тобой, месть не считается завершенной, пока она не взыскана в десятикратном размере.

Он присел, направив взгляд своих диких глаз и разящее падалью дыхание прямо Тоши в лицо. – Те, кто отдал приказ об убийстве нашего брата Кобо, здесь. Месть за моего ученика уже настигла магов и лунный народ, но она не закончится, пока не достигнет их ками покровителя. Я поклялся, что скормлю каждого из них, всё, чем они владели, и всех, кого они любили Всепоглощающему Óни Хаоса. Для него, все это, - он указал на насыпь, - на один укус.

Тоши почувствовал, как его глаза начали стекленеть. – Понятно. – Он слабо улыбнулся и, опасаясь ответа, спросил, - А где сейчас твой óни?

Хидецугу встал. Смеясь, он распростер руки. – Здесь. Везде. Он пожирает все, что есть в Минамо. Маги сгребли сюда замечательную коллекцию могущественных артефактов и заклинаний. Когда я в последний раз видел своего бога, он пожирал центральную библиотеку, свиток за свитком.

Тоши выругался про себя. Если óни поглощал неодушевленные предметы великой силы, он вряд ли бы просмотрел сокровище Даймё Конды, которое Тоши оставил в глубине лабиринта кабинетов и коридоров академии, на сотни футов под тем местом, где он стоял сейчас.

Маниакальная радость Хидецугу унялась. Он прошел мимо Тоши к своему самодельному трону. – А ты, очимуша? – спросил он через плечо. – Если ты пришел не за тем, чтобы почтить нашу клятву, данную Кобо, зачем же ты тогда пришел?

Тоши решил не говорить правду – это все равно никогда ни к чему хорошему не приводило. Он надеялся, что Хидецугу и его демонический дух будут слишком захвачены кровавой резней, чтобы обратить внимание на диск. Если они не знали, что это был за диск, или насколько он был могущественен, они могли отдать его ему по первому запросу ... в конце концов, он сам его сюда принес.

Он выругался снова. Теперь ему придется искать способ убедить о-бакемоно отказаться от сокровища, вместо того, чтобы скормить его своему óни. Тоши это не

нравилось. Он был новичком в концепции духовного служения, а Хидецугу уже долгое время был истинным верующим. Если у его óни была хоть малейшая заинтересованность в этом диске, огр никогда не позволит его отсюда забрать.

- Я пришел, - сказал Тоши, - от лица Мёдзин Объятий Ночи. Я ее служитель, и ее интересы, это мои интересы. В данный момент она желает защитить Болота Такенумы. Теперь, когда башня Конды пала, и сам Даймё пропал, она видит возможность столкнуться с ее врагами и расширить свое влияние.

Хидецугу снова наклонил голову. – И как это касается меня?

- Слушай, - сказал Тоши, чувствуя, как раздражение подавляет его страх, - ты умудрился сочетать нашу клятву и духовное служение. Почему не могу я?

Огр усмехнулся. – Óни и мёдзин духи в той же степени, как бабочки и шершни насекомые. Делая собственный выбор, ни в коем случае не перепутай их.

- Я понял. Но ты меня не слушаешь. Что, если я скажу, что помогу тебе здесь, а потом ты пойдешь со мной на болота? Можешь даже прихватить с собой свою команду убийц ямабуши с их изнасилованными мозгами. Бойня на болоте покажется тебе отдыхом от бойни в воде или в небесах.

- Посмотри вокруг, брат по клятве. Маги уже либо мертвы, либо разбежались, а твой óни доедает все, что осталось после них. Месть за Кобо будет продолжаться. Следующим шагом у нас были соратами, верно? Так вот, соратами сейчас на болотах, и если мы убьем их там, мы почтим и клятву, и мою мёдзин.

Улыбка Хидецугу испарилась. Его глаза вспыхнули гневом. Его голос был низким и хриплым. – Соратами *действительно* следующие. И нам не нужно никуда ходить, чтобы убить их, друг мой. Они совсем рядом. – Огр взглянул вверх, и его ямабуши глухо и скорбно застонали.

Тоши почувал слабое место. – Я слышал, что соратами оставили лишь небольшой гарнизон для защиты города. Большинство их в болотах, пытаются прибрать их под себя.

- Большинство их в лесу Дзюкай, - поправил его Хидецугу. – Но хёдзан найдут их и разберутся со всеми ими, в свое время.

- Так почему не сейчас? – сказал Тоши. – Оборó защищен символическим войском, и для óни, вкус лунной кожи более экзотичен, чем вкус старых книг или человеческого мяса. Не говори мне, что великого и могущественного о-бакемоно и полдюжины ямабуши смогут остановить чахлые аристократы с мечами.

Огр ухмыльнулся опять, вызывая холодный пот на затылке Тоши. Он наблюдал Хидецугу в безумии боя, размахивавшего своей дубиной в одной руке, и трупом врага во второй, с рычащим хохотом и искрами из глаз. По сравнению с его теперешним выражением лица, та маска дикой ярости казалась теплом обожающих глаз матери.

- Этого я тебе не расскажу, Тоши, - сказал Хидецугу. – Но я расскажу тебе, что я уже посетил Оборó. Совсем недавно, кстати. Там сейчас все так, как мне нравится. Хочешь посмотреть?

- Нет, - быстро сказал Тоши. – Я просто...

Но Хидецугу сгреб его и сунул под руку, словно полено для костра. Огр поднял вторую руку и щелкнул пальцами.

- Перенесите нас в Оборó, - прогремел он. – Я желаю, чтобы Тоши увидел, как поживает город в облаках.

Тоши не мог воспротивиться, его легкие были сдавлены в захвате Хидецугу. Пятеро ямабуши возникли из тьмы, включая тех, что приветствовали Тоши у ворот. Они взяли за руки и образовали круг вокруг своего хозяина и его ноши, после чего боевые монахи принялись колдовать.

Серия круглых платформ, созданных из тусклого янтарного света, возникли между полом и самым высоким внешним окном. Тоши проследил глазами за направлением ступеней, уходящих за окно, высоко в вечернее небо.

Женщина ямабуши с входных врат прыгнула на первую платформу. Она скакала, подобно проворному пауку, со ступени на ступень, останавливаясь после каждого приземления, для смягчения касания и накопления сил для следующего прыжка. Как только она выпрыгнула из окна, следующий ямабуши запрыгнул на нижнюю платформу.

Когда он скрылся снаружи, Хидецугу прыгнул сам. Тоши пытался вскрикнуть, когда мир завертелся вокруг него, но его легкие были все еще лишены воздуха. Хватка огра сделалась жестче, и он грузно ступил на первую платформу. Тоши стиснул зубы и сосредоточился на том, чтобы его не раздавили объятья о-бакемоно.

Снаружи небеса прояснились, и город соратами Оборо засиял золотом в лучах заходящего солнца. Сквозь пелену из слез Тоши видел, что платформы из янтарного света достигали подножья самого города. Первая ямабуши уже почти добралась до верха; Тоши и Хидецугу скоро нагонят ее.

Тоши закрыл глаза и произнес быструю молитву своей мёдзин. *О Ночь, думал он. Я все еще твой верный и преданный слуга. Но, возможно, я не скоро смогу завершить задание, которое ты мне поручила.*

Спустя мгновение, он мысленно добавил, *И ты, Мичико.*

Беспомощный в захвате своего бывшего брата по клятве, Тоши задумался о том, что он увидит на вершине этой необычной лестницы.

Высоко над вымощенными драгоценными камнями улицами Оборо, Хидецугу и его ямабуши завершили свое путешествие. Огр все еще сжимал Тоши подмышкой, пока его воины создавали и занимали световые платформы, размещенные широким полукругом. Улицы под ними образовывали обширный четырехугольник, половина которого была покрыта тенью от возвышающихся шпилей и сверкающих куполов столицы соратами.

- Брат по клятве, - выкашлял Тоши сквозь стиснутые зубы, - если мы уже прибыли, я бы предпочел стоять на своих двоих.

Хидецугу не ответил, но повернулся осмотреть дугу из ямабуши, загибающуюся слева от него. Пожав плечами, он ослабил хватку, и очимуша рухнул на платформу.

Тоши не торопился вставать, и, стоя на четвереньках, ощупал волшебную почву. Янтарный свет ощущался таким же твердым, как камень, грубый и холодный на ощупь, но он также отталкивал его ладони, словно окруженный слоем невидимых пружин. Он был явно прочным, хотя ему так и не удалось его толком коснуться.

Вставая на ноги, Тоши взглянул вниз, на четырехугольник улиц. Они были слишком далеко, чтобы просто прыгнуть и надеяться на лучшее, если только он не приземлился бы среди теней. Одним из благословений, полученных им от Объятий Ночи, была способность путешествовать от тени к тени, поэтому, все, что ему требовалось, это просто коснуться силуэта строений соратами, и он мог переместиться, куда бы ни пожелал.

Прикидывая расстояние, которое ему пришлось бы преодолеть, Тоши решил подождать. Ситуация должна была стать гораздо более отчаянной, чтобы он прибег воспользоваться этим выходом.

- Так. – Тоши расправил свой пояс с ножнами. – Ты втащил меня сюда, наверх, чтобы показать ... это? Я скажу тебе еще раз, брат по клятве. По мне, все это выглядит так, будто концерт давно окончился, и все разошлись по домам.

Действительно, во всем Оборо не было никаких признаков жизни. Улицы были тихими и застывшими, а строения казались пустыми, забытыми, и словно одинокими в сгущающихся сумерках.

- Подожди. – Голос Хидецугу был низким и спокойным. Он не сводил глаз с четырехугольника. – Ты же знаешь, как ждать, верно? Это навык, который стоит тренировать.

Очимуша скрестил руки и раздраженно фыркнул. Чем дольше это длилось, тем очевиднее было, что случится нечто ужасное. И все же, он никак не мог поторопить Хидецугу, поэтому заставил себя расслабиться и дать о-бакемоно продемонстрировать то, что тот хотел. Один из первых уроков, которые Тоши уяснил об отношениях с ограми, гласил: не нужно торопить события.

Знакомство Тоши с Хидецугу произошло почти десять лет назад, когда очимуша все еще состоял в банде подневольных мстителей на службе у Босс Урамон. Вяло-ликая криминальная королева была одной из наиболее влиятельных фигур Болот Такенумы, и в ту пору она пыталась расчистить новый маршрут для своих черно-рыночных караванов. Одним из важнейших участков маршрута пролегал через Шинку, дом Хидецугу. Босс выслала в Шинку гонцов, дары, и предложение дружбы, но никто из ее послов не вернулся. Когда она выслала одного из самых жестких переговорщиков с командой резачей с топорами, для форсирования своего вопроса, Хидецугу отослал ей их изуродованные тела, засунутые в один крупный мешок. Он, также, приложил издевательскую записку, в которой объяснил Урамон, что недостающие головы теперь украшают подход к его владениям, и что она может прийти полюбоваться на них в любое удобное ей время.

Урамон была уравновешенным боссом, но подобные оскорбления плохо влияли на бизнес в Такенуме. Следуя давней криминальной традиции, Урамон собрала своих самых опасных головорезов в банды, которые она назвала мстителями, их работа заключалась в том, чтобы демонстративно, самыми болезненными способами наказывать любого, кто перейдет дорогу боссу. Она дала задание своим самым надежным мстителям жестоко покарать Хидецугу.

Босс была не глупа, и решила не недооценивать силу огра, особенно в его собственном логове. Тоши входил в число самой крупной группы мстителей, из когда-либо собранных Урамон, почти тридцать наиболее опытных магов, экспертов-силовиков, и наемных убийц, каких только можно было отыскать в Такенуме.

Всех их возглавил сильнейший наемник, по прозвищу Одноглазый, за то, что тот носил глазную повязку с толстой деревянной накладкой. Одноглазый был известен своими массовыми убийствами с особой жестокостью, даже по меркам Такенумы. Поговаривали, что он обменял свой глаз на проклятый драгоценный камень, который способен был убить любого, кто на него взглянет, и он быстро поднимал свою глазную накладку, показывая камень даже при самых мелких препирательствах.

Одноглазый был единственным, кто мог повести столь крупную группу против столь мощного противника. Он отчасти был опытным инструктором, отчасти грубым надсмотрщиком, требуя, чтобы вся банда следовала его приказам и действовала профессионально. Он даже убил двоих из группы до начала похода, чтобы вдолбить всем свою главную мысль: он не собирался умирать из-за чьей-то ошибки.

Они быстро и бесшумно преодолели длинный путь в горы Сокензан. Достигнув Шинки, Одноглазый расставил их всех вокруг хижины огра, так, чтобы они могли напасть на него, как только он из нее появится.

Тоши не повезло, что Одноглазый хоть и уважал его навыки в магии канджи, но ненавидел за не в меру умный язык. Поскольку, по плану Одноглазого, требовался кто-нибудь, для того, чтобы разозлить огра и выманить его в засаду, он, не раздумывая, послал на эту работу Тоши. Не было никого более подходящего, для того, чтобы открыто стоять перед Шинкой и провоцировать огра, пока тот не решит напасть. И если челюсти капкана сомкнутся недостаточно быстро, что ж, наживке придется защищаться самостоятельно.

- То есть, я наживка? – возмущался Тоши.

Одноглазый пытался подать сигнал двум чудовищам-мстителям, указывая, что те были не на своих местах. Занятый тем, чтобы держать под контролем ядовитого *акубу* и кошмарного, цепкого *гаки*, пока не началось нападение, наемник не обращал особого внимания на Тоши.

- Ты же маг канджи, верно? У тебя есть бумага и чернила. Если он подойдет слишком близко, нарисуй на бумажке один из своих символов, которые замораживают людей, и швырни ее ему в лицо.

- Не пойдет. Обычные фокусы не сработают на таком мощном...

Рука мускулистого убийцы дернулась в сторону глазной накладки, но остановилась на полпути, сжавшись в кулак. – Спускайся туда и вымани огра. – Одноглазый скрестил руки. – Зачем, по-твоему, еще я тебя с собой взял?

Так, Тоши зашагал к дверному проходу хижины и встал так, чтобы его не было видно изнутри. Пока Одноглазый быстро обходил всех, подготавливая каждого к всестороннему нападению, Тоши вытащил тонкий свиток пергамента и крошечную бутылочку с чернилами со встроенной в пробку кистью. Это были базовые инструменты магии канджи, искусства наделять символы волшебством и силой воли. Тоши уже многие месяцы превосходил уровень бумажно-чернильного колдовства, но держал свои истинные способности в тайне, пока он работал на Урамон. Если бы босс узнала все, на что он был способен, она бы попросту заставляла его делать все это по ее приказу, безо всякой личной выгоды для него самого.

Тоши сделал вид, будто мнет свиток, но вместо предложенного Одноглазым канджи паралича, Тоши осторожно вынул на дюйм из ножен свой меч и провел указательным пальцем по его лезвию. Капая кровью, он быстро начертил совсем другой символ у себя на лице. Когда он был завершен, знак зашипел, словно вода на раскаленной сковороде, и испустил облачко красного дыма.

Чувствуя себя чуть более уверенно, Тоши, затем, начертил на рулоне пергамента чернилами канджи паралича и оторвал его от свитка. Он не рассчитывал, что это сработает – даже не думал, что у него будет шанс им воспользоваться – но хуже от него не будет. Одноглазый был весьма компетентным, и в его распоряжении и полной боевой готовности были самые крепкие мышцы Урамон. Нападение могло пройти успешно, а если нет, Тоши хотел иметь возможность сказать, что свою часть работы он выполнил.

Чувствуя, как на лице высыхает его собственная кровь, Тоши стоял и слушал, как его билось его сердце, в ожидании сигнала и последующей за ним дикой резни.

* * * * *

- Вон там, - сказал Хидецугу. Солнце почти зашло за самую высокую башню Оборо. Огр указал вниз, в угол поля из сапфировой брусчатки.

Тоши присмотрелся. – Я не вижу... - Его голос умолк, когда небольшое клубящееся облако черного дыма образовалось на краю удлиняющихся теней. Крошечный вихрь расширился, затем развеялся в тусклую серую тучу, усеянную оранжевыми искрами. Даже на таком расстоянии Тоши видел чудовищные, человекообразные силуэты, бредущие внутри облака.

Первый óни ступил на четырехугольник, шипя, словно дикий кот. Ростом и формой он напоминал человека, но был заметно крупнее, шире и тяжелее. Его шкура была толстой, ярко красного цвета, а мускулы гротескно выступали при каждом его движении.

Его лицо напоминало маску черепа из голых костей, жестких наростов и торчащих зубов. Пара диких красных глаз сияли в тусклом свете, а третий мигал сквозь свою вертикальную прорезь выше, по центру лба. Два длинных, острых рога росли из его лба, загибаясь назад, вверх макушки, и костяные шипы торчали из его колен и локтей. Что-то темное и маслянистое капало с его острых когтей, прожигая грязную шерсть, покрывавшую его поясницу, бедра, и ноги. Когда он полностью вышел на свет, его колючий хвост принялся с грозным свистом рассекать воздух.

Наиболее тревожным в óни было то, что на нескольких пальцах у него виднелись искусно вырезанные кольца, а на обеих руках красовались ритуальные бандажки. Он также носил ожерелье ручной работы, с нанизанными на него непонятными красными шарами и обглоданными человеческими фалангами.

Он вышел из облака дыма в последние яркие лучи солнца. В его движениях было что-то жуткое и чужеродное, и когда другие человекообразные демоны втащились в четырехугольник, Тоши понял, что это было.

Их тела выглядели человеческими, но их контуры растягивались и вспучивались, словно густая, кипящая жидкость. Их руки простирались дальше, чем их кости должны были позволить, а ноги расширялись и складывались, словно частично закупоренные шланги. Хотя они двигались через площадь быстро и плавно, казалось, каждая их кость, каждый палец, рука, позвонки, и бедра не были соединены друг с другом. Вместо этого, каждая твердая, как сталь, кость парила отдельно внутри жилистого комка из мышц, туго обтянутого плотной кроваво-красной шкурой они.

Догадка Тоши оправдалась, когда первый они прыгнул на ближайшую стену. Он видел соратами, летящих на волшебных облаках, могучих птиц, парящих на собственных крыльях, и духов, плывущих на потоках ветра. Некоторые, как ямабуши Хидецугу, с помощью магии совершали невероятные прыжки, чтобы забраться повыше.

Наблюдая за тем, как первый они полз по стенам Оборо, как ящерица с присосками на пальцах, Тоши понимал, что ни магия и не ветер помогали монстру двигаться вверх, но лишь сила его мышц. Он вонзал пальца рук и ног глубоко в каменную стену, он переставлял каждую кость, для достижения требуемого давления. Он прыгал, вгрызался в стену, собирал силы, и прыгал вновь. Все это происходило так быстро, что походило на плавное текучее движение, а не грубую борьбу между мышцами они и силами гравитации. На самом деле, если бы Тоши не всматривался так пристально, то ползущие они были неотличимы от комковатых капель красного дождя, текущих вверх по стенам четырехугольной площади, обратно к небесам.

- Пока Всепоглощающий поедает академию, - фыркнул Хидецугу, - эти малые они терзают Оборо. И во многом, - огр сделал паузу и кивнул Тоши, - ты сделал это возможным. Смотри же, и наслаждайся зрелищем.

Тоши собирался что-то сказать, когда первые соратами поднялись над площадью. Они были высокими, худощавыми, грациозными созданиями с серебристо-белой кожей и неопределенными чертами лиц, одинаково худыми, узкими, и стоическими. Всего их было около десятка, у каждого в руках были катаны, каждый стоял на небольшой белом облаке, полностью покрывавшем их ступни. Среди всех племен Камигавы, соратами слыли самыми уважаемыми учеными и вселяющими страх воинами. Некоторые даже считали их полу-божественными существами. До того, как он перешел им дорогу, Тоши и сам благоговел от их репутации на расстоянии, и от их присутствия вблизи. Ему не нравились соратами, но он знал, что к ним стоило относиться серьезно.

Подсчитав количество бойцов, когда они и соратами набросились друг на друга, Тоши отметил, - Твоих демонов вдвое меньше, Хидецугу. Против соратами, я бы на них ставку не делал.

- Это потому что ты мягкий маленький человек, который все еще скулит и выклянчивает у kami защиту, - ответил огр, не отрывая глаз от предстоящей битвы. - Огры и они сделаны из более твердого теста. Закрой рот и смотри.

Тоши сглотнул свои следующие мысли и уставился на сражение. Самый крупный и грозный воин соратами бросился с высоты подобно хищной птице. Снизу, ему навстречу по стене полз первый они, из его рыхлой челюсти с острыми зубами капала едкая пена.

Соратами вытащил меч. Он распахнул пасть. Высоко над ними Тоши поморщился в ожидании жуткого столкновения этих двух разъяренных сил.

* * * * *

Одноглазый подал сигнал. Вокруг входа в Шинку чудовища приготовились к прыжку, маги к призыву заклинаний, а резачи достали свое оружие. Пришло время свести счеты с Хидецугу.

Одноглазый нетерпеливо махнул рукой в сторону Тоши, тот кивнул в ответ. Очимуша повернулся к входу в хижину огра, сжимая в руке канджи паралича. Другой символ у него на лице все еще пощипывал, но пока еще не высох.

- Эй, - позвал Тоши. – Ты, там, в хижине. О-Бакемоно! Босс Урамон требует сатисфакции.

Хотя приглушенный, жужжащий рокот продолжался, не стихая, никаких новых звуков из Шинки не последовало. Тоши подождал, и прежде, чем Одноглазый мог поторопить его очередным взмахом, выкрикнул снова.

- Огр! – Тоши сложил ладони вокруг рта. – Ты повесил отряд Урамон в своем саду. Теперь она из твоей шкуры сделает ковер в своей столовой. Ее мстители здесь, чтобы сжечь Шинку у тебя под носом, и осквернить ее пепел.

Ветер сменился. Тоши почувствовал дымный смрад, выходящий из хижины. Он ничего не мог разглядеть во тьме логова, но почувствовал, как что-то массивное приближалось к нему. Тоши показалось, что он услышал низкий, зловещий смех. Очимуша нервно сглотнул.

- Последний шанс, - выкрикнул он. – Выйди к нам и умри с остатками своей чести. После твоей смерти ее уже не будет. Выйди к нам, или прячься там, в темноте, пока мы не вытащим тебя на суд Урамон.

На этот раз смех был безошибочным. Тоши не был уверен, что в хижине находился огр, но что бы в ней ни находилось, его развлекало то, что оно слышало. Тоши пожал плечами. Он знал, что не особо старается вжиться в роль провокатора, и был уверен, что Одноглазый заставит его за это заплатить. И все же, пока он не поймет, насколько опасным был о-бакемоно, Тоши не собирался привлекать его внимание к себе больше, чем то было необходимо.

Неожиданно, два красных глаза вспыхнули в темноте входа в Шинку. Тоши стоял, окаменев, когда Хидецугу протиснулся из хижины, вытаскивая свое громадное тело с помощью одних лишь массивных ручищ. Как только его бедра протиснулись из прохода, Хидецугу подтянул ноги и встал в полный рост.

Он был одет в простую набедренную повязку и нес с собой толстую, обитую шипами дубину *тецубо*. Его дикие, красные глаза были сощурены в подобии злорадства, и его длинный торчащий язык резво облизывал его жуткие зубы. Хидецугу широко развел руки, открывая свою широкую, мускулистую грудь, и взревел вызывающим хохотом.

Рост и уверенность огра на мгновение напугали всех собравшихся мстителей, включая Одноглазого. Убийца быстро пришел в себя и выкрикнул команду о нападении.

Тоши моргнул, когда мстители принялись колдовать и бросаться в бой. Когда он открыл глаза, Хидецугу стоял прямо перед ним.

Жестокое ликование огра горячим ветром окатило Тоши. Хидецугу улыбался, глядя на Тоши, его губы широко растянулись поверх сомкнутых зубов. Он слегка сощурился, осматривая символ на лице очимуши.

- Ха! – Усмехнулся Хидецугу. Он протянул палец, толщиной с запястье Тоши, и игриво ткнул им в мага канджи.

Тоши снова моргнул, и когда открыл глаза, огра уже не было. Пространство между ним и входом в Шинку было совершенно пустым. Если бы он того захотел, он смог бы скрыться в собственной хижине огра.

Вместо этого, Тоши остался стоять совершенно неподвижно. Он не знал, мог ли он двигаться, и не хотел позориться, попытавшись и не сумев. Его сердце бешено билось, и холодный пот прилепил его льяную рубаху к спине.

Сзади он слышал крики, перемежающиеся влажным хрустом. Хотя вся его жизнь, вероятно, зависела от этого, Тоши не мог найти в себе силы повернуться и посмотреть, как проходило сражение.

* * * * *

Соратами совершил единственную ошибку в нападении на первого óни: он убил его первым ударом.

Сверкающий меч лунного воина вошел в голову óни, рассек его третий глаз, расколов череп демона от макушки до носа. Несомое инерцией и злобой тело óни взмыло вперед, врезавшись своим разбитым лицом в грудь и горло соратами. Рефлекторно, зубы мертвого óни сомкнулись на шее воина. Его цепкие когти вонзились в тело соратами и вышли из его спины. На мгновение, противники повисли в воздухе. Тело óни торчало сквозь соратами, как живое копьё. Затем весь этот жуткий ком рухнул на площадь под ними.

Это был образец контрастов боя. Соратами были дисциплинированы, грациозны, даже элегантны со своими сверкающими клинками и острыми, как бритва, метательными шипами. Óни не уступали им в скорости и силе, но они были дикими, первобытными, и несдержанными в своей кровожадности. Первые несколько мгновений грубой схватки Тоши полагал, что стороны были равны, несмотря на превосходящее количество соратами.

Тем не менее, весы быстро склонились в сторону óни. Демоны могли продолжать сражаться, невзирая на потери рук, ног, или, как доказал их предводитель, даже головы. Искалеченные или смертельно раненые, óни продолжали нападать, вгрызаясь в соратами зубами, когтями, и рогами.

Соратами, с другой стороны, более остро ощущали свои ранения. Когда лунному воину наносилась глубокая рана, или ломалась кость, они теряли решительность, даже останавливали бой. Казалось, им столько же боли причиняет сам факт, что они были ранены, сколько сами раны. Тоши увидел, как один воин погиб, проткнутый рогами óни сквозь спину, и когда окровавленные концы рогов пробились из его груди, соратами взглянул на них с отвращением. Тоши посмотрел дважды, чтобы убедиться в том, что он видел, и действительно, выражение лица лунного воина выражало не шок или агонию, но возмущение. Как осмелилось столь примитивное существо выпустить кровь одному из любимых детей луны?

Как воины, соратами были более сконцентрированы, более дисциплинированы, и более эффективны, чем óни. Но óни были порождением хаоса, они не сражались в единичных битвах. Вместо этого, они прыгали, ползли, и скакали от врага к врагу, вырывая горло здесь, выкалывая глаз там. Они казались совершенно несосредоточенными ни на чем, кроме стремления пролить как можно больше крови соратами, но с течением битвы, их тактика оказалась выигрышной. Когда последние соратами отступили в небо на своих облачных платформах, на площади осталось такое же количество óни. Демоны Хидецугу потеряли больше половины своей численности на начало боя, но они нанесли гораздо больший урон защитникам столицы соратами.

Лишенные противников, оставшиеся óни расплозились по сапфировой брусчатке, прочь из четырехугольной площади, по улицам Оборо. У Тоши был очень ограниченный опыт в отношении óни, и он надеялся оставить его на этом уровне, но он знал, что эти грозные громилы будут продолжать убивать все, что смогут найти, пока их самих не убьют.

- Видишь, Тоши? – лицо Хидецугу озарилось злорадством. – Нет надобности торопить месть за Кобо. Пока Всепоглощающий пожирает секреты Минамо, мы учим

Оборо истинному значению ужаса. Они не могут остановить нас. Они не могут противостоять нам. Они не могут отступить, и не могут избежать нас. Скоро весь город будет полон они.

Огр сгреб Тоши одной рукой, поднеся очимушу близко к своей широкой, плоской голове. – Тогда, и только тогда, наша работа здесь завершится.

Тоши попытался освободиться из хватки Хидецугу. – Я тебя понял, брат по клятве. Но я начинаю уставать от того, что меня постоянно поднимают и сжимают, как бочку вина.

Пальцы огра расслабились, но он не выпустил Тоши. – Ты поднял интересный вопрос, другой мой. После столь долгого времени, проведенного вместе, ты думаешь, я должен проявлять к тебе больше уважения.

Тоши набрал полные легкие воздуха; никогда нельзя быть уверенным, что Хидецугу не решит снова сжать кулак.

- Да, брат по клятве, - сказал он. – Думаю, ты, по крайней мере, должен проявлять ко мне хоть чуточку вежливости.

Губа огра дернулась, показывая Тоши сверкающие острые клыки.

- Должен ли? – голос Хидецугу почти не отличался от рычания. – Вероятно, должен. Вероятно, мы оба должны помнить, в чем именно мы поклялись друг другу.

Тоши изо всех сил старался сохранять спокойствие. Вокруг них на платформах из янтарного света ямабуши ожидали приказаний своего хозяина. Под ними, разъяренные кошмары рыскали по улицам столицы соратами.

И в самом центре всего этого, основатели хёдзан, не мигая, смотрели друг другу в глаза.

Тоши все еще стоял там же, где прежде, напротив входа в Шинку. Он ни разу не шелохнулся, пока за его спиной шла ожесточенная битва, и не шевелился сейчас, когда Хидецугу начал наваливать изуродованные и обезглавленные трупы перед носом очимуши. Тоши даже не решался двигать глазами, но он видел листок пергамента с канджи паралича, висящий на спине Хидецугу. Он прицепил его на повязку огра в тот момент, когда Хидецугу отпрыгнул от него. Теперь листок трепетал на ветру, пока огр возился со своей жуткой работой, символ на нем был четкий, неповрежденный, но лишенный всякого эффекта.

Если бы он осмелился пошевелиться, Тоши бы пожал плечами. Он предупреждал Одноглазого, что это не сработает.

Судя по останкам, Одноглазый и другие мстители, использовавшие магию, были сожжены насмерть в первые же секунды сражения. Тяжелая накладка на глаз убийцы, все еще была на месте, но толстый деревянный квадратик дымился и тлел поверх его обугленной плоти, навсегда закрывая его проклятый глаз.

Гораздо позже, Хидецугу неторопливо подошел к Тоши и сел перед последним мстителем Урамон. Он казался спокойнее, но все еще опасным, словно медведь после сытной трапезы. Огр осмотрел стоящего неподвижно Тоши с выражением, очень напоминавшим изумление, затем указал на знак на лице очимуши.

- Маленький колдун канджи, - сказал он, - почему ты нанес этот символ на свое лицо, где я смог бы его увидеть? Ты думал, я не узнаю его, и нападу на тебя?

Тоши всеми силами старался, чтобы его голос звучал спокойно, а тело не тряслось. – Это был просчитанный риск. Я не вижу необходимости умирать ради Урамон, но и отказать ей я тоже не мог. Я решил, что это был самый безопасный способ дать тебе понять: Я не могу навредить тебе, я даже не хочу тебе вредить ... но мне придется, если ты навредишь мне. Я лишь надеялся, что ты узнаешь канджи отражения и оставишь меня в покое. Тем более что вокруг было полно других жертв, куча других мстителей, которые всерьез решили тебя убить.

- А если бы я не узнал этот канджи, - сказал Хидецугу, - чтобы я не попробовал сделать с тобой, тут же произошло бы со мной самим. В любом случае, ты выигрываешь. – Огр ухмыльнулся, демонстрируя окровавленные зубы. – По началу.

- Уф, да, - нервно сказал Тоши. – Было бы враньем, сказать, что это не приходило мне в голову.

Хидецугу завел руку за спину и сорвал листок пергамента со своей повязки. – А это?

- Это ... была его идея. – Тоши указал на Одноглазого под грудой трупов. – Я советовал ему этого не делать.

- Но сделал все равно.

- Сделал. Видишь ли, я очень лоялен.

О-бакемоно громко рассмеялся. – Это пока что твоя наибольшая ложь, - сказал он. – И все же, я почему-то в это верю. – Свет в глазах Хидецугу померк, став более зловещим. – Но что же мне делать с тобой теперь, маленький мститель?

- Ну, я тоже об этом задумывался. Я не могу вернуться домой – Урамон потребует объяснить, что произошло, и как мне одному удалось выжить. Я все еще у нее в долгу, поэтому, технически, принадлежу ей.

Огр кивнул, обдумав ситуацию Тоши. – Знаешь, ты также можешь дать мне тебя сожрать, - предложил он.

- Или, - мягко произнес Тоши, – мы можем заключить соглашение. Я связан с Урамон, но не хочу этого. К тебе будут продолжать являться гости, пока она не будет удовлетворена, и бьюсь об заклад, тебе этого не хотелось бы. Не думаю, что тебе что-то угрожает, - он кивнул в сторону груды трупов, - но это может лишить всякого покоя.

Хидецугу опустил подбородок на сжатый кулак, взвешивая каждое слово Тоши. Он казался искренне и всецело изумленным.

- Я давно хочу сколотить собственную банду мстителей, - сказал Тоши. – Эта мысль пришла мне в голову, когда я понял, что нет способа нарушить клятву мстителя, но можно присягнуть другой клятве. Я решил, почему я должен посвящать свою жизнь кому-то, лишь потому, что они мной владеют? Если я смогу убедить пару ... серьезных ребят, таких как ты, присоединиться ко мне, мы смогли бы вообще уйти от боссов.

- Банда мстителей, - задумчиво проговорил Хидецугу. – Без босса? Это что-то новое.

- Спасибо. Я решил, что мы лучше будем присматривать друг за другом, чем за репутацией какого-то криминального барона. И если мы будем демонстративно... серьезными, все боссы вскоре поймут, что выгоднее оставить нас в покое. В конечном счете, все они люди дела, и не делают ничего без собственной выгоды. Если перейти нам дорогу будет для них слишком дорого, со временем, они перестанут с нами тягаться.

- Это замечательная мысль. Как тебя зовут?

- Тоши Умегава, - сказал он.

- Замечательная мысль, Тоши Умегава. Но я вижу несколько упущений.

Очимуша нервно сглотнул. – Фатальных упущений?

- Возможно. Во-первых, ты не достаточно... серьезен сам по себе, чтобы создать солидное впечатление, необходимое для новой банды мстителей. И еще, я сомневаюсь, что столь юный парень, как ты, обладает достаточными познаниями в искусстве создания истинно крепкой кровавой клятвы.

Тоши озарился торжествующей улыбкой. – Здесь начнется твое участие, благородный о-бакемоно.

Ноздри Хидецугу раздулись. – Это еще одно упущение. Ты заинтересовал меня, очимуша, но как только я перестану ощущать сытость, я откушу тебе голову и проглочу ее целиком. – Глаза огра вспыхнули и из них посыпались крошечные искры.

- Ой. – Тоши обмяк на месте. – Это плохо.

- Да. Для тебя это плохо. – Хидецугу откачнулся назад и положил руки на колени ладонями вверх. Он закрыл глаза и замер, словно медитируя.

Тоши решил поставить все на последний бросок костей. – Ладно, - сказал он. – Что если ты возьмешь меня к себе своим учеником? Я знаю, что о-бакемоно тренируют учеников, чтобы поддерживать свою влияние. Магия огров одна из сильнейших и уж точно наиболее грозная во всей Камигаве, но она ничего не стоит, если ее никто не будет практиковать. Обучи меня, и твое имя все еще будут произносить испуганным шепотом многие поколения после твоей смерти.

Глаза Хидецугу оставались закрытыми, но он улыбнулся. – Ты не так хорошо информирован, как ты думаешь, друг мой. Это тоже тебя убьет, с той лишь разницей, что это будет дольше и мучительнее. Ни один из моих последних четырех начинающих учеников не пережил и месяц.

Тоши решил рискнуть и проявить храбрость, в надежде, что это впечатлит огра. – Попробуй меня. Я тебя не разочарую.

Веки о-бакемоно резко распахнулись, и он впился в Тоши испепеляющим взглядом. – Нет, очимуша, - сказал он. – Ты слишком умен, слишком независим, чтобы стать хорошим учеником. К тому же, я уже отобрал двух следующих учеников. Нет, я сэкономлю гораздо больше времени, если убью тебя сейчас.

Он протянул руку, словно желая схватить Тоши, но очимуша закричал, - погоди! Предложи мне работу! Должно же быть что-нибудь, чего ты хочешь, или что тебе нужно. Дай мне задание, это будет выгодно для нас обоих.

Рука огра остановилась всего в паре футах от Тоши. Он не мог разглядеть Хидецугу за грубой ладонью и толстыми, когтистыми пальцами, но он четко слышал голос огра.

- Похоже, ты всерьез решил заключить со мной сделку. Ты представляешь, насколько это опасно?

- Возможно, не представляю, - признался Тоши. – Но, у меня не большой выбор, верно?

Хидецугу опустил руку. – Ладно, очимуша. Я дам тебе задание, что-то, что докажет мне твою полезность. Через десять дней я пойду за своим следующим учеником. На его обучение уйдут годы.

- Если он выживет.

- Если он выживет. Я бы предпочел, чтобы меня не отвлекали шестерки Урамон, на время его испытания. Это лишь растягивает процесс.

- Убеди Урамон оставить меня в покое до следующей весны. К тому времени я уже буду знать, есть ли у меня ученик, или это была очередная ошибка. Взамен, я присоединюсь к твоей банде свободных мстителей. – Глаза огра вспыхнули ярким красным пламенем. – Я могу даже помочь тебе создать заклинание, которое свяжет нас.

- Договорились, - выпалил Тоши. – Хотя я был бы ошарашен, если бы ты мне просто позволил уйти с одним лишь обещанием.

- Это потому, что бы быстро соображаешь. Нет, Тоши Умезава, я не собираюсь полагаться на твое слово. Но я доверяю магии крови.

Хидецугу резко схватил Тоши и поднял его вверх. Прежде, чем он смог закричать, Тоши почувствовал, как его рука по локоть исчезла в пасти огра. Хидецугу одновременно прикусил и сжал его руку, кровь очимуши потекла из челюстей огра, и у Тоши перехватило дыхание.

Хидецугу выронил Тоши и облизал губы. Тот быстро прощупал рану, которая оказалась не опасной, но сильно кровоточила.

- Кровь, - сказал Хидецугу, причмокивая вымазанными красным губами. – Кровь, это основа всех огрийских ритуалов. Я отведал твоей крови, очимуша. Теперь я найду тебя где угодно. И если до весны сюда явятся новые мстители Урамон и начнут отвлекать меня от тренировок ученика, я обвиню в этом тебя. После того, как я насажу их головы на колья, я приду и найду тебя в твоей постели. Я притащу тебя снова сюда, и буду наслаждаться твоими мучениями столько, сколько захочу, прежде чем скормлю тебя Всепоглощающему О́ни Хаоса.

Тоши оторвал край рукава и туго перевязал раненую руку. Боль казалась далекой, и он едва не рухнул в обморок, чувствуя, как сжимается и разжимается узел в его животе.

- Договорились, - повторил Тоши, почти не слыша собственный голос.

- Хорошо, - ответил Хидецугу. Он встал и отвернулся от своего непрощенного гостя.

- Я снова начинаю злиться. Ступай скорее, очимуша, пока я не передумал.

Все еще не оправившись от боли, Тоши развернулся и неуклюже бросился бежать. Последним, что он видел, был Хидецугу, склонившийся над кучей трупов, погружая ладони в их гушу, чтобы набрать как можно больше их в свои широкие, мощные руки.

- Поставь меня вниз, брат по клятве, - сказал Тоши. – Мы слишком долго были связаны, чтобы ссориться из-за пустяков.

Хидецугу потряс Тоши в кулаке, словно детскую погремушку. – Связь между нами сейчас слишком истончена, Тоши. Найди более убедительный аргумент.

Тоши был готов к этому. – Глубоко в академии спрятан каменный диск. Чудовище, которое едва не сровняло башню Даймэ с землей, пойдет за этим диском куда угодно, и уничтожит все, что окажется на его пути. Позволь мне перенести диск туда, где сейчас соратами. Пусть они погибнут в бою с великим чудовищем духов, и мы славно отомстим за твоего погибшего ученика.

Хидецугу казался впечатленным, но помотал головой. – Заманчивая мысль, - сказал он. – Но если сокровище Даймэ здесь, мой бни уже присвоил его себе. Лишь глупец попытался бы стащить что-нибудь из тарелки Всепоглощающего.

- Но ближе к теме, Тоши. С меня довольно твоих сделок и планов. Сейчас мне нужно прямое заявление о твоей лояльности. Ты работаешь на хэдзан? Мёдзин Объятий Ночи? Или же ты просто делаешь то, что и всегда, играя за тех и других и против друг друга, наживаясь на неразберихе?

- Моя лояльность не изменилась, - резко ответил Тоши.

- Это-то меня и беспокоит. – Хидецугу сунул два пальца в свой широкий рот и издал оглушительный свист. – Я не могу навредить тебе, Тоши, из-за нашей общей клятвы. Но я могу наблюдать за тобой. Могу держать тебя в узде. – Он взглянул вниз, на четырехугольную площадь. – Смотри, очимуша. Прибыл твой новый компаньон.

Массивный, четвероногий громила был не похож на других двуногих бни, но у него были такие же три глаза и те же кривые рога. Он был покрыт плотной кожистой шкурой и толстыми пластинами костяной брони. Передвигался он на четырех лапах, а голова его была шириной с человеческую грудь.

У Тоши в горле стал ком, когда он узнал демонического пса – это был тот же бни, которого призывал Кобо в лесу несколько недель назад, тот самый, которого Тоши сам натравил на улицы Оборю. Ранее, Хидецугу настоял, чтобы он взял с собой плитку, призывающую этого демона, обещая, что он растает спустя несколько часов кровавого безумия. И, тем не менее, пес все еще был здесь, спустя почти неделю после того, как Тоши выпустил его.

- Куда бы ты ни направился, - злобно сказал Хидецугу, - пес кровожадности и кровопролитья будет сопровождать тебя. Если ты побежишь, он настигнет тебя. Если ты спрячешься, он вынюхает тебя. Если ты станешь с ним сражаться, он искалечит тебя и притащит твоё истерзанное тело ко мне. Наша клятва не позволяет нам причинять вред друг другу ни напрямую, ни косвенно, но ты сам призвал этого демона. Все, что он теперь сделает с тобой, будет твоей ношей, а не моей.

Тоши был удивлен, почувствовав в себе закипающую злость. Хидецугу провел его, подстроив все так, чтобы Тоши сам угодил в опасность, а огр смог бы ему угрожать, не рискуя расплатой клятвы хэдзан. Если бы Тоши к этому моменту не замыслил нечто подобное для Хидецугу, его бы по-настоящему обидело недоверие огра.

Тоши решил откланяться. Путешествие в Минамо обернулось полным провалом: он не обезопасил Похищенную, он снова был в плохих отношениях с Хидецугу, и он не был убежден, знал ли огр о его тайне – о том, что Тоши уже нашел выход из-под клятвы хэдзан. Татуировка на руке Тоши была подделкой, выглядящей и ощущавшейся настоящим знаком хэдзан, но не имевшей никакого отношения к клятве, которая связала их почти десять лет назад.

Тоши обратил свои мысли внутрь себя, сосредоточившись на силе его мёдзин. Объятья Ночи одарила его многими благословениями, но один дар он заработал

самостоятельно. Это была убийственна сила холода. Он одолел стихийного духа и объединил ее силу со своей, и теперь, свисая с кулака огра, он взывал к этой силе.

Рука Хидецугу покрылась льдом, и Тоши почувствовал, как давление на его грудь ослабло. Его дыхание выходило белыми туманными облаками, и он почувствовал холодный, покалывающий силуэт, проявляющийся на его лбу. Сияющий, пурпурно-белый канджи был символом *йуки-онна*, легендарной снежной женщины, выманявавшей неосторожных жертв на морозную смерть в беспросветные часы зимы.

Ямабуши почувствовали, что их хозяин был в опасности, и бросились к Тоши. Внизу, пес óни взвыл и взметнулся в воздух, прыгая от стены к стене по пути к платформе.

Тоши призвал другое благословение Ночи и начал исчезать. С помощью мёдзин он мог становиться бесформенным, невесомым, и неосязаемым. До сих пор ничто не могло войти с ним в контакт в этом состоянии, ни самые могущественные духи, ни самые острые звериные инстинкты.

Исчезая из замороженного кулака Хидецугу, Тоши пристально смотрел в глаза своему бывшему брату по клятве. На лице огра отпечатались ярость и мрачная решимость. Но помимо этого, Тоши увидел в нем грусть и разочарование, хоть и лишь из-за того, что они так много прошли вместе, не враждуя друг с другом. Но теперь они враждовали, и всегда знали, что этот день настанет.

Тоши распознал сложные эмоции на лице Хидецугу, потому что сам разделял их. По многим причинам он искренне надеялся, что либо он сам, либо огр умрет до того, как им придется столкнуться друг с другом. Но теперь эта надежда была мертва, и Тоши был вынужден найти способ одолеть единственное, самое кошмарное существо из всех, кого он когда-либо знал.

Тоши кивнул, исчезая из вида. К его непреходящей радости и вечному сожалению, Хидецугу кивнул в ответ. В это одно, последнее мгновение, они были напарниками, равными, солидарными воинами.

В следующий миг Тоши исчез, оставив Хидецугу копить свою ярость для неизбежного дня, в который один из них уничтожит другого.

* * * * *

Тоши медленно спускался из Оборо, пока не скрылся в тени самого облачного города. Подобно тонущему кораблю, Тоши скользнул в огромное темное пятно, пока полностью не погрузился в него. После короткой дезориентации, он повернулся в сторону осязаемого присутствия Похищенной и направился к Академии Минамо.

Она все еще была здесь. Тоши чувствовал ее. Помимо гигантского змея в небе и безумного, бессмертного Даймё, существовало достаточно могущественных существ, готовых убивать ради присвоения себе этого сокровища.

Раньше Тоши надеялся, что они уничтожат друг друга, а за одно и академию, и столицу соратами в облаках. Теперь, ему нужно было найти какой-нибудь способ убрать сокровище до их прибытия, и скрывать его от их постоянного преследования.

Призрачное тело Тоши возникло в самых отдаленных глубинах академии. Он был здесь прежде, хотя и не знал назначение этой комнаты. Это был какой-то административный кабинет или частная библиотека, стены которой были покрыты полками со свитками. Комната была уставлена целыми наборами стеклянных кубов со странными волшебными предметами внутри, которые Тоши не мог распознать, и которые ему были совершенно безразличны. Он огляделся, убедившись, что пришел в правильное место и удовлетворенно кивнул.

Похищенная все еще лежала там, где он ее оставил. Диск был примерно с шесть футов в диаметре, и с фут толщиной. От него исходило постоянное бледное сияние и мерный поток тонкого пара, словно его только что вынули из кипящего котелка. Из собственного опыта он знал, что диск был ледяным наощупь, но при этом жалил зарядом странной энергии, подавляющей силы любого, кто дотрагивался к нему голыми руками.

Тоши пристально взглянул на лицевую поверхность Похищенной. Она была такой, какой он ее запомнил, с выгравированной змеей со свернутым под ней хвостом, смотрящей вправо. Таинственным образом, она в то же время выглядела как-то иначе, более детальной и реалистичной.

Он потряс головой и моргнул. Камень мог гипнотизировать, напомнил себе очумуша. Он видел, каким безумцем он сделал Конду. Тоши заставил себя отвернуться от Похищенной, чтобы она не смогла покорить его так же, как Даймё, и в этот момент заметил людей.

Они прятались за столами и креслами, они сидели, прислонившись к голым стенам, они прерывисто спали группами на холодном каменном полу. Снова встряхнув головой, не веря своим глазам, Тоши насчитал в комнате около тридцати живых тел. Они слабо дышали, и почти не шевелились. Здесь были ученики в синих мантиях, солдаты Конды в полном обмундировании, и даже воины-лисы кицунэ. Большая их часть, казалось, спала, или отдыхала, пока четверо бодрых охранников присматривали за ними из дальних углов комнаты.

Тоши хотел закричать, «Что, во имя ледяной серой преисподней, вы, люди, здесь делаете?» но он мог себе представить их ответ. Когда Хидецугу и его ямабуши пришли в академию, они устроили здесь бойню. Было сложно поверить, что ни огр, ни его óни покровитель не пронюхали об этом убежище, хоть и настолько глубоко от поверхности.

Поверить было сложно, но не невозможно. Каким-то образом им удалось выжить и оставаться необнаруженными на протяжении почти полной недели. И, судя по всему, они долго не протянут.

Страж у дальней стены прошипел, поднимая тихую тревогу. К растущему ужасу Тоши, у противоположной стены материализовалась пара черных челюстей с острыми, как бритва зубами. Бестелесные зубы легонько щелкнули, пробуя воздух, подобно змеиному языку. Появилась вторая пара челюстей, и охранник попятился назад, вынув из ножен меч.

Тоши подавил волну страха и паники. Это проявлялся покровитель Хидецугу, Всепоглощающий Óни Хаоса. Тоши узнал в ненасытных пастях часть громадного тела демонического духа, они были словно чешуя у рыбы, или волоски на лапах паука. Из того, что он видел, Всепоглощающий был не чем иным, как плотной тучей голодных пастей и щелкающих зубов, увенчанной громадными характерными рогами и тремя злобными глазами.

Другие стражники бесшумно пересекли комнату, расталкивая и будя по пути людей. Изможденные и покорные, выжившие быстро отошли от увеличивающегося количества челюстей, парящих и щелкающих в дальнем конце комнаты.

Бесплотный и скрытый в безопасности тени, Тоши наблюдал за происходящим, обдумывая свой следующий ход.

Все воины стояли в ожидании, держа руки на оружии, наблюдая за челюстями. Летающие зубы углубились в комнату, но не отдалялись далеко от стены, из которой появились. Спустя мучительно долгую минуту, челюсти развернулись и начали таять. Если они выискивали чем поживиться, то ничего здесь не нашли. Тоши задумался, упустил ли óни Похищенную, или же просто не узнал в этом диске деликатес.

Спустя еще несколько мгновений, библиотека снова была лишена всяких звуков и движения, хотя теперь в ней уже никто не спал. Тоши наблюдал за людьми, пока не определил, кто у них был главным, затем беззвучно приблизился к крепкому на вид

офицеру в военной форме Даймё. В шаге от солдата, Тоши проявился и постучал его по плечу.

- Капитан? – Тоши считал ранг по знакам на плечах. – Сколько мы еще протянем? Офицер подозрительно осмотрел Тоши. – Столько, сколько понадобится.

- О, хорошо. Очень хорошо, спасибо. Но, знаешь, это ведь не ответ, правда?

Капитан нахмурился. – Ты кто? Я тебя не узнаю.

Тоши подался вперед и прошипел, - Я тот парень, который может вас всех отсюда вывести, если вы не будете терять голову. – Он исчез из вида, обошел капитана, и появился за спиной солдата. – Интересно?

Офицер медленно повернулся лицом к Тоши. – Продолжай, - сказал он, понизив собственный голос. – Я Нагао. – Он указал за плечо Тоши. – Это Серебряная-Лапа.

Тоши крикнул, испуганный неожиданным появлением крупного серого самурая кицунэ. Воин лис кивнул своей короткой мордой в сторону Тоши, и встал рядом с ним, держа руку на мече.

Нагао, капитан человеческой расы, наклонился ближе к Тоши. – Я спрошу тебя еще раз, приятель. Ты кто?

- Зовите меня Тоши. – Быстро соображая, сказал Тоши, - Я вор. Я здесь, чтобы ограбить это место. Но у меня хорошо получается проникать и выходить из разных мест, поэтому, возможно, я смог бы помочь вам. Как часто эта штука приходит сюда? – Он указал на стену, у которой недавно появились пасти они.

Нагао все еще выглядел недоверчиво, но Серебряная-Лапа сказал, - Скажи ему, Капитан. Я тоже ему не верю, но его не было здесь час назад, а теперь он здесь. Он может знать что-то полезное для нас.

Нагао кивнул. – Они приходят примерно раз в день. Но в последнее время все чаще.

- Они кого-нибудь поймали?

- Пока нет. Сегодня все, как обычно ... они появились, затем, неожиданно, словно потеряли интерес. Но они вернутся.

- Хорошо, - сказал Тоши. – Это хорошо.

Нагао сердито взглянул на него. – Я не вижу здесь ничего хорошего, приятель.

Тоши улыбнулся. – Это потому что, ты не я. Слушайте, если эта штука собиралась бы вас съесть, она бы уже съела. Думаю, вы здесь в безопасности на какое-то время.

- Спасибо за обнадеживающие слова, - сухо сказал Нагао. – Но если ты не можешь предложить нам ничего больше, думаю, ты потратил достаточно моего времени.

Тоши наклонил голову. – Просто оставайтесь здесь. И не давайте никому касаться того большого каменного диска. Это опасно.

- А то без тебя не ясно, - пробормотал Нагао. Затем, чуть громче, добавил, - А где будешь ты? Если ты можешь уйти, ты возьмешь хотя бы одного из нас с собой.

Тоши улыбнулся и подмигнул. – Извини, Капитан. Я отказываюсь. Но делайте так, как я говорю, и через день, два я вернусь.

Меч Серебряной-Лапы вышел из ножен быстро и тихо, как шепот. Лезвие сверкнуло в тусклом свете, и кицунэ сказал, - Не шевелись, Тоши. Нагао прав – ты должен взять кого-нибудь с собой, если можешь.

Все еще улыбаясь, Тоши исчез из вида. Оба офицера попытались схватить его, но их руки прошли сквозь тающее тело очимуши.

- Доверьтесь мне, - прозвучал приглушенный отстраненный голос. – Мне лишь нужно призвать пару союзников. Два дня, максимум три – я вернусь с подмогой.

Капитаны продолжали обыскивать свое ближайшее окружение в поисках каких-либо признаков незнакомца. Тоши перебрался в ближайшую тень, уже запланировав несколько путешествий сквозь мир теней, которые со временем позволят ему вернуться в Минамо и забрать сокровище.

Хотя банда мстителей хёдзан была расколота и разрознена, оставалось еще одно последнее задание, которое они должны были выполнить вместе.

Добравшись, наконец, домой, впервые за несколько недель, Тоши стоял посреди округа Нумай в Болоте Такенумы. Что бы ни говорили здешние старожилы, он никогда бы не поверил, что трясина была чем-то большим, чем грязной, пузырящейся жижей из слизи и гнилого бамбука. Если вы хотели построить дом или открыть заведение на болоте, вам пришлось бы его строить на двадцати футовых шестах, подальше от поверхности трясины. Здесь все покоилось на бамбуковых опорах: каждое здание, каждая дорога, каждое строение, которое могло предположительно быть использовано неядовитыми, не амфибия-образными формами жизни.

Тоши ненавидел болото. Если подобная зыбучему песку трясина не утащит вас в свою пучину, и болотные насекомые не заразят вас кровотокающей лихорадкой, то другие, более жестокие опасности поджидали неосторожных храбрецов, решивших прогуляться на болотах. К примеру, все человеческое население Нумай. Здесь, единственным, более опасным, чем проклятая почва, были люди, которые на ней жили. Насколько хватало памяти Тоши, этот округ был перепутьем, где встречались и смешивались друг с другом преступность и кровожадность. В местных заведениях те, кто мог предложить грязную работу сидели рядом с теми, кто был не прочь выполнить ее за вознаграждение.

Сейчас снаружи почти никого не было, и Тоши подозревал, что это было связано не только с плохой репутацией болота. В воздухе висела какая-то тяжесть, такая влажная, давящая тишина, которая обычно предшествует крупной буре. Она была схожа с ужасом, висящим над Водопадами Камитаки, но настроение болот было более мрачным, влажным, и гнетущим. Спустя два десятилетия Войны Ками, Тоши без труда различал признаки пересечения духами барьера между мирами, но обычно они ограничивались небольшим пространством. Теперь же, давление и чувство нависшей угрозы ощущалось повсюду.

До сих пор он еще не обнаружил самих духов, но уже повстречал следы их пребывания. Изуродованные, полу-съеденные трупы свисали с деревьев, храмы были разрушены и вымазаны кровью, а там, где раньше стояли особняки, теперь виднелись обожженные, дымящиеся руины.

Тоши услышал отдаленный крик, эхом пронесшийся по поверхности болота. Он прислушался, ожидая продолжения, но больше звуков не последовало, и очимуша прошел дальше. Ничего не поделаешь, подумал он. У него не было времени на новые приключения. Он уже и так заложил слишком большую часть своего будущего разным могущественным существам, и еще большее их число настроил против себя, поэтому ни у кого попросту уже не было шансов что-либо от него требовать. Кричащему придется спасаться своими силами.

Впереди, сквозь густой туман проявилось окончание его вымощенной бамбуком тропы. Отсюда его ждал короткий подъем и долгий брод по болоту, пока он не достигнет своей цели.

Тоши ехидно улыбнулся. Все его покровители и враги выстроились в очередь, ожидая его. И он встретится с ними, как только соберет своих союзников.

Улыбка Тоши растаяла. Он решил пока не слишком задумываться над этим планом. Он не особо переживал о том, что будет, после того, как он примет в банду мстителей своих напарников, пока на самом деле их не принял. Лишь от того, что они считали себя

связанными клятвой и обязанными отомстить за его смерть, не означало, что они готовы были, сперва, предотвратить ее.

Не прошло и часа, как он вышел на твердую почву. Из трясины выросла небольшая холма, и, вскарабкиваясь на него, Тоши стряхнул с ног грязь и пиявок. Он теперь был на задворках округа Нумай, у западного края Такенумы. Помимо редких бродяг или отшельников, единственными людьми, жившими так далеко, были Нумайские *йюши*, сплоченный клан *махоцукай*, или темных колдунов. Махоцукай изучали темные искусства более глубоко, чем это было безопасно как для жизни, так и для рассудка, но они были могущественными магами и обладали большим влиянием на криминальное общество болот.

Тоши никогда не встречался ни с одним из старейшин махоцукай, но слышал о них разные слухи: они пили кровь своих учениц, брали их в жены и заставляли вынашивать чудовищных детей; и что вообще они были вовсе не живыми людьми, а вампирскими духами, которые отравляли души людей черной магией, после чего пожирали их, как изысканные деликатесы.

Все это было по большому счету безразлично Тоши. Жители болот любили преувеличивать их силу и темную репутацию, из простой страсти к распространению бессмысленных слухов. Что бы эти извращенные старики ни делали со своими подопечными, они также, при этом, обучали их могущественной магии. Кику - одна из наиболее опасных из известных ему людей - была махоцукай из Нумайских йюши. Все, что Тоши было нужно, это найти ее и убедить, что в ее лучших интересах было помочь ему.

Он прорвался сквозь живую изгородь из колючих кустов и жалящей крапивы на поляну на вершине холма. Здесь земля была сухой, почти песчаной, усеянной клочками серо-зеленой травы, гипнотически колышущейся в зловонном воздухе. Посреди этого поля болотной травы стояло просторное строение из глиняных кирпичей и соломы. Оно было круглым, с печной трубой, торчащей по центру вымазанной глиной крыши. Из грязной трубы не струился дым, а из дома не раздавалось ни звука.

В животе у Тоши сжался ком от осознания, что что-то здесь было не так. Махоцукай не были особо общительным народом, но они всегда высылали кого-нибудь навстречу гостям. Если до сих пор никто не вышел встретить его, это означало, что, либо в доме никого не было ... либо в доме никого не было в живых.

Он подошел ближе, и прояснившийся вид здания подтвердил его опасения. Входная дверь висела на одной петле, толстый слой глины дверного прохода потрескался и раскрошился. В южной части потолка зияла грубая дыра. Бледная, безжизненная рука свисала из одного из окон, с ее указательного пальца медленно капала кровь.

Тоши взял в одну руку джитту, а во вторую длинный меч. Подбегая к жилищу махоцукай, он перебирал в уме различные варианты случившегося. Нападение ками? Клановые войны? Начали ли солдаты Даймё вырезать черных колдунов в отсутствие своего повелителя?

Он подошел к обвалившейся входной двери и заглянул внутрь. В воздухе висел затхлый смрад. В здании горело два небольших костра, один в камине, в самом центре комнаты, и второй на куче обломков и хлама у самой двери.

Тоши остановился, увидев открывшуюся сцену, и скривился. В отличие от последствий бойни в Минамо, пол хижины махоцукай был практически полностью покрыт изувеченными и переломанными телами.

Молодой парень лежал лицом вниз прямо в дверном проходе. По огромной луже скользкой крови под ним Тоши догадался, что его горло, очевидно, было перерезано. Трупы других учеников, молодых и старых, валялись по всему жилищу. На их телах были видны четкие, ровные отверстия, окруженные кровавыми бутонами цветов. Бледная рука, торчащая из окна, принадлежала девушке, но она была слишком невысокой и тощей, чтобы оказаться Кику.

Тоши спрятал в ножны длинный меч, но оставил джитту в руке. Что бы здесь ни произошло, оно давно закончилось, но это не означало, что здесь уже было безопасно. Он бесшумно двинулся через заваленный телами пол и открыл большую, украшенную дверь у дальней стены.

За ней все было еще хуже. Тела были тесно навалены кучей по два от пола между Тоши и алтарем в центре комнаты. Тоши узнал резанные раны от меча и колотые от кинжала на каждом теле - жутком свидетельстве острых клинков в умелых руках. Кто бы это ни сделал, он пользовался оружием из металла, а не зубами и когтями. Вооруженные люди напали на махоцукай в их собственном доме, и вырезали всех до единого.

У самого алтаря Тоши остановился. Это было больше, чем просто резня – это была бойня. Некоторые из учеников постарше были убиты, а затем повешены на стены. Тоши внимательнее присмотрелся к изувеченному телу бородатого человека с одной длинной, свисающей серьгой и татуировкой, покрывавшей большую часть лица. Его глаза все еще были распахнуты от шока и ужаса.

Поправка, подумал Тоши. Некоторые были повешены на стены, а *затем* убиты. Это исключало солдат Даймё. Он лично видел воинов Конды в карательных миссиях, и они бы никогда не проявили такую жестокость, или бы потратили время на то, чтобы разложить трупы – они бы просто построили махоцукай в шеренгу и обезглавили мечом один за другим, с большим церемониалом. Тоши скривился и прошел к двери, ведущей в глубину здания.

Следующая комната была самой маленькой, поэтому, к счастью, в ней было меньше всего трупов. Тоши не вошел в комнату, а встал снаружи, осматривая полдюжины человеческих тел, разбросанных по коморке.

Эти трупы отличались от других жертв. Все тела здесь были высокими, худыми и элегантно одетыми. Лица многих были скрыты под шарфами из черного шелка. Другие были одеты в синеватую кобальтовую кольчугу и вооружены катанами. Все участки кожи, которые видел Тоши, были бледными, почти белыми, словно отражение лунного света на выбеленной кости. Эти новые трупы принадлежали соратами, и их присутствие доказывало, что битва была не односторонней.

Тоши был впечатлен. Он позволил себе мгновение чистой, жестокой радости за счет лунного народа. Большая часть проблем Тоши напрямую касалась соратами и их ками покровителя. Поскольку Конда исчез, соратами открыто работали над тем, чтобы взять под свой контроль весь болотный регион. Они убивали тех, кого не могли запугать или подкупить, и он предположил, что махоцукай попали под удар за нежелание подчиниться. Это не спасло их, и уже их не вернет, но Тоши был рад, что Нумайские йюши заставили лунный народ заплатить за эту ночную работу.

Тоши моргнул. Воины соратами были исключительными бойцами, а их шиноби бесшумными и незримыми, как листья, падающие в безлунную ночь. Они были слишком горды, чтобы оставлять доказательства того, что простые земные жители смогли повергнуть нескольких представителей их племени. Почему же тогда они оставили эти тела?

Он взглянул снова, заметив, что все трупы соратами лежали на одинаковом расстоянии от центрального места в дальней части комнаты. Он на мгновение озадачился, затем кивнул. Они пытались наброситься на кого-то, и были грубо убиты и отброшены назад силой их предполагаемой жертвы. Произошла ли эта маленькая победа вдали от основного числа нападавших, так, что те не осознали своей потери? Или, еще менее вероятно, сумел ли последний выживший махоцукай одолеть или отпугнуть всех нападавших соратами, так, что никого из них не осталось для того, чтобы убрать трупы своих бойцов?

Тоши надеялся, что так все и было. Его также не покидала надежда, что кто бы это ни был, он все еще был в состоянии пожать ему руку – он хотел поздравить его.

У дальней стены комнаты послышался женский вздох. Тоши прополз вперед, взглядываясь в темноту за алтарем, пока не увидел широкую щель в самой стене. Если бы потайная дверь не была слегка приоткрыта, он никогда бы не нашел ее. Теперь он подтолкнул ее ногой в сторону и присел на корточки, осторожно пробираясь внутрь.

Потайная дверь захлопнулась за ним, но интерьер комнаты был освещен парой черных свечей, стоящих на еще одном, меньшем по размеру алтаре. В мягком ореоле желтого света, Тоши увидел затылок женщины, ритмично кивающий вперед, назад. Он сжал плотнее свою джитту, но расслабился, когда женщина начала тихонько петь. Ее голос был мягким, приятным и чистым.

- Кику, - позвал Тоши. Он не ясно видел в этом тусклом свете, но узнал голос и шелк ее черных волос. – Это Тоши. Я пришел помочь.

- Тоши. – Голос Кику звучал задумчиво, пропитанный грустью. – Здесь нет для тебя работы, брат по клятве. Хёдзан не за что мстить. Я единственная, кого они не убили.

Тоши стоял на месте, словно вкопанный. Он не хотел подходить к Кику, прежде чем не убедится о состоянии ее рассудка. Она могла быть ранена, могла умирать, или...

Кику встала, понимаясь в мерцающем свете свечей. Ее голова была наклонена вперед, так, что ее роскошные волосы свисали ниже подбородка, закрывая черты ее лица. Она оперлась одной рукой об алтарь, а другой небрежно взялась за горлышко керамического кувшина.

- Выпьешь со мной, брат по клятве? – Она не поняла лицо, но взболтала кувшин. – Учителя припасли это для особого случая. Думаю, этот подходит. Махоцукай пережили еще одну ночь.

- Тоши нервно сглотнул. – Конечно, Кику. – Он шагнул вперед, протягивая одну руку к кувшину, и держа джитту наготове во второй. Кику была переменчивой даже в лучшие дни, и смертоносной со своим метательным топором. Если она была пьяна, она могла вспомнить, что ненавидела Тоши за то, что он связал ее с хёдзан.

Но Кику просто стояла, тихо напевая с опущенной вниз головой, пока Тоши осторожно приближался к ней. Она была одета не в свой традиционный наряд из богатого фиолетового шелка или в кожаный доспех, но в простую льняную сорочку, с открытыми руками и плечами. Ткань была настолько тонкой, что казалась едва ли не прозрачной в мягком свете, и хотя Кику была красивой женщиной, Тоши не сводил глаз с ее рук, откуда, скорее всего, могла прийти угроза.

Тоши протянул руку и взялся за кувшин. Кику на секунду задержала сосуд, сопротивляясь ему, но затем отпустила. По весу кувшина Тоши догадался, что Кику выпила половину его содержимого. По его запаху, он понял, что если зажечь спичку после глотка, твое дыхание воспламенится.

Он поднес кувшин к губам, не сводя глаз с Кику. Перестав морщиться, Тоши протянул ей кувшин, но не отдал, когда Кику протянула за ним руку.

- Махоцукай, - сказал он. – Что здесь произошло?

Ладонь Кику упала на алтарь, и теперь она опиралась на него обеими руками. – Соратами, - сказала она. – Прислали весть. Мы представляли им угрозу из-за несанкционированной магии. Нам надлежало уйти, иначе... – Она подняла лицо и злорадно улыбнулась Тоши. – Старейшины выбрали «иначе».

Тоши едва не прокашлялся, встретившись с глазами Кику, но его лицо осталось спокойным. Кожа Кику на лбу, щеках, и носу была покрыта темным, движущимся пятном, которое ползло по ее лицу, словно масляная пленка на поверхности горячего чая. Округлые сгустки и тонкие, шипастые нити сочились и мерцали по ее чертам, образуя течения и завихрения, которые попеременно окаймляли и заволакивали рельеф ее утонченного лица.

Кошмарно было наблюдать столь сильную личность настолько разрушенной, смотреть на такую красоту, изуродованную магией. Хуже всего было неоспоримое чувство, что новый облик Кику был знаком Тоши. Он не был махоцукай, а значит, и не

практиковал их искусство, но, как служитель Объятий Ночи, он опознавал магию теней, когда сталкивался с ней.

Все еще потрясенный диким взглядом и измененным лицом Кику, Тоши произнес ровным голосом, - Послушай, Кику. Расскажи мне, что произошло.

Кику махнула в сторону кувшина, и Тоши передал его ей. Она сделала долгий глоток и пожала плечами. Затем, быстро поморгав, она сконцентрировала взгляд на Тоши, и мечтательный, певучий оттенок в ее голосе исчез.

- Это сделали наставники. – Она сделала жест, словно ласкает свое лицо, не касаясь его ладонью. – Как только прибыли соратами. – Кику помотала головой и продолжила. – Ты был прав на их счет, брат по клятве. На счет соратами. Их не стоит недооценивать. Большая часть наших людей была уже мертва, когда наставники завершили ритуал.

- Какой ритуал? Что они сделали?

Кику оперлась об алтарь, а затем встала прямо. На мгновение ее качнуло вбок. Затем она расправила свою сорочку и отряхнула ее двумя длинными махами. Она снова уставилась на Тоши, и ее глаза блеснули из-под узких век, как два острых драгоценных камня.

- Ты используешь магию канджи, - сказала она. – Знаки, символы, как оружие. Наставники, - она бесцельно махнула за спину Тоши, где лежали трупы стариков, - не использовали символы. Они использовали меня. – Она сжала губы, неожиданно серьезная и трезвая. – Я стала инструментом мести моих наставников Я их оружие. Когда они поняли, что умрут, они повернулись ко мне. Прокляли меня, сделав более опасной.

Тоши взял кувшин и отпил. – Это сработало?

- Убило всех нападавших сразу, в одно биение сердца. – Жестокие губы махоцукай изогнулись в острой улыбке, затем опали. – Но все же недостаточно быстро. Я не смогла контролировать силу, когда было нужно. Только самосохранение. Ты должен это понимать. – Она хрипло засмеялась, и ее веки задрожали. Кику едва не упала в обморок, но Тоши подхватил ее за плечо, и она вцепилась в алтарь, прежде чем рухнуть.

- Они вернутся, - продолжила она. – И я буду готова. Все, что мне нужно делать, это сидеть здесь и продолжать убивать их. Чем больше они пришлют, тем больше я убью, и тем более эффективным инструментом наставников я стану.

- Как, Кику? – Тоши обошел алтарь и встал рядом с махоцукай. Он взял ее за плечи и провел к алтарю. – Как ты убила соратами?

Кику позволила Тоши развернуть себя и помочь взобраться на алтарь. Она села, свободно болтая ногами, затем скрестила их, приняв позу элегантной леди с выдающейся социальной ролью. Она даже запрокинула голову.

- Плотные тени, - сказала она. – Так тебе будет понятнее. Может у тебя и прямая связь с твоей мѣдзин, но она не единственная, кто управляет тьмой. – Ее взгляд затуманился, словно обратившись вовнутрь. – Точно так же, как очимуша с огром не единственные, кто знает, как создавать магию мести. Вот, я тебе покажу...

Тоши быстро схватил Кику за подбородок и повернул ее лицом к себе. – Прошу, не надо, - сказал он.

Маслянистая тень на лице Кику начала вращаться. Крошечные острые выступы из жидкой тьмы начали формироваться вокруг ее черт, словно волны, покрывшиеся рябью от ветра.

Кику на мгновение смотрела Тоши в глаза, затем отвела взгляд и выдохнула. Движение на ее лице замедлилось, но не остановилось.

- Кику, - сказал он. – Мы оба связаны клятвой. У меня есть работа для нас. – После всего, что она пережила этой ночью, Тоши вряд ли сможет призвать Кику к каким-либо обетам, данным ею прежде, но ему нужно было увести ее из этой бойни. До тех пор, пока здесь оставались трупы и ликер махоцукай для поддержки ее меланхолии, она, вероятно, будет просто сидеть здесь, все глубже впадая в безумие, пока следующая группа соратами не прокрадется сюда и не убьет ее.

- Не могу уйти, - уверенно сказала она. – Я орудие мести. Весь мой клан уничтожен. Я единственная носительница мудрости махоцукай. Последняя из Нумайских йюши. Если я не отомщу за них...

- Мы можем отомстить за них вместе, - сказал Тоши. – Это я и пытаюсь тебе сказать.

Кику моргнула, и ее глаза вдруг затуманились снова. – Ты можешь мне помочь?

- Могу. Соратами и их ками уже несколько месяцев в моем списке. Я только что говорил с Хидецугу о том, чтобы расквитаться с ними раз и навсегда. Но я бы вредил им по-своему, из простого удовольствия. Если это также поможет тебе, что ж, это приятный бонус.

Глаза Кику раскрылись шире. Она повернулась к Тоши и сказала, - Ты можешь это сделать тоже, верно? Ты хитрый. – Она подняла руку, показывая Тоши треугольный знак хёдзан на ладони. – Ты заманил меня в свою банду. Если ты сможешь приманить лунный народ поближе ко мне, я смогу выпустить полную мощь ритуала наставников и выкосить их всех. – Она мечтательно улыбнулась. – Снова.

Тоши кивнул. Возможно, все сложится проще, чем он думал. – И этим почтить память о твоём клане. Твои наставники...

- Мои наставники пусть сдохнут от голода в сером ледяном аду, - вспыхнула Кику, на мгновение она была неотличима от прежней себя. – Это. – Она обвела руками свое лицо. – Мне нужно избавиться от этого. Я не могу думать со всем этим. Из-за этого, я – не я. – Она беспомощно опустила плечи, печальная и подавленная. – Сними его с меня, Тоши. Я не хочу все это. Прошу тебя, брат по клятве. Помоги мне.

Глаза Кику закрылись, и она наклонилась вперед. Тоши поймал ее в свои объятия, и она уткнулась лицом в его шею.

- Я помогу тебе, Кику. Мы с тобой поможем друг другу.

Кику не убрала голову с груди Тоши. – Спасибо, брат по клятве.

- Мы... эм, Кику? Что ты делаешь?

Губы махоцукай нежно скользили по шее Тоши. Она целует его? Он почувствовал твердые ровные края ее зубов, когда она сжала его кожу между ними, и тихо простонала, прикусив ее.

Кику подняла голову, пронзив очимушу гневным взглядом. – Заткнись, глупый Тоши. – Она обеими руками схватила его за затылок и прижала его лицо к своему, слившись с ним губами. Она отклонилась назад, целуя его, затаскивая его на алтарь рядом с собой.

- Э, Кику, я...

Она отвела голову, глядя на него дикими глазами. – Как ты сам сказал, брат по клятве, мы можем помочь друг другу. – Она оттолкнула Тоши назад и сползла с алтаря. В мгновение ока она сбросила свою сорочку через голову, оставив ее валяться на полу. Кику носила серебряную цепочку вокруг талии и золотую на левой лодыжке. На правом бедре красовалась татуировка в виде яркого пурпурного цветка.

Не сводя глаз с Тоши, она протянула свою нежную руку, подзывая его. – Теперь, - сказала она. – Иди ко мне.

Тоши смотрел на нее, выпучив глаза. Кику была в шоке. Она должна была быть в шоке, или пьяна, или подавлена горем и мощью заклинания ее наставников. В самом крайнем случае, она делала это для того, чтобы связать Тоши с ее интересами, используя его в достижении собственных целей.

Кику стояла, смотря на него в ожидании. – Ну?

Тоши взял ее за руку, подтащил ее к себе, и поцеловал. Они стояли, обнявшись, бесконечное мгновение, пока Тоши не вспомнил кое-что, и не оттолкнул ее.

- Две вещи, махоцукай.

Кику шагнула назад, скромно скрестив руки. – Я не привыкла принимать условия на этом этапе.

- Две простые вещи. Первое, мы договариваемся поговорить обо всем утром.

- Конечно. И второе?

Тоши скорчился. – Прекрати называть меня «брат по клятве». Меня от этого тошнит.

Кику звонко засмеялась. Ее смех был коротким и кристальным, одновременно прекрасным и острым. Еще раз Тоши увидел Кику такой, какой он ее знал, уверенной, красивой, сильной, и в немалой степени пугающей.

- Договорились, - сказала она. Она снова раскрыла объятия, и Тоши подался вперед, укладывая ее спиной на алтарь.

Луна освещала крепость Эйгандзё. Впервые, более чем за десятилетие, светящаяся полусфера висела в чистом, безоблачном небе, окруженная яркими белыми точками звезд. Тучные, ленивые облака дрейфовали по ночному небу, но даже они обтекали вокруг луны, словно не решаясь нарушить вид на ночное светило с земли.

Далеко под растущей луной возвышалась крепость Эйгандзё, массивное белокаменное строение, сильное и гордое, достающее до самих облаков. Ее лунные тени простирались далеко в равнины на юге, лишь своей рваной вершиной нарушая гладкое и сплошное полотно черноты. Верхние этажи башни являли собой неровную линию из разбитых камней, и ее тень проходила сквозь провал в могучих стенах, окружавших Эйгандзё. Ни в башне, ни на площади внутри крепостных стен, не было видно никаких признаков жизни. Издали Эйгандзё казалась тихой, как склеп, бледной, как призрак, и одинокой, как могильный камень.

Укутанный в плащ с капюшоном силуэт Тоши Умезавы вышел из тени у северо-западного участка крепостной стены. Он поправил свою лучшую мантию пономаря (или, по крайней мере, лучшую мантию из тех, что он смог украсть, похожую на мантию пономаря) и окинул беглым взглядом опустевший плац. Склонив голову, он направился через площадь к двухэтажному флигелю в западной части внутреннего двора башни.

Он пересек двор в полной тишине, пока не добрался до широких двойных дверей флигеля, из-за которых доносился странный бормочущий звук. Это был чистый, текущий звук, подобный мотиву какого-то невероятного, изысканного музыкального инструмента. Не снимая капюшон, Тоши повернул голову ко второму этажу, откуда проистекали загадочные звуки.

Мягкая, успокаивающая песнь прервалась грозным лаем изнутри здания. Тоши отошел назад, и громадный бледный пес вырвался из двойных дверей, его хриплый лай звучал одновременно тревожно и угрожающе.

О, прекрасно, подумал очимуша. Он вынул оружие в форме крюка из-под своей мантии и вытянул его острием к собаке. Крюк был выкован из тусклого серого металла и его более короткий, тупой зубец располагался под более толстым заостренным штырем. Пес застыл у самых дверей, продолжая лаять во все горло.

Тоши присмотрелся внимательнее из-под своего капюшона. – Я тебя знаю, - обратился он к собаке. – Почему ты всегда так шумишь, когда меня видишь?

- Возможно, Вы знаете Исамару, - послышался тонкий, но твердый голос. – Однако он не знает Вас. Не двигайтесь, сир. Будет досадно, если он Вас случайно укусит.

- Исамару, - сказал Тоши, запоминая имя пса. В следующий раз, когда он увидит этого пса, он хотел бы окликать его по имени. Он кивнул Исамару и опустил джитту, но не убрал оружие в ножны. Сквозь лай он выкрикнул, - Это собака Принцессы Мичико.

- Сир. Этот пес принадлежит самому Даймё Конде. – Пожилой человек в мятой белой форме вышел из флигеля. Его кожа была подобна прозрачной бумаге, туго натянутой на кости. Клоки серебристых волос выглядывали из-под его шлема, а левая рука тряслась. В правой руке он держал длинный шест с бумажным фонарем, привязанным к его концу. Слегка трясущимися руками, старик зажег фонарь и протянул его над головой гостя.

- Я Уполномоченный Констебль Аояма, - представился старик. Он взгляделся в человека в мантии, осматривая его с головы до ног. Исамару прекратил лаять, но теперь напряженно стоял на расстоянии прыжка от Тоши.

Фонарь Констебля Аоямы затрясся, когда тот спросил. – Что Вы делаете у хлебов, святой отец?

Тоши помотал головой, изумившись больше, чем он рассчитывал. – Я не священник.

Констебль фыркнул. – На тебе мантия искателя истины. Ты монах?

- Я действительно искатель, но не монах. Я, скорее служитель, последователь. Я стремлюсь к духовному величию, но стремление далеко от достижения.

Старик опустил фонарь. – Что ж, кем бы ты ни был, не пытайся проповедовать странные религиозные верования в Эйгандзё. Духи за последнее время доставили нам множество неприятностей.

Тоши повернул голову к разрушенным стенам и поврежденной башне. – Это я вижу, - сказал он. – Но не беспокойся, констебль. Я не собираюсь проповедовать, хоть и чувствую себя в большей безопасности, зная, что ты на посту.

Аояма рассмеялся. – Не будь так уверен, - сказал он. – Все наши крепкие мужчины мертвы, или сражаются на передовой. Поэтому патрулирование и другие бытовые обязанности переданы таким старикам, как я. На самом деле, я просто парикмахер в военной форме. – Он опустил шест на землю, уравнивая фонарь, и вытащил собственное оружие, металлическую дубинку, похожую на ту, что была у Тоши.

- Мне сказали, что джитта, это орудие констебля, - сказал Аояма. Он бездумно повертел крючковой дубинкой в руке, омывая ее лунным светом. – Но у тебя в руках такая же.

Тоши медленно поднял свою джитту, оттопырил указательный палец, и позволил крюку повиснуть на нем. – Я и не знал, что Даймё столь строг в отношении того, кто может носить какое оружие.

Аояма выпрямился. – В Эйгандзё, - строго сказал он. – Крюк констебля подобен мечу самурая. Это атрибут должности, так же, как и важнейший инструмент для исполнения обязанностей этой должности.

- Конечно, Уполномоченный Констебль. Прошу, поверь, я уважаю и эту должность и ее обязанности. – Тоши провернул собственную джитту вокруг пальца и поймал ее за рукоять. – А я, в основном, пользуюсь своей, чтобы не позволять другим тыкать в меня мечами.

Аояма рассмеялся. – Она хороша для этого, тоже. – Он спрятал свою джитту и расслабился. Исамару также сел, но его глаза были расширены, и он часто дышал, показывая человеку в капюшоне свои крупные белые клыки.

Констебль сделал жест шестом. – Почему ты не сражаешься с остальными молодыми людьми?

- Я не житель Эйгандзё. Но это не означает, что я не участвовал в Войне Ками в других местах, на своем пути.

- Прости мне, служитель. Я не желал проявить неуважение, - сказал Аояма. – Но тебе следует знать, что здесь небезопасно. Орда акки всего в полусутках марша к северу. Они пытались организовать нападение на крепость с того дня, как... как...

Старик замялся. Исамару заскулил.

Гость произнес. – Как стены были пробиты?

- Да.

Голова в капюшоне склонилась на бок. – Ужасный день. И все же... гоблины на равнинах Товабары?

- Невероятно, я знаю. Но это правда. Их привели сюда разбойники санзоку, и они размножаются, как опарыши. Исамару сопровождает солдат на постоянные сражения с ними. Сам Капитан Оказава сделал его почетным солдатом на период этих сражений. – Он

подался вперед и дрожащей рукой взъерошил шерсть на голове пса. – Если бы не Исамару и Йосей, крепость была бы разорена в считанные часы.

- Йосей?

- Духовный дракон, защищающий Эйгандзё. Он не смог остановить разрушение башни и перенес ужасные ранения, но все же отбросил гоблинов от наших ворот. – Аояма отвел фонарь в сторону и взглянул в ночное небо. – Вон там, - сказал он. – Та полоса света на севере. Видишь?

Тоши проследил за взглядом Аоямы. – Вижу. – В самом деле, тонкая струйка света следовала за светящимся копьём слева от луны. Это могла быть крупная комета или падающая звезда, но она была стабильно яркой по всей длине ее струящегося тела. Когда она пронеслась над разбитой башней, ее змеиные черты проявились на фоне темного неба. Это был Йосей, Утренняя Звезда, страж из мира духов, служивший Эйгандзё в то время, как большинство других духов обернулось против материального мира.

При всем своем величии и благоговейности Йосей был лишен своей прежней прославленной мощи. Его гордая, усатая голова указывала на то, что он должен был быть длинным, текучим существом, но его тело сейчас казалось вдвое короче оригинальной длины. Йосей сиял ярким белым светом, но искалеченный край его тела оставлял за собой след из сверкающего пурпурного тумана и густого розового пара.

- Он воистину великолепен, Констебль. Но как он себя чувствует?

Аояма выпятил грудь. – Он живет с этой кошмарной раной уже много дней. Любое другое существо бы умерло на месте, но Йосей продолжает сражаться. Солдаты говорят, что он не умрет, пока последний гоблин не будет изгнан из наших полей.

- Изумительно. С великим духовным драконом по одну сторону, и прославленными боевыми мотыльками Даймё по другую, Эйгандзё правит небесами. Акки не смеют и надеяться на победу.

Лицо Аоямы помрачнело. – Прости меня, служитель. Я так и не спросил твое имя.

Зеленоглазый мужчина повернулся к констеблю. – Тоши, - сказал он. – Ты можешь называть меня Тоши.

- Я хранитель хлебов боевых мотыльков, Тоши. Я поклялся ухаживать за этими великими созданиями, и оберегать их от всякого вреда. – Аояма снова вынул свою джитту. – Какой у тебя интерес к ним?

Тоши улынулся. – Ты, может и стар, Уполномоченный Констебль Аояма, но все еще проникателен. Я слышал, что мотыльки были едва не истреблены при последней битве. Я желал бы увидеть их своими глазами, прежде чем их вид исчезнет навсегда.

Аояма опустил оружие. – Понимаю. Ты едва не опоздал, Служитель Тоши. Осталось не более дюжины великих мотыльков, и даже это количество мы не в состоянии прокормить.

- Какая трагедия, - сказал Тоши. – Ты заставишь их голодать, или отпустишь на волю, самостоятельно добывать пропитание?

Аояма неловко переминался с ноги на ногу. – Я верный слуга Даймё, - неуверенно произнес он.

- Но также, единственный опекун мотыльков. Мне говорили, они восхитительные существа. Ты же не позволишь им увянуть от голода? Слухи вокруг крепости утверждают, что Конда и основная часть его армии были уничтожены, но ожили призраками и продолжают сражаться за вашу свободу. Если мотыльки умрут, продолжат ли и они сражаться? Присоединятся ли они к призрачной армии Конды? Или же они просто останутся мертвыми?

- Конда не был убит, - злобно сказал Аояма. – А насчет того, что произойдет с этими мотыльками, когда они умрут, то я не собираюсь выяснять это.

- Ах, но ты уже выяснил, констебль. Ибо сейчас их меньше дюжины, но неделю назад их было больше. Когда запасов продовольствия стало не хватать, ты выпустил нескольких на волю. – Глаза Тоши блеснули. – Не так ли?

Аояма стукнул фонарным шестом о землю. – Думаю, тебе пора отправляться восвояси, служитель. – Исамару встал, не сводя глаз с Тоши, ожидая команды.

Тоши сомкнул ладони и слегка поклонился. – Я понимаю твои переживания, Аояма, и тебе не должно быть стыдно. Буду с тобой откровенен: Я прежде летал на мотыльках Даймё. Я был о них высочайшего мнения, и всецело поддерживаю твои усилия спасти их, невзирая на то, что Даймё Конда или кто-либо другой мог бы подумать. Вы герой, сир, и добрый друг этим благородным созданиям.

Аояма пристально смотрел на Тоши, и его бумажный фонарь нервно раскачивался на конце шеста.

- Прошу тебя, - сказал констебль. – Я стар, но не слаболовен. Любой военачальник или мелкий Даймё во всей Камигаве пойдет на все ради приобретения одного из боевых мотыльков Конды. Может, я и ... переместил нескольких моих подопечных, но я бы скорее сжег их живьем в хлеву, чем передал в руки врагов Эйгандзё. Мантия священника и льстивые речи не убедят меня в обратном.

С нарастающим рычанием от нового напряжения между людьми, Исамару залаял.

Открытое, простодушное лицо Тоши не изменилось. Сверкая глазами и слегка улыбаясь, он сказал, - Значит, у меня нет шанса убедить тебя отвернуться на пару секунд, и недосчитаться одного мотылька?

Аояма указал своей джиттой на гостя. – Ни единого. – Не сводя глаз с Тоши, констебль скомандовал. – Исамару!

В ответ, глаза собаки сузились, и пес врылся когтями в землю.

- Я прошу тебя передумать, Констебль. – Все еще улыбаясь, Тоши запрокинул голову. Капюшон сполз ему на плечи.

Символ, начертанный на лбу Тоши, мягко светился, излучая фиолетовое сияние на его лицо. Холодный ветер поднялся вокруг него, вздымая полы его мантии.

Он повернулся к собаке. – Исамару, - сказал он, – назад.

Рычание пса перешло в неуверенное поскуливание. Когда Тоши говорил, его дыхание выходило крупными облаками белого пара. Туман из его легких кристаллизировался в воздухе перед ним и снежинками оседал на пыльную землю.

Аояма ахнул, и от его фонаря тени бешено заплясали по земле. Старик протянул перед собой джитту, пятясь назад и неистово молясь.

Тоши указал на знак у себя над бровями. – Я ношу знак йуки-онна. Как гоблины акки явились в Эйгандзё из мерзлой пустоши, так сюда пришло и это проклятие смертельного холода, первозданная ярость зимы. Уйди с дороги, старик, или почувствуй ледяное прикосновение смерти.

Аояма моргнул. – Погоди. Йуки-онна это женский дух. Снежная *женщина*. Как ты...

Тоши нахмурился. – Не тупи, Констебль. – Он снова указал на символ. – Это канджи йуки-онна. Я обладаю ее силой, так же, как и ее знаком.

Аояма лишь смотрел, сжимая джитту в трясущейся руке. Исамару сделал шаг вперед и вновь зарычал.

Тоши вздохнул. – Что нужно сделать, чтобы напугать тебя и эту чертову собаку хоть на десять секунд?

- Больше, чем ты можешь себе представить, лживый служитель. Ты не искатель истины, ты всего лишь жалкий нищий.

Тоши пожал плечами. – Я не желаю зла.

Аояма уравновесил фонарь. – Ступай своей дорогой, Тоши. Довольно шуток.

- Боюсь, не могу, Констебль. Я действительно последователь, хоть ты в это и не веришь. Моя мёдзин дала мне четкое задание в жизни, и я не могу его завершить без одного из мотыльков Конды.

- Тебе повезло, что твой дух покровитель лишь дает тебе приказы, а не разрывает на куски. Большинству духов теперь небезопасно даже молиться.

- Я тоже так думаю. Мы же не хотим, чтобы духи стали еще злее, чем сейчас, верно? Дай мне то, что требует моя мѣдзин, и ты меня никогда больше не увидишь.

- Никогда. Убирайся отсюда сейчас же. Другой возможности я тебе не дам.

- Ты не можешь дать мне никакой возможности, друг мой. Это не тебе решать.

Старик затрясся. – Мне стоит лишь повысить голос...

...чтобы вызвать эхо. Ладно тебе, Констебль. Кто теперь пускает пыль в глаза? –

Тоши улыбнулся и выдохнул еще одно снежное облако сквозь сжатые губы. – Здесь никого нет, чтобы ответить на твой зов. Но, даже, если бы кто-то и был, Исамару единственный реальный боец, оставшийся в крепости.

- Возможно, это правда, - сказал Аояма. – Но, по крайней мере, он уже здесь.

- Ненадолго.

- Дольше тебя. Исамару! Взять!

Огромный пес был отлично выдрессирован. С ревом он прыгнул на руку Тоши, его мощные челюсти одним укусом были способны раскрошить кость в пудру.

Отступив назад, Тоши невольно подумал, почему у него в последнее время столько проблем с собаками. Исамару не дал ему времени найти ответ, поэтому очимуша обвел рукой по кругу, когда животное налетело на него, обматывая пасть пса складками своего рукава. Он набросил свободную ткань мантии поверх носа собаки, приняв тяжесть его тела на грудь и плечи. Быстрый, как мышеловка, Тоши сомкнул челюсти пса, и туго затянул ткань вокруг морды Исамару, словно намордником.

Тоши наступил на тень от фонаря Аоямы, и его нога провалилась в нее. Вес Исамару, казалось, тянул Тоши в тень быстрее, чем это было возможно, и менее чем через секунду, они оба исчезли.

Аояма стоял, моргая в свете фонаря. Он подвел бумажную сферу ближе к тому месту, где растворились Тоши и Исамару, но бледный свет явил ему лишь холодную, твердую почву. Старик растерялся.

- Исамару? – позвал он.

- В безопасности, и вполне счастлив, - ответил ему голос Тоши. Аояма развернулся на месте, размахнувшись фонарным шестом, но чужака нигде не было. Холодный свет бумажного шара, также не оставил ему никакой тени для укрытия.

- Он, вероятно, сейчас несколько растерян, - продолжал Тоши, все еще оставаясь невидимым. – Но как только он прекратит принимать, он обнаружит запахи пары друзей. С ним все будет хорошо. Ты бы сам куда не хотел отправиться, Констебль? Я могу заморозить тебя, как сосульку, и оставить здесь, но я бы лучше переправил тебя куда-нибудь, где тепло, чтобы ты там переждал остаток войны. Выбор за тобой.

- Ты похитил надежду Эйгандзэ, - жалобно сказал Аояма. – Йосей подобен богу, но Исамару бал нашим собственным защитником, рожденным и выращенным в стенах крепости. Верни его сейчас же!

- Поверь мне, - ответил голос Тоши. – Он гораздо счастливее там, где он сейчас.

Аояма отбросил шест и вытащил короткий меч. Свет фонаря замигал и погас, оставив лишь серебристое свечение луны. С джиттой в одной руке и клинком во второй, старик произнес, - Я не оставлю службу и долг перед Даймѣ.

Голос Тоши звучал невозмутимо. – Также верно. – Он материализовался, словно призрак, в шаге за спиной Аоямы, прошел вперед и стукнул рукоятью джитты за левым ухом констебля. Старик тихо простонал, его глаза закатились, и он рухнул на землю.

Тоши пару мгновений тихо стоял, прислушиваясь к возможным звукам других стражников, вращая на пальце свою джитту. Наконец, он снова повернулся к констеблю.

- Ты смелый человек, - обратился он к распростертому телу Аоямы, - но неважный констебль.

Затем Тоши повернулся и быстрым шагом прошел в здание. Первый этаж служил чем-то вроде склада. Он был выстроен для хранения запасов, но сейчас здесь была лишь не полная телега с мешками зерна и немного глиняных кувшинов воды. Тоши обыскал все

вокруг, пока не обнаружил стопку небольших деревянных ящичков, аккуратно сложенных под лестницей. Каждый ящик был наполнен чем-то, похожим на мягкие сероватые бруски. Он вытащил один из них, осмотрел его, и кивнул. Крякнув, Тоши взвалил полный ящик на плечо и взошел по лестнице в центре комнаты.

На втором этаже таинственный музыкальный звук звучал громче и четче. Тоши положил деревянный ящик на пол, давая глазам время привыкнуть к лучам лунного света, струящимся сквозь щели между досками на потолке.

Здесь находилось около дюжины гигантских мотыльков, каждый в своем загоне, шириной в двадцать футов. Их широкие, тонкие крылья искрились во мраке, оставляя в воздухе следы из переливающейся пыльцы. Каждый мотылек был настолько крупным, что мог поднять в воздух троих взрослых мужчин, и достаточно сильным, чтобы выдержать их вес, вместе с месячным запасом продовольствия на каждого. Под взмахами их крыльев, искрящийся ветер вихрился во всем хлеву, эхом разнося их бормочущую песнь.

Тоши прошел вдоль загонов, осматривая каждого мотылька по очереди. Ему доводилось прежде летать на одном из этих великолепных созданий, и он знал, как выбрать того, что был посильнее. В предпоследнем загоне он нашел такого, которого искал.

Это был один из самых крупных мотыльков, и его крылья были покрыты разноцветной смесью пыльцы бледно-желтого, ярко-оранжевого, и сверкающе-белого цвета. Его тело было широким и упругим, а движения степенными и мощными. Это было существо, способное перевозить на себе груз, который задумал Тоши.

Он вернулся к деревянному ящичку и перетащил его к загону мотылька. Тоши оторвал кусок от серого бруска, вспоминая, насколько его мягкие и пористые волокна были похожи на моченый хлеб. Мотыльки были разумными существами, как собаки и лошади, но, все же, на еду они реагировали лучше всего.

Тоши протянул серую массу к морде мотылька. Тот осмотрел еду, и погрузил в нее свой острый хоботок. В считанные секунды он высосал всю влагу из массы, оставив в руке Тоши лишь тонкую оболочку бруска.

Тоши похлопал огромное насекомое по шее, и мотылек радостно затрясся. Очимуша отодвинул засов на внешней стене загона и раскрыл дверь в пустынный и тихий внутренний двор внизу. Затем он снял с крюка на стене уздечку и поводья и перебросил их через голову мотылька. Он привязал седло к спине гигантского насекомого и с помощью кожаных ремней укрепил позади него полный ящик провианта.

- Теперь стой спокойно, - сказал Тоши. Он взобрался на мотылька и устроился в седле. Не ожидая прищпоривания, мотылек поднялся на лапах и принялся с усилием взмахивать крыльями. Он пробежал вперед и выпрыгнул из загона. Желудок Тоши сжался.

Над самой землей, огромные крылья мотылька поймали потоки воздуха, и он взмыл ввысь, едва не коснувшись почвы. Тоши натянул поводья, и мотылек вновь забормотал, набирая скорость и высоту, беззвучно пролетая сквозь гигантскую дыру в каменных стенах Эйгандзё.

На мгновение Тоши взглянул на тень мотылька далеко внизу. Для кого-нибудь там, на земле, он был бы замечен на фоне сияющей половины луны. Он задумался, воодушевились бы люди Даймё величием этого вида, или испугались бы его странностью.

Тоши посмотрел вверх, на огромный полукруг, столь ярко светящийся в небе над Эйгандзё.

- Скоро, - прошептал он. – Скоро настанет и твой черед.

В первых лучах рассвета Тоши опустился на колени у дома махоцукай. Он снова был одет в обычную одежду из неприметной черной ткани и свой кожаный доспех. Медитируя, он чертил на песчаной почве простые символы канджи, подготавливаясь к следующим этапам своего плана. Мотылек был крепко привязан в надежном месте, с трехдневным запасом еды из серых брусков. Он вернется за гигантским насекомым задолго до того, как у того закончится провизия, или ему наскучит ждать и он попытается выпутаться из привязи. Кику была уже с Тоши, поэтому ему оставалось лишь отыскать Мозго-Грыза, чтобы собрать полный состав мстителей хэдзан и начать свое грандиозное представление.

- Тоши! – Раздался гневный голос Кику из здания.

Тоши быстро встал и повернулся в сторону входной двери. Кику вырвалась из дома с яростью в глазах и гримасой гнева, исказившей ее мягкие губы. Она снова была в своем полном наряде из дорогого фиолетового сатина и шелка, со своим разноцветным веером *тессен*, который был не столько аксессуаром, сколько оружием. На поясе Кику также висела пара метательных топоров фуецу, а на блузке с высоким воротником красовалась пурпурная камелия.

- Доброе утро, - сказал Тоши. – Как ты...?

Кику схватила Тоши за воротник рубашки и ударила рукой в грудь. Тоши захрипел, лишившись воздуха в легких. Кику продолжала отталкивать его назад.

- Что с моим лицом? – рычала она. - Где заклинание наставников?

И в самом деле, черная тень, расплывшаяся по ее чертам, исчезла. Тоши надеялся, что Кику не так быстро заметит ее отсутствие.

Он начал задыхаться, когда Кику сжала ворот его рубаки вокруг его горла. – Ты просила избавить тебя от него, - выдавил из себя он. – Помнишь? «Я не я из-за этого»? прошлой ночью, ты просила меня прошлой ночью...

- Я сказала и сделала много чего прошлой ночью, о чем сейчас сожалею, - сказала Кику. Она оттолкнула Тоши назад, выпустив воротник, и очимуша, споткнувшись, упал на спину. – Более того, сейчас я все вижу яснее. – Ее рука плавно скользнула к цветку на блузке и сняла его.

- Стой, - вскрикнул Тоши. – Мы оба хэдзан. Мы не можем сражаться друг с другом.

Кику осторожно зажала камелию двумя пальцами. Это была ее излюбленная магия убийства. Цветы Кику могли отравить запас воды целой деревни, или сожрать человека изнутри. Как только цветок касался назначенной жертвы, он набрасывался на нее и вращался, согласно своей природе. Его корни впивались в плоть, а благоухание удушливо подавляло все, его касался цветок.

- Забавно, - сказала она. – Но я припоминаю, что ты просил не вспоминать о клятве прошлой ночью.

- Это не так работает, - отрезал Тоши. – Мы должны защищать друг друга, и, если это не возможно, мстить. Если мы причиним вред друг другу, сама клятва уничтожит нас. – Тоши выругался про себя. Он вышел из-под клятвы хэдзан, когда Объятья Ночи потребовала этого, поэтому, Кику на самом деле могла безнаказанно убить его прямо сейчас. Единственной причиной, по которой она его не убила, было то, что не знала этого.

Кику стояла с цветком наготове, ее взгляд был способен разрезать стекло. – Верни мне проклятие наставников. Это было их завещание и моя обязанность.

- Я его не брал, - сказал Тоши. – По крайней мере, себе не забирал. Я лишь сделал то, о чем ты просила. Когда ты уснула. Смотри. – Он указал рукой в сторону.

Кику не отвела глаз от Тоши. – Нет, - сказала она. – Сам покажи.

Тоши медленно прошел к краю символов канджи, которые он начертил в грязи. Он нагнулся, поднял с земли небольшую глиняную плитку, и показал ее бледно-коричневую поверхность Кику. В затвердевшей глине был вырезан канджи, магический символ, состоящий из двух объединенных символов «твердый» и «тьень».

- Оно здесь, - сказал Тоши. – Готово к использованию, когда ты пожелаешь. Заклинание наставников было поспешным и грубым, Кику. Сила, которой они наделили тебя, поглотила бы тебя менее чем за неделю. Теперь же ты можешь держать его в руках, и хранить, пока не решишь им воспользоваться. Ты же знаешь, что я могу перемещать магическую силу таким образом. Ты же видела, как я сделал то же самое с йуки-онна. Ты должна доверять мне. – Он широко развел руки, открыв грудь и горло.

- Я сделал то, что ты попросила меня сделать. Я сделал это, потому что мы напарники. Если ты все еще думаешь, что я дурачу тебя, тогда бей. Убей меня, преломи плитку, и верни свою силу. Если ты выживешь после нарушения клятвы... а ты не выживешь... я гарантирую, что ты будешь мямлить сама с собой, петть и пускать слюну в считанные дни.

Глаза Кику были ясными. Тоши наблюдал, как она задумчиво двигала челюстью, обдумывая его объяснение.

- Мы все еще идем к водопадам? Туда, где соратами?

- Непременно. Как только отыщем Мозго-Грыза, будем там в мгновение ока.

Кику шмыгнула носом, отвернулась, и снова прицепила цветок к своему воротнику. – Не понимаю, зачем нам незуми.

- Затем, что он часть заклинания хёдзан. Затем, что он сильнее, умнее, и храбрее любой другой крысы в Такенуме.

Кику обернулась к нему. Ее лицо было прекрасным, но колючим, словно фарфоровая кукла с застывшей ухмылкой. – Забудь, очимуша. Сделка расторгнута. – Она сгребла глиняную плитку и заткнула ее за пояс. – Полагаю, я должна отблагодарить тебя. Без проклятья наставников я способна рассуждать гораздо трезвее.

Тоши склонил голову. – Если ты благодаришь меня, почему ты...?

- Потому что ты мне больше не нужен, теперь, когда у меня есть это. – Она похлопала по плитке, висящей на бедре. – Я могу следовать собственному пути мести. Когда я заманю соратами в удобное место, я пробужу проклятие и убью их всех.

- Но ты ведь никогда...

- Возможно, - перебила его Кику. – Но теперь, мне, возможно, и не придется. Я справлюсь с этим по-своему, в свое время. Спасибо, брат по клятве. Теперь, отвали.

Кику отвернулась, и мозг Тоши бешено завертелся, перестраивая порядок мыслей. Ему нужно было действовать быстро, и говорить осторожно. Он не хотел этого делать, но ему нужны были оба, и Кику, и Мозго-Грыз, чтобы его план сработал.

- Я освобожу тебя от клятвы хёдзан, - сказал он.

Кику остановилась. Она медленно повернулась, плутовская ухмылка закралась в уголки ее губ.

- Повтори, что ты сказал.

- Я отпущу тебя, - сказал Тоши. – Пойдем со мной на это последнее дело. Один последний гамбит мстителей хёдзан. Помоги нас с Мозго победить соратами. Ты будешь совершенно свободна. Ни банды, ни наставников, ни теневого проклятья, ничто больше не помешает тебе делать лишь то, что ты хочешь, как ты хочешь и когда ты хочешь.

Кику шагнула к Тоши. Она открыто посмотрела ему в глаза, и ее сводящий с ума, влекущий запах заполнил его ноздри.

- Повтори-ка, - сказала она. – Еще раз, и ясно. Станешь играть со мной, и я всажу тебе бутон промеж глаз, прежде чем ты вздохнешь.

- Последняя работа, - сказал Тоши. – Побудь мстительницей со мной и Мозго в последний раз, и после этого хёдзан перестанет существовать.

Кику, все еще улыбаясь, покачала головой. – Я знала, что ты врешь. А как же огр?

- Он все еще на месте, все еще центральный столп, поддерживающий клятву, - сказал Тоши. – А вот, как ты узнаешь, что мне можно доверять.

Роскошные брови махоцукай подернулись, но она ничего не сказала.

- Наша первая остановка, - сказал он. – Академия Минамо. Там соратами. И там же Хидецугу, активно, с энтузиазмом сводит собственные счета с лунным народом и их ками покровителем. С нашей помощью, он, скорее всего, одержит победу.

Кику поиграла со своим цветком. – А если он не сможет?

Тоши смотрел ей в глаза. – Если он не сможет, мы продолжим без него. Если он попытается остановить нас, мы уничтожим его.

Осознание озарило лицо Кику. – Что невозможно сделать, если клятва будет в силе. Но, пока он думает, что она в силе, он на нас не нападет. – Ухмыльнулась она. – Мне нравится.

- Я же говорил, что я хитрый.

- Нет. Это я говорила тебе, что ты хитрый. И я была пьяна, когда это сказала. – Она замолчала. – Ладно, очимуша, твоя взяла. Но выпусти меня из своей маленькой банды сейчас, прежде чем мы сделаем первый шаг.

- Плохая мысль, - сказал Тоши. Без клятвы, Хидецугу может причинить тебе вред. Он в последнее время ведет себя не очень рационально, и я бы не стал доверять его способности держать себя в руках. Он может и будет страдать оттого, что убьет нас, но мы-то все равно будем уже мертвы.

Кику холодно взглянула на него.

- К тому же, - добавил Тоши, - если я сниму тебя с крючка сейчас, нет никакой гарантии, что ты со мной пойдешь... или оставишь меня в живых, раз уж на то пошло. Мне нужна твоя помощь, и я хочу остаться в живых, поэтому я еще немного подожду.

Какое-то время Кику просто стояла и осматривала его. Медленно, она начала кивать, и этот жест становился все четче, пока ее черные волосы не затряслись уверенно вверх, вниз.

- Ладно. Я знаю, что есть еще много чего, что ты мне не говоришь, но такой уж ты. Даже, несмотря на это, твое предложение заманчиво. Было бы приятно освободиться от определенных... связывающих обстоятельств. – Кику сложила ладони и слегка поклонилась. – Твоя взяла, Тоши. Пошли.

- Ты не пожалеешь. – Тоши старался не выдавать своего облегчения. Ему нужна была мощь Кику, даже без ее усиления проклятьем наставников. Он надеялся, что убедить Мозго-Грыза будет проще, потому что, хоть крыс и был куда менее полезен в битве, он все же был также важен в этом деле, как и Кику, и сам Тоши.

Кику выпрямилась и шагнула ближе к Тоши. Она провела пальцем ему по горлу и коснулась губ.

- Ты помнишь прошлую ночь? – проворковала она. – Все что мы делали, каждый наш звук, каждое ощущение?

Тоши кивнул, с горячим энтузиазмом, впервые за долгое время. – Каждую секунду, Кику.

Она нежно нажала пальцем ему под подбородком. – Хорошо, - сказала она. – Потому что этого больше никогда не повторится.

Махоцукай развернулась и быстрым шагом прошла в жилище. Тоши подождал, пока она полностью не скроется из виду, затем сделал долгий, тихий выдох облегчения сквозь сжатые губы.

Пока все хорошо, подумал он.

* * * * *

Они отыскивали Мозго-Грыза в западной части Такенумы. Крысиный народ *незумибито* можно было встретить на болоте повсюду, но большинство их гнездились как можно дальше от людей. В своей массе они были злобными и мерзкими тварями, но достаточно крепкими и хитрыми, и могли подчиняться приказам. Мозго был лидером среди них из-за своих крупных размеров, коварных мозгов, и долгой истории сотрудничества с людьми. Для незуми не существовало слишком грязной работы, но Мозго приносил немного компетентности и здравого смысла в свои преступные предприятия.

Когда Кики и Тоши подошли к громадному гнезду, которое прихвостни Мозго вырыли в холме, они заметили сотни желтых точек, смотрящих на них со всех сторон. Пламенные крысиные глаза светились в кустах, из-за деревьев, и дыр в земле. Обычно, переполненное крысиное логово было шумным, визгливым хаосом, но, несмотря на то, что поблизости было так много крыс, вокруг холма стояла полнейшая тишина.

Мозго вышел из гнезда и жестом указал Тоши и Кики остановиться. Они подождали, пока крыс опустился на четыре лапы и суетливо подбежал к ним.

Он был крупным для незуми, почти четыре с половиной фута ростом, вооруженный ржавеющим, жутковатого вида коротким мечом. Его грубо сшитая одежда была покрыта коркой вьезшейся грязи и проплешинами, но он прикрыл грудь куском чьего-то щита и приспособил ремни к грубому защитному шлему.

Мозго остановился в нескольких футах от них и с опаской понюхал воздух. Удовлетворившись, он встал и раболепно поклонился. – Соратники мстители, - сказал он, - здесь небезопасно.

Тоши осмотрелся по сторонам. – Соратами?

Мозго помотал головой. – Ками, - сказал он. – Последнюю пару дней духи совсем беспокойны. Нам некуда идти, поэтому мы окапываемся и ждем, когда все уладиться.

Тоши закатал рукав и показал Мозго поддельный знак хэдзан. – У нас есть работа для мстителей, брат по клятве. Гнезду придется некоторое время справляться без тебя.

Мозго взглянул назад, на желтые глаза, наблюдавшие за ним из входа в туннель. Его голос неожиданно стал громче, эхом отражаясь от холма. – Я не могу уйти сейчас, брат по клятве, - объявил он. – Как старейшина стаи, я должен оставаться здесь. – Мозго перешел на шепот. – Я иду, - прошипел он. – Заберите меня с собой.

Тоши озадаченно склонил голову.

- Нет, не спорьте. – Громко и четко прозвучал голос Мозго. – Мои люди нуждаются во мне. – Снова шепотом, он сказал, - Ну же, Тоши, вытащи меня отсюда. Они понабились в нору глубиной в шесть крыс, и я не знаю, сколько я еще это вытерплю.

Тоши открыл рот, но прежде, чем он смог что-то сказать, Мозго взревел, - Ну, что ж, ладно. Клятва так клятва. – Подмигнул он очимуше.

Встревоженный писк начал подниматься со стороны холма. Остальные незуми, по-видимому, не были рады тому, что их старейшина бросает их на произвол судьбы.

- Тебе нужно взять с собой что-нибудь? – пробормотал Тоши. – Может, тебе стоит попроситься, немного смягчить им удар. Они, кажется, расстроились.

Мозго-Грыз долгое мгновение таращился на Тоши, и очимуша едва ли не видел, как выстраиваются мысли в мозгу незуми. Когда все собралось в одну картину, глаза мелкого мордворота распахнулись, и он искажился в дьявольской ухмылке.

- Хорошая мысль, брат по клятве. Смягчить удар. – Он повернулся к Кики, и его улыбка растянулась шире. – Вот поэтому он главный. – Мозго повернулся назад, к гнезду,

где наиболее встревоженные из его сородичей только начали выползать из входа в туннель. Они моргали в вечернем сумраке и с волнением ждали его слов.

- Вы теперь сами по себе, - радостно выкрикнул Мозго. – Прощайте. – Он махнул хвостом, рассекая воздух и траву позади себя. Старейшина незуми затянул ремень и повернулся к Тоши. – Готово. Пошли.

Наблюдая за тем, как их новый предводитель, не оборачиваясь, уходит прочь, спрятавшиеся незуми начали скулить. Тоши одно неловкое мгновение постоял в нарастающем хоре скорбных стонов и скрежещущих зубов. Затем он повернулся к Кику и пожал плечами.

- Это оказалось проще, чем я ожидал, - сказал он.

Кику всегда ненавидела работать с крысами. Она говорила сквозь тонкий шелковый платок, которым она прикрывала рот и нос, чтобы притупить вонь, источавшуюся вокруг холма. – Весьма. Очень просто. Даже, слишком просто. – Фыркнула она. – Почти стоило усилий.

- Правда. – Тоши смотрел вслед Мозго. – Я все равно чувствую, что легко отделался. Мне даже не пришлось целовать его, чтобы взять в команду.

- Не бей меня, - сказал он, не оборачиваясь. – Мы все еще связаны клятвой. – Тоши пытался не ухмыльнуться, уходя от крысиного гнезда. Он почти слышал, как в Кику вскипала ярость. – И не срывай злость на незуми, тоже.

Мозго стоял, ожидая их, вне поля зрения. Тоши остановился на тропе перед тем, как он сам скрылся бы из виду, и взглянул назад. Кику все еще кипела у входа в туннель, поэтому Тоши махнул ей рукой, чтобы он догоняла.

Вместо этого, махоцукай сказала что-то резкое крысам в туннеле и подозвала их подойти поближе. Все еще говоря сквозь платок, Кику жестикулировала свободной рукой, пока крысы оживленно не закивали. Затем она достала свой кошелек и швырнула на землю пару серебряных монет. Когда незуми набросились на деньги, Кику развернулась и зашагала в сторону Тоши.

Тоши улыбнулся, но Кику пронеслась мимо него, не сказав ни слова. Все еще ухмыляясь, он прошел за ней, не отставая ни на шаг.

- Надеюсь, ты не наняла их убить меня после того, как клятва будет расторгнута, - окликнул ее он. – Тебе все равно за это пришлось бы ответить.

- Ничего подобного я не сделала. – Кику не обернулась. Она прошла мимо Мозго, не обратив на него никакого внимания.

- Тогда к чему были деньги? Благотворительность?

- Я сказала им, как произносится твое имя. Я дала им больше, чем они могли бы заработать за год. – Махоцукай остановилась, положила руки на бедра, и смахнула волосы с глаз. – А взамен, они напишут твое имя на дне каждого отхожего места незуми, каждого подкроватного горшка, и каждой выгребной ямы в округе. На случай, если мы не выживем, брат по клятве, хотела убедиться, что оставила после себя соответствующую дань уважения тебе. – Она холодно улыбнулась, глазами бросая вызов Тоши.

Немного подумав, Тоши сказал, - Хмм. Ладно, неплохо. – Он поднял руки. – Сдаюсь, махоцукай. Пока что.

Кику закатила глаза и вновь повернулась к тропе. Как только она отошла, Мозго захихикал и ткнул пальцем на Тоши.

- Пошли, брат по клятве, - сказал Тоши. – Я по пути расскажу, что нам предстоит сделать.

Все еще смеясь, Мозго помчался за Кику. Тоши выждал пару секунд, подавил смех, зарождавшийся в горле, и проследовал за ними. Ему стоило запомнить, штуку с выгребными ямами незуми на следующий раз, когда кто-нибудь его достанет. Это и в самом деле, было остроумно. Но это была не единственная причина, по которой он решил оставить последнее слово за Кику.

Хёдзан висел на волоске, оба его основателя открыто объявили друг другу о взаимной вражде. Будущее банды и всех ее участников теперь зависело от Кику и Мозго, хотя они не имели ни малейшего представления, ни о том, что это значило, ни о возможных последствиях этой вражды. А не знали они ничего этого потому, что Тоши им ничего не рассказал, не рассказал бы никогда, и собирался держать их в неведении так долго, насколько сможет. Потому что, если бы они это узнали, то и Мозго и Кику бы разорвали его на куски прежде, чем он бы сделал следующий шаг.

Тоши вынул свою джитту, провернул ее вокруг указательного пальца, и побежал догонять остальных.

Тоши с союзниками вновь стоял у стен Академии Минамо. За его спиной, одолженный боевой мотылек, надежно привязанный к дереву, все еще продолжал радостно бормотать. Кику и Мозго стояли лицом к Тоши, слушая его слова.

- Вот и все, - сказал он. – Если мы сможем войти и выйти без шума, нам не придется беспокоиться о Хидецугу и его ямабуши. Как только диск будет у нас, мы уходим. Я смогу развеять клятву хёдзан в любом месте, как только мы покончим здесь с этим делом. Но нам нужно, чтобы клятва действовала, пока мы не закончим, на тот случай, если Хидецугу нас найдет.

Мозго с раздражением взглянул на огромного мотылька. – Я все равно не понимаю, почему ты сам просто не пойдешь туда и не вытащишь эту штуку. Ты же туда ее сам принес, верно?

Тоши кивнул. – Сам. Но конкретно этот путь для меня уже закрыт. Моя мёдзин не желает видеть диск в ее владениях.

- Тогда почему ей не оставить его здесь? – Кику была особенно колкой и проницательной в своих вопросах на протяжении короткого разъяснения плана Тоши. Она также поддерживала Мозго во всем, чем могла, и Тоши догадывался, что так она пыталась выпытать у него больше информации.

- Потому что она хочет, чтобы этот диск существовал. Она лишь не хочет, чтобы он существовал на ее территории. Если мы оставим его здесь, с ним случится что-то плохое. Кто-то его съест, или сломает, или попытается использовать, а этого Объятья Ночи не хочет. Ей нравится все так, как есть, и она дала мне задание сохранить это состояние вещей.

Чувствуя поддержку Кику, Мозго оставался настроен скептически. – И ты рассчитываешь, что мы отобьемся от огра с его ямабуши, если все пойдет не по плану?

- Я рассчитываю, что клятва хёдзан сдержит Хидецугу. Он не сможет напасть на нас, не подставившись под удар. А насчет ямабуши... да, я действительно рассчитываю на то, что вы будете сражаться, если дело дойдет до этого. Возможно, нам также придется тягаться с каким-нибудь óни, но я не думаю...

Шерсть Мозго встала дыбом. – Óни?

- Конкретный óни. Хидецугу, вроде как, натравил своего пса на мой след, поэтому, возможно, он прибежит, как только я там появлюсь. – Он повернулся к Кику. – Это, кстати, твоя основная часть работы. Если появится что-нибудь рогатое, на четырех лапах, я ожидаю увидеть букеты цветов в его глазницах, прежде чем оно ко мне приблизится.

- Но я все еще не...

- Тихо, грызун. - Кику с твердым взглядом прошла вперед, мимо Мозго. – Чем больше Тоши рассказывает нам о задании, тем больше я убеждаюсь, что он нам не говорит всего. Наша задача взять диск, уйти, и развалить банду. Если в процессе придется драться, то драться. – Она подозвала к себе крыса, и они встали плечом к плечу напротив Тоши.

- Сделаем это, - сказала Кику.

- Отлично, - сказал Тоши. – Но есть еще одна деталь, о которой я еще не упомянул...

* * * * *

Капитан Нагао еще меньше обрадовался, увидев Тоши во второй раз. Он вытащил свой короткий меч и прошел к вновь прибывшему. Серебряная-Лапа шел следом.

- Видите? – Тоши вскинул руки, игриво сдаваясь. – Я же вам говорил, что вернусь.

Сейчас был полдень, поэтому большинство выживших бодрствовали и увидели появление Тоши, однако беззаконное помещение было столь же мрачным, а их настроение столь же вялым, как и в глухую ночь.

Нагао злобно глядел на Тоши, сжимая в руке клинок. – Ты собираешься помочь нам на этот раз, приятель, или снова будешь только болтать?

Тоши пожал плечами. – Могу начинать помогать прямо сейчас. – Одной ногой он все еще был погружен в тень, в углу комнаты. Держа руки вскинутыми вверх, ему не составило труда схватить Нагао за плечи и втянуть тяжелого воина во тьму.

Застигнутый врасплох и выбитый из равновесия Нагао хрипнул, покотившись в темноту. Тоши крепко держал Нагао за плечи, концентрируясь на выбранном пункте назначения. Перемещаться одному было гораздо проще, но знание направления движения очень помогало.

Спустя перехватывающий дыхание рывок сквозь пустоту, Тоши и Нагао вырвались из-под основания могучего кедра. Тоши пришел в себя первым, но Нагао, запыхавшись, впился руками в землю, пытаясь наощупь отыскать свой меч. Он морщился при каждом вдохе, прижимая руку к груди. Тоши увидел кровь, сочащуюся сквозь грубую повязку под нагрудником офицера. Он понял, что Нагао не просто был дезориентирован переходом и внезапной сменой сценария; он также боролся с серьезной раной.

Они теперь находились в буйном вечнозеленом лесу, запах мха и сырой древесины густо висел в воздухе. Небо было чистым и солнечным, но плотные кроны из сучьев, веток и хвои деревьев пропускали лишь узкие струи света, достигавшие земли.

- Это Дзюкай, - сказал Нагао. Он отыскал свой меч и теперь пытался встать на ноги. – Это место, куда Леди Шелковые-Глаза отвела кицунэ после того, как гоблины напали на их деревню. Там, где мы были до того, как отправились в Минамо.

- И это место, вероятно, осталось в точности таким, каким вы его оставили, - сказал Тоши. – Деревенские жители кицунэ все еще живут в дикой природе и наслаждаются ею. Ты найдешь здесь много знакомых лиц.

К этому времени Нагао полностью пришел в себя, вернув себе большую часть грозности. – Отведи меня назад, в академию, - сказал он. – Я должен быть спасен последним, а не первым.

- Ты их предводитель, - сказал Тоши. – Я должен был взять тебя первым, чтобы ты смог убедить остальных. Тебе, правда, придется сделать это быстро, потому что я не знаю, сколько у нас будет времени.

Нагао замешкался. – Кто здесь главный?

- Хм? О, я не знаю. Тут есть три старые лисы, к которым все, вроде как, прислушиваются. Принцесса Мичико тоже здесь, со своими телохранителями кицунэ. О, и эта громадная собака тоже здесь.

Капитан обдумал эти слова. – И все в безопасности?

- Пока да. Они уже здесь несколько недель, и за это время проблем не было. Думаю, даже ками их не беспокоят.

Нагао сунул меч в ножны. – Отведи меня назад немедленно, - сказал он. – И начинай приводить сюда остальных так быстро, как только сможешь.

Тоши наклонил голову, его слова звучали резко. – А то мне без тебя не понятно было. Слушай, служивый, я все это изначально и планировал, - сказал он. – Если ты закончил диктовать условия, может, приступим уже?

* * * * *

Переправка выживших из Минамо в лес заняла больше времени, чем надеялся Тоши, но, по крайней мере, она прошла гладко. Как только Нагао убедил Серебряную-Лапу, что Тоши мог выполнить то, что обещал, оставшиеся выжившие с готовностью доверились незнакомцу.

Поначалу, Тоши мог брать лишь троих за раз, но вскоре он уже переводил по семь или восемь. Это была изнурительная работа, но, как и в беге на дальние дистанции – как только он выработал ритм, ему было одинаково легко, либо продолжать, либо остановиться и отдохнуть.

Он произнес тихую молитву с благодарностью своей мёдзин за то, что Хидецугу и ёни не висели у него на хвосте, пока он работал. С учетом нюха огра и связи Тоши с дьявольским псом, он ожидал, что они набросятся на него в тот же миг, как он появится в недрах академии. Он полагал, что этого не произошло потому, что он не задерживался в Минамо надолго. Как только капитаны выстраивали готовых к переправке выживших, все, что оставалось сделать Тоши, это появиться и забрать их.

Кику беззвучно стояла позади Тоши, не обращая ни малейшего внимания на выживших, даже когда те пытались поблагодарить ее за спасение. Она не сводила глаз с единственной двери в комнату, и коридора за ней. Если возникнет опасность, то только от туда.

Тоши оставил Мозго-Грыза на крыше академии, чтобы он присматривал за тем, чтобы никто не обнаружил мотылька. Незуми никогда прежде не летал, и у него закружилась голова, как у школьницы, когда гигантское насекомое подняло их троицу к облакам. Тоши не мог пронести Похищенную в мир теней, но он мог заставить ее исчезнуть, вместе с собой. Как только они оба утратят материальность, все, что останется сделать Тоши, это отнести каменный диск на крышу, где он привяжет его к мотыльку. Оттуда он мог увезти его в любую точку Камигавы.

Спустя полчаса размеренной, нервной работы, осталась лишь дюжина гражданских и горстка солдат для переправки. Тоши дал сигнал следующей группе из восьми человек подойти к нему, но Нагао и Серебряная-Лапа остановили его.

- Капитан Серебряная-Лапа останется с остальными в Дзюкай, - сказал Нагао. – Но мне с моими людьми нужно вернуться в Эйгандзё.

Тоши покачал головой. – Я тебе не *рикша*, Капитан. А если рикша, то мне пока никто за перевозку не платил. Я согласился переправить вас в безопасное место, и переправлю. Куда вы пойдете после этого, меня не касается.

Нагао налился краской. – Я капитан армии Даймё, - вспыхнул он. – Моя страна воюет, а я сидел здесь, беспомощный, в осаде. Ты понимаешь, что такое долг, приятель? Обязательства?

Тоши сделал вдох, чтобы ответить, но Кику заговорила первой. – Идут, - сказала она. Она небрежно вдохнула аромат камелии на плече и достала свой метательный топор фуецу.

Низкий, охваченный паникой шепот поднялся у дальней стены комнаты. Там уже появилось три черные челюсти, кусающие пустой воздух, целенаправленно двигаясь к оставшимся выжившим.

Серебряная-Лапа и Нагао быстро бросились через комнату и встали между людьми и растущей стаей голодных пастей. Их уже было больше сотни, и каждую секунду

появлялись новые. Офицеры указали другим солдатам, и те отважно выстроились в шеренгу, разделившую комнату пополам.

Один из воинов вскрикнул, когда одна из челюстей впиалась в его руку, державшую меч. С нечеловеческой точностью, Серебряная-Лапа разрубил челюсти пополам сзади, остановив лезвие своего меча в волоске от укушенной кожи солдата. Разделенные, верхний и нижний ряды зубов упрямо пытались вонзиться в свою пищу, пока не растаяли в клубе дыма. В ответ, другие пасти повернулись в сторону окровавленного человека и поплыли к нему.

Под четким руководством Серебряной-Лапы и Нагао, солдаты осторожно отражали и избегали летающих челюстей, перебравшись в свободную часть комнаты. Мысль не провоцировать больше Всепоглощающего Они Хаоса была хорошей, но Тоши боялся, что эта мысль возникла слишком поздно. Демонический дух нанес удар, и теперь запах крови, казалось, подсказывал ему, где он сможет найти добычу. Дальний угол комнаты вскоре заполнился голодными пастьями, шипящими и жужжащими, подобно рою озлобленных пчел.

Выживший человек в мантии академии подошел и схватил Тоши за руку. – Ну же, чего ты ждешь? Уведи нас отсюда.

Тоши стряхнул его руку. – погоди, - сказал он. – Постарайся успокоиться. Оно не причинило пока серьезного вреда, и не причинит, если мы все будем вести себя тихо.

Ученик отошел, его глаза были все еще распахнуты и наполнены ужасом. Кику поравнялась с Тоши.

- Откуда ты это знаешь? – прошептала она.

- Не знаю, - прошептал он в ответ. – Но я думаю, что единственная причина, по которой они продержались здесь так долго, в том, что с ними здесь была эта штука. – Он указал на Похищенную. – Думаю, они Хидецугу боится ее.

Кику и Тоши наблюдали вместе, как облако пастей поднялось к потолку. Некоторые из них повернулись в сторону Похищенной. Медленно, угрожающе, они начали лететь к каменному диску.

- Уже нет, - сказала Кику.

Серебряная-Лапа возник перед Тоши, снова испугав очимущу. Ему следовало запомнить, как лисы делали этот фокус без благословений верховных мёдзин.

- Бери столько, сколько сможешь и иди, - сказал лисий капитан. – Мы прикроем ваше отступление.

Тоши взглянул Серебряной-Лапе в глаза. – Не пойдет, - сказал он. – Любой, кто не переправится за этот раз, будет мертв к тому времени, как я вернусь.

- Мы готовы принести эту жертву.

- Но я не готов. Если эта комната будет захвачена они, я не смогу вытащить отсюда эту штуку. – Пока они говорили, ненасытные челюсти демона кружили над диском, пробуя и кусая воздух вокруг него.

Тоши за последнее время провел больше времени с кицунэ, чем когда-либо прежде, поэтому он уже научился распознавать непроницаемые выражения их лиц. Короткая морда Серебряной-Лапы поморщилась, и его глаза вспыхнули. Он был в ярости.

- Вор, - прорычал он. – Неужели твое сокровище ценнее собственной жизни? Ибо я зарежу тебя на месте, если ты сейчас же не выведешь этих людей в безопасное место.

- Тогда мы все умрем.

- Да будет так. Я не позволю тебе ставить неодушевленный предмет выше жизней моих подзащитных.

Кику шагнула вперед, вновь вдыхая аромат своего цветка. – Это решение принимать не тебе, кицунэ.

Одновременно растроганный и обеспокоенный неожиданным защитным движением Кику, Тоши обдумал свои варианты. Меч Серебряной-Лапы был обнажен, и

Тоши бросил взгляд на его сверкающее лезвие. Он посмотрел на Кику, затем на кицунэ, и улыбнулся.

- Что если я предложу тебе третий вариант?

- Я выслушаю. Только быстро.

- Моему сокровищу и вашим людям угрожает одно и то же. Отойди в сторону, и я возьму на себе обе наши проблемы.

- Как ты это сделаешь?

Тоши провернул свою джитту. – Просто уведи всех своих людей назад ... вот туда, подальше от диска и они. Я уведу его оттуда

Серебряная-Лапа поразмыслил. – Мы можем помочь тебе.

- Мне не нужна ваша помощь. Мне нужно, чтобы вы наблюдали.

Внешне неубежденный, Серебряная-Лапа издал яростный звук, похожий на щелчок. Но повернулся и быстро отступил к шеренге солдат. В считанные мгновения, Серебряная-Лапа и Нагао увели своих людей и оставшихся выживших в наиболее безопасный угол комнаты.

Кику сунула метательный топор за пояс. – Удачи, Тоши.

- Спасибо.

- Нет, я серьезно. Если ты умрешь, у меня не будет отсюда выхода.

- О, ну, все равно спасибо. Полагаю, о поцелуе не может быть и речи?

Кику метнула в него сердитый взгляд и отошла к дальней стене.

Пасти они заполнили свой край комнаты от пола до потолка и продолжали расширяться, увеличивая свое количество. Небольшое их облако теперь кружило вокруг Похищенной, хотя, до сих пор, ни один из ртов не осмелился вонзить в нее свои зубы.

Тоши сделал глубокий вдох. Он очистил разум от мыслей, представляя бескрайние просторы тьмы и пустоты, в которых царствовала его мёдзин. Он представил саму Мёдзин Объятий Ночи, какой он ее знал: белая, как кость маска в виде женского лица, окаймленная полотном из роскошной черной ткани. Черную завесу держала пара бестелесных рук, и вокруг нее кружили бледные призрачные ладони, следовавшие за ней повсюду, как слуги.

Объятия Ночи была одна из древнейших и наиболее могущественных из известных духов. Некоторые религии Камигавы даже исходили от того, что Ночь и Хаос были первыми духами, от которых образовались все остальные духи. Тоши точно знал, что это было не так, но его воодушевляло подобное сравнение. Если он собирался выставить свою покровительницу против духовного покровителя Хидецугу, то, по крайней мере, они оба находились на одном генеалогическом уровне.

О Объятия Ночи. Мысли Тоши были столь же сосредоточенными и спешными, как шепот отчаяния. *Благослови своего смиренного служителя еще раз. Во имя твое, Ради славы твоей, я взываю к твоей помощи.*

Ответа не последовало ни в его разуме, ни в бескрайнем океане тьмы, который он наблюдал мысленным взором. Но знакомое чувство чего-то необъятного начало переполнять его, словно волна, готовая обрушиться, или пузырь, готовый лопнуть. Он ощущал себя так, словно задержал дыхание на час, и его легкие яростно требовали выдоха, словно его ноздри были набиты пылью и грядущий чих разорвет его голову на куски.

Ты чтить меня, служитель. Ступай с моим благословением.

Тоши раскрыл глаза. Он зарычал в диком триумфе, опьяненный силой, пронизывающей его. Он едва сдерживался, чтобы не запрокинуть голову и не захохотать.

Неподалеку, первый набор острых, как иглы зубов коснулся поверхности Похищенной. Чистый белый свет сверкнул в точках контакта.

Пасти они обезумели, дико щелкая и роем направившись к каменному диску. Если они не опознал мощь сокровища Даймё прежде, то теперь опознал точно. Вихрь челюстей бросился вперед.

Слишком поздно, подумал Тоши. В кои веки, опоздал кто-то другой.

Он поднял руки и ощутил наполнявшую его силу своей мѣдзин. Кольца черного света разошлись из его рук, и тогда Тоши захохотал, сиплым, издевательским смехом в лицо его кошмарного врага.

Черные огни собрались в облако вокруг его запястий, и голодные пасти они завопили перед ним. Когда первые из них были лишь в нескольких ярдах, темные облака вспыхнули, и из них вырвался поток мертвецки бледных рук.

Река ладоней и пальцев ворвалась в облако щелкающих челюстей. Тоши направлял поток во все стороны, поливая им Они Хаоса, так, что демонические челюсти были полностью охвачены хваткой Объятий Ночи. Ладони появлялись одинаково: плоские, выпрямленные, с пальцами, прижатыми друг к другу, но они двигались, как живые, как только касались врага.

Каждая бледная рука сомкнулась на паре челюстей они и туго их сдавила. Когда они попадали в цель, то полностью нейтрализовали прожорливых демонов. Если промахивались, то теряли пальцы, скармливая их неутолимому аппетиту они. И все же, даже эти изувеченные ладони продолжали сражаться, отталкивая непрошенных гостей назад, к тому месту, откуда они пришли.

Все еще смеясь и орошая облако ртов аспектами своей мѣдзин, Тоши медленно шел вперед, через комнату. Челюсти они могли с легкостью измельчить все, что появлялось у них на пути, но бесчисленные руки мѣдзин продолжали захлопывать и отталкивать их назад.

Как один, оставшиеся челюсти они раскрылись и издали яростный, душераздирающий вопль злости и раздражения. Стоящий в самом центре бурлящей массы из рук, ртов, зубов, и пальцев, но не тронутый ни чем Тоши, высоко вскинул руки и свел ладони.

Хлопок прогремел, как пороховая бомба. Сотрясение очистило широкое пространство вокруг очимуши, которое, затем, быстро наполнилось бестелесными руками. В безопасности за стеной силы мѣдзин, Тоши шел вперед, вытесняя пасти они к дальней стене и закрытой двери. Он собрал всю свою силу, закричал в иступленном духовном неистовстве, и выдавил последние челюсти из комнаты.

Он несколько мгновений стоял в плавно кружащем циклоне рук, тяжело дыша. Затем Тоши склонился и упал на колени, вздрагивая от судорог, сведших его руки, ноги, и живот.

Кику помогла ему подняться. – У тебя получилось, - сказала она. Махоцукай выглядела впечатленной... но Тоши подозревал, что ошибочно определяет ее выражение лица. Кику, вероятно, была лишь удивлена и немного расстроена, что он выжил.

Тоши стоял без поддержки, как только Кику помогла ему подняться на ноги. – Конечно, получилось. Я только что выслал Хидецугу приглашение прийти и убить нас всех. Я только что прогнал его они. Ему это вряд ли понравится.

Глаза Кику слегка расширились. – Что нам делать?

- Подготовьте всех к выходу. Я заберу всех за раз. – Громко сказал он. – А ты, Нагао. Ты и твои люди пойдете со мной в Дзюкай, сейчас же, без обсуждений. Как только мы все будем живы и в безопасности, я подумаю над тем, чтобы переправить тебя домой.

Нагао взглянул на Серебряную-Лапу. Кицунэ кивнул, и Нагао сказал, - Договорились.

Тоши вытянул руки, разрабатывая сведенные судорогой мышцы. – Стройтесь, люди. Последний паром в Дзюкай отправляется, как только все вы взойдете на борт. – Кику похлопала его по плечу, и Тоши обернулся.

- А потом? – сказала она.

- А потом, - ответил Тоши, - посмотрим, позволит ли нам Хидецугу распустить мстителей хѣдзан без сражения.

Кику кивнула, на лице ее было спокойствие. – Этого не произойдет, верно?

- Нет, - оживленно сказал Тоши. – Но стоит предложить ему такую возможность. – Он наклонился ближе и сказал Кику на ухо. – Я кое-что задумал.

- Я меньшего не ожидала, - сказала махоцукай. – Давай, Тоши. Переведи этих овец в безопасность. Чем раньше мы тут покончим, тем лучше.

Все выжившие выстроились в длинную очередь, взявшись за руки. Тоши протянул руку Нагао, стоявшему впереди.

Один за другим, выжившие в Минамо входили в тень, наконец, избегая кровавой бойни последней мести хёдзан.

Хидецугу мрачно восседал на своем троне из костей, из уголков его глаз струился плотный черный дым. Он чувствовал атаку на своего óни, и знал лишь одно существо настолько дерзкое, чтобы решиться на подобное нападение, и настолько могущественное, чтобы осуществить его.

- Охотники, - рявкнул он. – Приготовьтесь. – Трое ямабуши мгновенно подскочили со своих углов к трону. Приземлившись, каждый встал на одно колено и опустил на пол кулак.

Хидецугу был полностью удовлетворен своим небольшим штурмовым отрядом. Они отменно сражались и безоговорочно повиновались. Вместе с ним они повергли Кейгу, Звезду Волн, духовного стража водопадов, и покарали кровавой мстостью учеников и наставников академии. Для них это была не простая кампания – из восьми бойцов выжило лишь пятеро. Одна была убита при штурме Минамо, второго случайно сожрал Всепоглощающий, а третий просто растворил свою небесную платформу и рухнул с пятисот футов на скалы внизу. Хидецугу считал последнего – единственной ошибкой и досадной потерей отряда.

Огромный о-бакемоно встал, каскадом осыпав черепа и бедренные кости на пол. Грудные клетки хрустели под его ногами, когда огр сошел со своего трона. Он сунул два пальца в пасть и свистнул.

Пес óни появился в облаке дыма, и в зале запахло могильной сыростью. Даже ямабуши поёжились, когда он прошел мимо них.

- Твой приятель вернулся, - обратился Хидецугу к псу. – Отыщи его и исполни то, ради чего ты был призван. Наслаждайся. Развлекайся с его телом и душой.

Кошмарная тварь выхрапела струи пепла из своей костяной пасти. Пес попятился на тощих задних лапах, развернулся, и выпрыгнул из зала.

С машинальной точностью Хидецугу пристегнул пару защитных пластин к плечам и привязал третью на грудь. Он вытянул и размял свои могучие мускулы на руках, проверяя размах своих движений. Поправив наплечники, Хидецугу поднял твою покрытую шипами дубину тецубо и взмахнул ей в воздухе, как ивовым прутом.

Он осмотрел боевой край дубины, затем выбрал глазами одного из трех ямабуши. – Подойди, - сказал он. Горный воин мгновенно вскочил на ноги и приблизился к своему хозяину.

- Стой там, - сказал Хидецугу. Монах замер, занеся одну ногу над полом.

- Хорошо, - сказал огр, и с размаху обрушил тецубо на ямабуши. Тонкое, крепкое оружие разорвало тело ямабуши пополам по всей длине тела, и кровь монаха забрызгала его соратников и самого Хидецугу.

Двигаясь быстро, но уверенно, Хидецугу зажал тецубо зубами и сгреб останки разрубленного ямабуши. Он прохрипел резкие слова, не выпуская окровавленную дубину изо рта. Кровь жертвы зашипела и вскипела на лице огра. Хидецугу выплюнул дубину, сглотнул кровь, стекшую ему в рот, и принялся зачитывать заклинание.

На древнем языке о-бакемоно он преобразовал кровь верного воина в барьер против тех, кто мог, как предать, так и убить его. Когда последняя капля жизненной влаги жертвы была выжата из его трупа, Хидецугу запихнул его мясо с костями себе в пасть. В

считанные секунды от уничтоженного ямабуши не осталось ничего, кроме скользкого красного пятна на полу, и таких же красных пятен на лицах остальных монахов.

Хидецугу нагнулся и поднял свою дубину. – Теперь, - обратился он к оставшимся охотникам, - мы... - голос огра оборвался, и его глаза замкнулись на чём-то за внешней южной стеной академии. Его ноздри подернулись, и он запрокинул голову, сделав долгий, глубокий вдох через нос.

- У нас еще гости, - сказал он. - За мной.

У Хидецугу было несколько дней на исследование Академии, пока его они пировал в ее стенах, поэтому он повел своих охотников на один лестничный пролет вверх, чтобы воспользоваться преимуществом громадных окон, расположенных там. Вид отсюда был еще лучше, чем с крыши академии, которая была практически постоянно погружена в плотные облака. С этой точки можно было осматривать водопады, почти всю поверхность озера, и поля Тобабары далеко на юге.

Огр заворчал, вглядываясь вниз, в земли Конды. Что-то двигалось там, внизу. Что-то приближалось к водопадам. Хидецугу не мог толком разглядеть, что именно он видел, но он давно жил в Камигаве, и мог распознать движущуюся армию.

В данном случае армию Конды. Сотни боевых мотыльков и тысячи людей и лошадей приближались к Минамо. Они двигались очень быстро: Когда Хидецугу впервые увидел их, он едва распознал в них людей. Теперь же он видел символ Даймё на боевых знаменах и кошмарный, потусторонний свет, исходящий от всей армады.

Хидецугу прищурился. Значит, Тоши говорил правду, по крайней мере, об этом. Конда поднял армию призраков и намеревался вернуть себе каменный диск. И если Конда проследил его местонахождение, значит, и великий древний змей О-Кагачи вскоре также объявится.

Глаза огра вспыхнули, и он выкрикнул, - Ха! – Он повернулся к паре ямабуши, смотрящих на него мертвыми глазами, и сказал, - Отыщите остальных. Спуститесь вниз и встретьте Конду до того, как он доберется до озера. Донимайте его, раздражайте его, делайте все, чтобы сдержать его продвижение. Скоро к вам присоединится они. Удерживайте сражение вне стен академии, пока я не приду за вами.

Ямабуши поклонились и умчались прочь. Хидецугу задумчиво кивнул. Они были превосходными слугами, и он сожалел, что ему пришлось принести одного из них в жертву ритуалу.

Огр вытащил свою дубину и снова взмахнул ею, вслушиваясь в жужжащий звук рассекающегося воздуха. Потеря одного охотника стоила того, чтобы увидеть выражение лица Тоши, когда его заклинание, которое он подготовил для Хидецугу, отразится и поглотит своего создателя.

Хидецугу причмокнул губами. Он опустился на колени и снова принялся читать заклинание на древнем диалекте, взывая к они в Оборю, и Всепоглощающему, набивавшему свое брюхо неподалеку.

Кровопролитие и насилие манили их к себе. Если Хаос вступит в свои права здесь, ничто уже не сможет остановить его от пожирания всей Камигавы.

Выслав сообщение, о-бакемоно терпеливо сидел, пока не почувствовал, как страшное внимание его духа покровителя перешло от насущной пищи к приближающейся армии. Всепоглощающий начал долгий процесс отделения орды своих пастей от библиотеки академии, в то время как младшие они бросались за край столицы соратами и с воем падали в бурные воды в жажде убийств, и свежего человеческого мяса.

Когда все пришло в действие, Хидецугу встал, повесил дубину за спину, и отправился вниз, для того, чтобы лично засвидетельствовать кончину Тоши Умезавы.

* * * * *

Тоши слишком торопился, чтобы волноваться о том, как на него могло повлиять повторное прикосновение к Похищенной. Как только последний выживший покинул комнату, и Кику вновь встала на вахту у единственной двери, очимуша прижал ладони к каменному диску и силой воли заставил его утратить плотность, вместе с ним.

Он ощутил знакомую боль от прикосновения, словно он схватил железный прут, один край которого был в раскаленной печи, а второй в кубе льда. Это чувство закончилось так же быстро, как и началось, и к облегчению Тоши, диск оказался таким же легким в обращении и по весу, как и прежде.

- Тоши, - произнесла Кику, - если ты все еще здесь, приготовься. Сюда кто-то идет.

Тоши продолжал направлять свою призрачную ношу к коридору. Он не хотел оставлять Кику одну, но он уже был почти свободен. Все, что ему оставалось, это добраться до крыши, и завязать пару узлов, и все они уйдут чистыми.

Он услышал, как что-то когтистое быстро приближалось, но поборол в себе позыв к бегству. Ничто прежде не было способно взаимодействовать с ним в его призрачной форме; никто даже не мог обнаружить его. Он проходил сквозь наиболее мощные магические барьеры, словно их не существовало вовсе, и стоял незамеченным рядом с самыми чуткими следопытами кицунэ. Ямабуши, они, даже сам огр не сможет остановить его, если он только будет соблюдать спокойствие.

Кику вытащила метательный топор и вызвала пурпурный бутон, пятась от двери. В следующую секунду, дверь взорвалась внутрь, распавшись в граде щепок и кусков древесины, и в комнату с грохотом ворвался пес они.

Бросай бутон, думал Тоши, не в состоянии потратить энергию, чтобы быть услышанным. Забудь про топор.

Четвероногий здоровяк опустил свою, покрытую костяными наростами голову и зарычал на Кику, его острый хвост царапал каменную стену за его спиной. Лицо махоцукай было мрачным, но осторожным. Она не предпринимала агрессивных действий, а выжидала, не сводя взгляда с глаз они, под его дикими кривыми рогами.

Пес отвернулся от Кику и взглянул на то место, где Тоши волочил Похищенную. Он взревел, как медведь и бросился к очимуше.

Поначалу, Тоши был слишком шокирован, чтобы как-то отреагировать. Пес несся к нему с жуткой разинутой пастью, и все, что мог делать Тоши, это думать, - Но это же невозможно.

К счастью, его инстинкты оказались сильнее его рационального мышления, и он отпрыгнул от Похищенной. Как только его фантомные руки покинули поверхность диска, Похищенная вновь обрела вес и плотность. Она рухнула на пол, провернулась на четверть оборота, и упала так, что вырезанный силуэт дракона оказался снизу.

Тоши пятился, выискивая глазами тень, в которую он мог бы нырнуть. Они не обратил никакого внимания на неожиданное появление Похищенной. Он зарычал и склонил голову почти до пола. Направив морду прямо на Тоши, пес прошел вперед.

Он связан со мной, понял Тоши. Хидецугу не преувеличивал, когда сказал, что пес они надет его везде. Каким-то образом призыв чудовища связал его с ним, как хозяина с гончей... или, в данном случае, как охотника и добычу.

Они метнулся еще раз. Тоши смог увернуться. Он предположил, что, если он мог видеть его в призрачной форме, то мог и ранить его. Тоши не горел желанием подставиться под его челюсти, поэтому продолжал двигаться, стараясь быть как можно более трудной целью.

Кику, тем временем, все еще стояла наготове в другой части комнаты. Она видела, как Похищенная появилась снова, и наблюдала за тем, как пес напал на пустое пространство, поэтому, она должна была знать, что Тоши был все еще здесь. Он решил помериться скоростью с псом – если Кику поразит его также быстро, как она это делала обычно, они будет мертв, прежде чем сможет догнать его.

Вновь став плотным, Тоши поймал взгляд Кику в тот момент, как пес прыгнул к нему.

- Бросай бутон! – Крикнул Тоши. Кику отреагировала профессионально, взмахнув рукой по широкой дуге и метнув пурпурный цветок в широкую грудную клетку óни.

Тоши заставил себя снова растаять, исчезнув из вида за мгновение до того, как клыки пса óни должны были впиться ему в руку. Острые зубы прошли сквозь Тоши без сопротивления, но ослепляющая агония все равно пронзила его руку. Он закричал, скорее от шока, чем от боли, но боль ощущалась гораздо дольше, чем шок.

Бросок Кику не достиг цели. Камелия извивалась на полу, ее колючие корни тщетно пытались найти себе подходящую почву. Вне всякой опасности, пес óни собирал силы для очередного прыжка.

Голова Тоши закружилась, и он рухнул на пол. Укус казался ядовитым. Очимуша обрел плотность прямо перед приземлением, и грохот от его падения эхом прокатился по комнате. Затуманенным взором он уставился на свое проклятие, глаза пса находились с ним на одном уровне.

Он попытался призвать холод, но его сознание уже начало ускользать от него. Он собрал всю волю, чтобы снова исчезнуть, но не нашел в себе ни сил, ни концентрации для этого.

Óни зарычал и широко разинул свою жуткую пасть. Тоши видел множество рядов острых зубов и чувствовал зловоние крови в его дыхании.

Топор Кику метнулся через комнату прямо в раскрытую пасть пса. Он вонзился в его верхнее нёбо, забрызгав струей черно-красной крови ближайшие полки со свитками. Рукоять топора застряла за самым дальним рядом зубов óни, так, что его смертоносные челюсти не могли сомкнуться. Óни закашлял и захрапел, неистово пытаясь вынуть оружие из пасти.

Не раздумывая, Тоши вскочил на ноги и, шатаясь, направился к раненому псу. Он слышал голос Кику, зовущей его, орущей что-то важное, но она казалась слишком далекой, и он не мог разобрать ее слов.

Тоши налетел на полки со свитками, обрушив несколько древних манускриптов на пол. Цепляясь за полки, чтобы устоять на ногах, он вынул свою джитту и протасил ее острие через вязкое пятно крови пса óни.

За его спиной раздался резкий треск древесины. Тоши отшатнулся назад, провернувшись от полков со свитками, пока его спина не ударилась о стену. Псу óни удалось свести челюсти, раскусив топор Кику пополам. Острые оружия все еще оставались воткнутым в верхнее нёбо чудовища, и окровавленная пена пузырилась из углов его рта, но ранение пса было вовсе не смертельным. Они встряхнул своей костяной головой, сделал вдох, и издал громогласный дикий рев.

Тоши выставил джитту перед собой. – Ну, давай, - сказал он. – Я буду не единственным, кто сегодня сдохнет.

Пес фыркнул, зарычал снова, и затем повернулся к Кику. Махоцукай уже держала очередной цветок в руке, но замерла, как только чудовище обратило на нее свой кошмарный взор.

Зрение Тоши заволокло серым туманом. Он должен был спастись, и немедленно. Кику могла победить пса, но она не сможет остановить действие яда. Он неуклюже стащил свиток с полки и взломал его печать своей джиттой. Он быстро начертил канджи на тыльной стороне свитка (в котором, кажется, содержалось заклинание, позволяющее создавать скульптуры из воды), зажал пергамент в зубах, и изо всех оставшихся сил оттолкнулся от стены.

Ошибочно выбрав Кику, как более серьезную цель, пес прыгнул к махоцукай прежде, чем Тоши добрался до него. Кику замахнулась, чтобы швырнуть цветок, но мощные лапы óни гарантировали, что он налетит на нее в любом случае, невзирая на то, с

чем он мог столкнуться по пути. Даже если цветок убьет пса быстро, у него все равно будет возможность вгрызться в горло махоцукай.

Тоши потянулся, пытаясь схватиться за шипастую спину пса, когда тот промчался мимо него. Вместо этого, его рука ухватилась за хвост демона, и хотя его пальцы все больше немели с каждой секундой, Тоши изо всех сил вцепился в него.

Вес очимуши лишил пса инерции, стащив его на пол вдалеке от Кику. Выпад Тоши также выбил пса из траектории бутона Кику, пролетевшего через всю комнату и отскочившего от дальней стены.

Нижняя челюсть óни с болезненным хрустом ударилась о пол. В бешенстве он выгнул свое мощное тело в пояснице и бросился в лицо Тоши.

Тоши пришлепнул пергамент с канджи паралича к спине óни. В тот же миг, с жуткими зубами в считанных дюймах от глаз Тоши, громадный пес застыл, словно статуя. Три его злобных глаза продолжили вращаться в глазницах, и отвратительное, удушливое дыхание все еще струилось из его горла, но сам óни был полностью парализован.

- Погоди, - сказал Тоши. Кику опустила руку с очередной камелией, и вопросительно взглянула на Тоши.

Ноги Тоши работали, поэтому он влез на тело óни, цепляясь руками за шипы вдоль его позвоночника. Ничего не объясняя, Тоши вытер кровь пса с джитты и воткнул оружие в вспененные зубы. Тем же ядом, что медленно убивал его сейчас, Тоши вырезал канджи излечения поверх гноящегося укуса на своей руке.

Кику беззвучно наблюдала за ним. Когда он оттолкнулся от окоченевшего óни, и к его лицу начал возвращаться здоровый цвет, она спросила, - Сейчас?

Тоши кивнул. – Давай.

Кику бросила нежный на вид бутон на макушку костяной головы пса. Не в состоянии пошевелить ни единым мускулом, монстр рычал, пускал слюни и ревел, чувствуя, как пурпурный цветок пробивал колючими корнями его череп. Пес óни вздрогнул, все три его глаза закатились в глазницах, пока камелия увеличивалась, расцветая пышнее, ярче, ароматнее. К тому времени, как череп óни опустел, лепестки камелии уже полностью покрывали его голову и плечи.

Тоши выкашлял какую-то мерзость и сплюнул ее на мертвого óни. – Теперь получше, - сказал он, вставая на ноги. – Спасибо, сестра по клятве. Думаю, больше проблем у нас быть не должно.

Кику ухмыльнулась и начала что-то говорить, но в ее ключицу, неожиданно, вонзилась стрела. Кику поморщилась, но не издала ни звука, попятившись и рухнув на колени.

Тоши обернулся в тот миг, когда ямабуши прижала его к полу. Это была та самая стражница, которая остановила Тоши у ворот, он был все еще слишком слаб, чтобы оказать ей сопротивление, и она быстро забрала у него джитту и мечи. Неподалеку, Тоши видел, как ее мужской эквивалент ударом ноги выбил метательный топор из руки Кику и вывернул руки махоцукай за спину, даже не потрудившись, сперва, вытащить стрелу.

В коридоре, ведущем в комнату, Тоши увидел Хидецугу, опустившегося на колени, чтобы заглянуть в дверной проем. Огр был слишком большим, чтобы войти в комнату, но его громадные ручищи уже схватились в косяки, расширяя их под его размеры.

- Приветствую вас, соратники мстителю, - сказал огр. Со страшным треском он вырвал руками два куска стены. – Сестра по клятве ... Тоши. Поздравляю, вы одолели достойного противника.

Огр втиснулся сквозь образовавшееся отверстие. Потолок в комнате был достаточно высок, чтобы вместить его, и он выпрямился в полный рост. – Но теперь, - сказал он, - пришло время отделить верных мстителей от тех, кто скоро превратится в кровавое пятно у меня на подошве.

Тоши испытал хватку ямабуши, но ее сила все еще была слишком велика для него. Он взглянул в безумные горящие глаза Хидецугу, такой же пораженный и беспомощный, каким он был многие годы назад, до того, как Одноглазый назначил его наживкой.

- Ты слишком много болтаешь, - выкрикнула Кику, превозмогая боль. – Мы не боимся, брат по клятве. Ты не можешь причинить нам вред, пока мы связаны хёдзан.

Хидецугу остановился. Он кивнул в сторону Кику, затем повернулся к Тоши. – Она не знает?

Тоши стиснул зубы. Скоро он лишится единственного союзника, и он ничего не мог с этим поделать.

- Что? – вспыхнула Кику. – Чего я не знаю?

Хидецугу покровительственно улыбнулся. – Ты права, дорогая. Ты в полной безопасности от меня, как и все те, кто носит истинный знак хёдзан.

- Но вот Тоши, - он махнул рукой по широченной дуге, - некоторое время назад вышел из нашего небольшого братства. Он более не связан клятвой ни со мной, ни с тобой, ни с незуми. Он служит Мёдзин Объятий Ночи ... и себе, конечно, ... но теперь у него связи с хёдзан не больше, чем было у тебя до того, как он обманом втянул тебя в банду.

Кику забыла о своей ране и шокировано уставилась на Тоши. – Ты мерзкий ублюдок.

Тоши просто взглянул на Кику, смотря ей в глаза так, словно ему нечего было от нее скрывать, и не о чем сожалеть.

Отпустите ее, - скомандовал Хидецугу. – Нам нужно обсудить дела, ей и мне. Хёдзан совместно решат судьбу предателя.

Ямабуши, державший Кику, ослабил хватку. Он положил руку на ее ключицу, обхватив указательным и большим пальцами стрелу, и она вышла из раны во вспышке оранжевого света, с парой капель крови.

Кику осмотрела рану, но ее кожа уже зажила и затянулась тонким шрамом под порванной фиолетовой тканью. Не сводя разъяренного взгляда с Тоши, Кику не торопясь прошла через комнату и встала рядом с Хидецугу.

- Кику, - прохрипел Тоши, - не слушай его. Он убьет нас всех.

Красавица махоцукай смотрела на Тоши беспощадными глазами. Она со щелчком раскрыла свой веер, прикрыла лицо, и, обмахиваясь им, отвернулась. Огр начал хохотать. Тоши без труда выдержал этот звук, но лишь потому, что более одиноким и брошенным он чувствовать себя уже не мог.

Он проиграл. Он был всего в шаге от достижения своей цели, без принесения в жертву Кику, или Мозго, но теперь все развалилось на части. Словно в подтверждение его ничтожного положения, второй ямабуши также прижал Тоши к полу, когда Хидецугу и Кику направились к нему. Одно то, что он не мог пошевелиться, было уже достаточно скверно, но сочетание злорадных ухмылок и пропитанных ненавистью взглядов на лицах его бывших соратников по клятве не сулило ему ничего хорошего в ближайшем будущем. И все же, у него оставалось время для быстрой молитвы, последнего обряда его покровительнице.

О Ночь, думал он, помоги мне еще один раз.

Тоши облизал губы и заерзал в мертвой хватке ямабуши, в ожидании ответа.

Мозго-Грызу понравился подъем на крышу, но оставаться там было совсем другое дело.

Для вождя незуми вершина Минамо представляла собой небольшой город из бесполезных строений. Здесь были открытые пространства, на одном из которых Тоши привязал мотылька, но основную массу составляли остроконечные беседки, строительные леса, и установки с магическими приборами. Здесь было холодно и сыро, а от рева водопада его уши постоянно вздрагивали. В довершение его испорченного настроения, плотный туман наполнял воздух от носа и выше, и ему приходилось приседать, чтобы что-то рассмотреть или унюхать.

Не помогало и то, что мотылек был совершенно послушным и не требовал никакого внимания. Тоши сказал ему присматривать за мотыльком, чтобы его не заметили, или он не отвязался до их с Кику возвращения, но Мозго видел, что мотылек никуда не собирался улетать, и никому не нужно было сюда подниматься в ближайшее время.

Хуже всего было осознание, что все это здание было набито вещами, брошенными важными магами и наследниками богатых семей. Скучающий Мозго представлял себе сверкающие горы сокровищ, с нетерпением ожидавшие предприимчивого незуми. Часы мучительно тянулись, и он убедил себя, что все, что ему требовалось для обеспечения безбедной старости, это тяжелый мешок и десять минут в наставническом корпусе. Больше никаких грабежей для боссов, никакой клеветнической политики, и никаких мстителей. Они не смогут заставить его мстить за что-то, если не смогут его найти.

Когда решение было принято, Мозго быстро пронюхал способ пробраться в академию. Немного работы мышцами, немного зубами, и вскоре у него уже было достаточно широкое отверстие, чтобы в него протиснуться. Он сунул морду в дыру, увидел, что она вела на какой-то чердачный склад, и выбрался снова на крышу в облаке пыли, штукатурки и кирпичной крошки.

Что-то происходило. Он ничего не видел ни над, ни за пределами крыши академии, но незуми склонил голову и чутко прислушался. Он слышал рев, рычание, и жуткие вопли, но все они звучали очень далеко, исчезая, словно падая с неба в озеро.

Мозго пожал плечами. Вероятно, это была очередная манифестация ками. И уж точно ничто не должно отвлекать его от обеспечения себе пенсионного фонда.

Размышляя о своем безбедном будущем, Мозго вдруг почувствовал, как его рука вспыхнула жгучей болью. Ощущение было таким, словно его кости были раздавлены жерновами и брошены в плавильную печь. Он зашипел и прижал руку к груди. Взглянув на нее, он увидел, что нацарапанный на коже знак хёдзан светился раскаленным пламенем.

Крыс поднялся на ноги и подбежал к мотыльку Тоши. Он проверил надежность привязи и удостоверился, что бруски с едой были в зоне досягаемости. Он постоял, наблюдая за тем, как огромное насекомое плавно шевелило своими крыльями, радостно похлопывая. Если им нужно будет срочно улететь, мотылек был готов и ждал наездников. Тем временем, Мозго уже не мог игнорировать боль в руке. Где-то рядом шел бой хёдзан, и клятва настойчиво требовала его вовлечения.

Морщась от боли, Мозго вприпрыжку побежал к проделанной дыре и исчез в ней.

* * * * *

Даймё Конда был поражен сопротивлением, на которое он наткнулся при подъезде к Минамо, но не позволил ему сбить его с пути. Он не понимал, как случилось, что легендарные ямабуши, убийцы ками сражались вместе с демонами óни, но ему это было безразлично. Кто бы, или что бы ни стояло между ним и его сокровищем, оно будет скошено, словно рис под серпом.

Верхом на своем роскошном белом скакуне, Конда мчался галопом вдоль линии фронта. Даймё направил свою призрачную армию вперед, в самую гущу óни, и сосредоточил наездников на мотыльках на высоко прыгающих ямабуши, пока сам он возглавил нападение на академию. Конда всегда оставался боевым генералом, нежелающим отсылать своих солдат в бой одних, и он был рад возможности снова сражаться бок о бок со своими воинами.

Призрачная армия была лучшей из всех, которыми он когда-либо руководил, отвечавшая на его приказы едва ли не до того, как он их отдавал. Они были бесстрашны, быстры, и сильны. Они двигались, как единое, слаженное существо, подавляя неприятеля и постоянно продвигаясь вперед, подобно непреодолимой волне.

Конда заметил, что искаженные призрачные воины двигались быстрее, били жестче, и сияли ярче, когда он был рядом с ними. В подтверждение того, что это не был обман разума или заблуждение собственного эго, Даймё наблюдал за своими воинами, проезжая вдоль шеренг. Конда сиял. Все так и было – со своим предводителем, лично ведущим их в битву, его призрачные воины были еще более устрашающими.

Ухмылка Конды растаяла в хмуром отвращении. Демоническая мразь, противостоящая его армии не стоила ударов их мечей. Óни были примитивными чудовищами, изуродованными и жестокими убийцами, утопающими в соевой кровожадности и обжорстве. Это было не достойное сражение для его армии, но лишь уничтожение опасных паразитов.

Óни были многочисленны и не обузданы, но они были неспособны остановить продвижение Конды. Фантомные мечи его армии разили четче, чем стальные, а их руки никогда не уставали. Хоть демонические когти могли разорвать их тела, раны не кровоточили и заживали почти так же быстро, как были нанесены. Против столь непобедимых и высоко дисциплинированных солдат у этих жалких óни не было ни единого шанса.

Ямабуши были совсем другое дело. Обученные сражаться с ками и другими духами, горные монахи поражали призрачную армию Конды с тревожной эффективностью. Они двигались почти беспрепятственно сквозь гущу битвы, поражая спектральную конницу и пехоту мечами, посохами и магическими стрелами. Хотя ряды Конды, казалось, нисколько не сокращались - воины, павшие под ударами убийц ками, вскоре возрождались заново и продолжали сражаться – ему придется вмешаться лично, если ямабуши не удастся остановить.

В воздухе сотни сверкающих боевых мотыльков приближались к академии. Конда держал их в резерве на случай, если ямабуши окажутся серьезной угрозой его продвижению, но до сих пор воинствующие монахи лишь жалили его фланги своей мощной партизанской тактикой.

Одной лишь мыслью и взмахом руки, Конда направил большую часть боевых мотыльков в сторону Минамо. Оставшихся он подозвал к себе. Когда они уже кружили над ним, Конда осмотрел поле боя, отмечая расположение каждого ямабуши. Он поднял голову, хлопнул в ладони, и мотыльки разделились на пары, по одной на каждого горного

монаха. Первый ямабуши вскрикнул от неожиданности, когда наездники на мотыльках атаковали его. Они подлетели к нему, и каждый наездник хлопнул в ладони над головой. Мотыльки вместе с воинами, восседавших на них окутались холодным желтым светом, затем два сплетенных потока из сияющих глаз по спирали устремились от каждого мотылька к ямабуши под ними. Лицо монаха было широким, а взгляд пустым, и он неразборчиво провыл что-то, когда лучи сбили его с ног и придавили, как букашку под камнем.

Конда издал победный боевой рев. Вот так все и должно было кончиться, на поле боя, где он одним ходом повергнет своих врагов и вернет свое сокровище. Похищенная была уже близко, его глаза стремились к ней сквозь стены академии. Он расчистит поле брани и взмоет в Минамо на спинах своих любимых боевых мотыльков. И если они не смогут нести его, он взберется на вершину Водопадов Камитаки на собственных руках.

Даймё поднялся в седле, вскинул меч вперед, и крикнул своей армии следовать за ним. Призраки вторили ему преданным ревом. Конда взглянул на Минамо, зная, что его сокровище было там, и крикнул еще раз.

Высоко в небе, зловещий черный поток начал сочиться из академии. Поначалу, Конда решил, что это была грозовая туча, или магический шторм, вызванный ямабуши. Он разросся до огромных размеров в считанные секунды, раздуваясь крупнее здания, из которого он появился. Затем, черная масса начала опускаться на поле боя.

Три глаза раскрылись поверх жужжащей черной тучи, и два острых рога вытянулись сквозь ее клубящуюся массу. Конда почувствовал, как в нем вздымалось два потока, один – отвращения от вида мерзкой твари перед ним, и второй – предвкушения, ибо сегодня он не оставит от него и следа.

- Люди Эйгандзё, - прокричал он, - узрите! Это прожорливый Зверь Хаоса! Как только мы уничтожим его, победа будет нашей!

Призрачная армия взревела опять. Наездники на мотыльках отлетели от школы и устремились к новой цели. Холодный, желтый блеск уже мерцал на покрытых пылью крыльях мотыльков.

Конда замер на долю секунды, чтобы оценить шум, великолепие, и сам масштаб того, что он собирался совершить. Даймё пришпорил коня и бросился вперед, навстречу врагу.

* * * * *

- Ты, правда, думал, что я не знал?

Тоши обратил внимание, как радость Хидецугу стремительно становилась все более маниакальной и опасной. Кику все еще смотрела на Тоши с ненавистью в глазах, но она также отошла на несколько шагов от огра.

Как он часто делал при разговоре с Тоши, Хидецугу сел, скрестив ноги, так, чтобы его глаза были на одном уровне с очимушей. Разговаривая, огр слегка покачивался взад, вперед.

- Я знал об этом в тот момент, когда ты выполз из-под знака хёдзан, маг канджи. – Он оторвал металлическую пластину от плеча, являя треугольник хёдзан, выжженный глубоко в его плоти. Затем Хидецугу потянулся вперед и вытянул Тоши из рук ямабуши, держа очимушу в левой руке. Рукав Тоши тотчас был отодвинут назад, обнажив ложный знак хёдзан. Хидецугу плюнул на фальшивку и размазал ее большим пальцем.

- Наша клятва была кровной, Тоши. Помнишь? Я сказал тебе, что месть основана на крови и требует расплаты кровью. Клятва не сработала бы, если бы мы не использовали в ритуале собственную кровь. Моя кровь превратилась в пар под тавром, но я отдал ее охотно, согласно нашему договору. Я предложил тебе тавро и острый нож, но ты выбрал

татуировку. – Огр насмешливо фыркнул. – Ты предпочел трусливый выход, Тоши, но все равно отдал свою кровь. С каждым уколом иглы, с каждой каплей чернил, ты отдавал по капле крови взамен.

- Кровь связала нас, Тоши: твоя кровь, моя кровь. Наша клятва. Мы истинные столпы хэджан. Эти, другие, - он махнул в сторону Кику, - они не отдавали свою кровь в своих клятвах. Ты порезал их плоть и зачитал свои глупые заклинания, но они второстепенны, не более чем отражения созданной нами клятвы. – Хидецугу подался вперед, так, чтобы быть лицом к лицу с Тоши. – И теперь ты покинул ее. И ты мой. – Он отпустил руку Тоши и выронил его в ждущие объятия ямабуши.

Хидецугу отклонился назад и оперся на руки за спиной. – Бейте его, мои охотники. К Тоши уже вернулось достаточно сил, чтобы он мог снова причинить нам неприятности. Сбейте ему дыхание.

Тоши ахнул, когда что-то твердое ударило ему в живот. По ощущениям, это был край шеста, но мог быть и просто кулак ямабуши.

С другой стороны, твердое, как камень ребро ладони второй ямабуши врезалось Тоши в горло. Очимуша, задыхаясь, задергался, пока ямабуши сжали его руки за спиной.

- Хорошо. Подведите его сюда.

Они подтащили его вперед, оглушенного и задыхающегося, и заставили встать прямо перед о-бакемоно.

Хидецугу наклонился вперед, подняв голову Тоши вверх одним толстым пальцем. – Мне любопытно, Тоши. Давно ты работаешь над тем, чтобы убить меня в обход нашей клятвы?

Глаза Тоши блеснули. – Не очень, - прохрипел он. – С тех пор, как ты натравил на меня своего пса бни, там, над Оборо.

Лицо огра вытянулось в искреннем удивлении. – Какое разочарование, - сказал он. – Я знал, как убить тебя не нарушая клятвы с самого начала.

Возражение Тоши застыло в его горле.

- Разве ты не знал? Тебе никогда не приходила в голову мысль, что я мог обхитрить тебя с самого начала?

- Врешь, - прохрипел Тоши. – Выхода нет.

Хидецугу широко улыбнулся, показывая свои жуткие зубы. – Давай, - сказал он. - Я покажу. Огр остановил ладонь перед тем, как сжать ею голову Тоши. – Погоди. Ты же вышел из банды, верно? Я могу раздавить свою голову, как жирного клеща, и проклятье все равно не подействует.

Тоши догадался, что сейчас будет, но не смог быстро набрать дыхание, чтобы предупредить Кику. Молниеносным движением Хидецугу метнулся второй рукой и сжал Кику в своем массивном кулаке. Она боролась и извивалась, но он поднял ее, как детскую игрушку, даже не посмотрев на нее. В столь зажатом состоянии, она не могли ни дотянуться до метательного топора, ни поднять руки, чтобы создать цветок.

- Наша клятва кровная, - повторил Хидецугу. – И потому требует крови. Ты всегда расценивал заклинание, как наше проклятие, если мы попытаемся навредить друг другу. Перережь мне горло, раздави под тоннами булыжников, или проткни меня, и на тебя обрушится проклятие. Но если нам удастся убить друг друга, не проливая крови ...

Тоши увидел, как мышцы на руке Хидецугу вздулись, когда он медленно сжал ладонь вокруг Кику. Постепенно, вдох за мучительным вдохом, он выдавливал из нее жизнь.

- Ее кости не сломаются, - сказал огр. – Ее сердце не лопнет. Но если я сдавлю ее вот так. – Он прикрыл один глаз и сделал вид, что концентрируется. – Я могу помешать ей вдохнуть. Как только хватка будет верной, все, что мне нужно будет делать, это держать ее, пока ее лицо не посинеет.

Кику застонала, и ее дыхание сделалось более прерывистым. Вскоре она беззвучно открывала рот, выпятив глаза.

Хидецугу наклонил голову. – Ты же заметил, как часто я поднимал и сжимал тебя за время нашего сотрудничества? Это я проверял свою теорию ... и хватку. Я довольно быстро определил, насколько сильно нужно сдавливать. После этого ... я просто развлекался.

Огр неожиданно ослабил хватку. Кику делала глубокие глотки воздуха, как и Тоши, заставлявший себя дышать ровно.

Громовой взрыв пошатнул здание. Тоши показалось, он услышал звуки сражения, крики людей и шипение магической энергии в воздухе.

Хидецугу вздохнул. – Наше время подходит к концу. Печально. – Огр подался вперед и вырвал свободной рукой Тоши из хватки ямабуши. Держа Тоши в одном кулаке, а Кику во втором, о-бакемоно плавно поднялся на ноги и вытянул руки в разные стороны.

- Прощай, Тоши Умезава. Ты был забавным братом по клятве. Я отправлю тебя в мир духов вместе с твоей любовницей. Посмотрим, кто из вас войдет в него первым.

Мощные руки Хидецугу сжались вокруг груди Тоши, и дыхание очимуши просто остановилось. Он дергался и напрягался изо всех сил, но его легкие не могли расшириться за пределы ребер, а ребра были сжаты до предела, на грани перелома. Лицо Тоши начало покалывать, а в груди пекло так, словно она была объята огнем.

Так умер Кобо, подумал он. Если бы Хидецугу позволил ему вдохнуть немного воздуха, он, возможно, указал бы о-бакемоно на эту иронию. Вместо этого, Тоши принялся шарить глазами по комнате, в поисках возможного выхода. Все, что он видел, было охваченное паникой лицо Кику и страшная усмешка огра.

За спиной Хидецугу, скрипнула дверь. Тоши казалось, что дверь была очень далеко, в конце сверкающего туннеля. Но разве в сверкающих туннелях водятся крысы?

Разум Тоши вернулся к нему, как только он опознал Мозго-Грыза. Что здесь делал этот грызун? Он же должен был быть на крыше. Он не только бросил свой пост, но и собирался влезть на рожон.

Несмотря на отсутствие воздуха и неизбежную гибель, Тоши попытался выкрикнуть предостережение. Хидецугу был слишком захвачен выдавливанием жизни из своих бывших соратников по клятве. Ямабуши не сводили глаз с Тоши и Кику. Незуми никто не заметил, но если он ударит Хидецугу...

Незирая на опасность, Мозго сунул свой черный, ржавый клинок меж зубов. Этого не могло случиться, думал Тоши. Этого не будет. Мозго был крохой по сравнению с размерами Хидецугу, и кожа огра была слишком прочной для ржавого лезвия незуми, даже, если оно было в лапах самого компетентного крыса во всем мире.

Но Мозго был еще компетентнее, храбрее, и изобретательнее, чем догадывался Тоши. Незуми осторожно взвесил ситуацию, спланировал свое нападение, осмотрев стены и потолок, и прыгнул вперед.

Крепкие, сильные мышцы его ног перенесли его на середину стены слева от Хидецугу. Его когти впились в ткань, покрывавшую каменную стену, дав Мозго возможность забраться к самому потолку. Будь он крупнее или не столь силен, он никогда бы не смог так быстро взобраться на такую высоту. Крысы были созданы для карабканья и прыжков, а Мозго был самым выдающимся из всех крыс.

Когда он отскочил от потолка, Мозго заметили ямабуши. Женщина выкрикнула, а мужчина поднял свой шест, но ни один из них не был столь же быстр, как незуми.

Мозго закричал в паре футов от головы Хидецугу. О-бакемоно инстинктивно взглянул вверх, в сторону звука в тот самый момент, когда Мозго со всех сил ударил, вонзив свой грязный, зазубренный меч глубоко в глаз огра.

Конда никогда не чувствовал себя настолько живым.

Великий óни опустился на поле боя, подобно грозовому облаку, свирепый и достаточно огромный, чтобы вступить в бой со всей призрачной армией Даймё. Воины бросились на щелкающие челюсти врага, пока боевые мотыльки метали стрелы праведного пламени в его глаза.

Обе стороны казались неутомимыми. Великий óни становился все темнее и плотнее, его бессчетные челюсти все крупнее и острее, невзирая на урон, наносимый им армией Конды. Также и его солдаты перестраивались и вступали в бой спустя секунды после того, как их разрывали жуткие челюсти. Если бы не тот факт, что он медленно, но уверенно продвигался к академии, Конда бы считал сложившуюся ситуацию тупиковой.

Даймё ощутил новый приток гордости за свою армию и праведность их общей цели. Чудовище было устрашающим в бою, но его армия была неподвластна страху. Его воины были равны демону в ярости, выносливости, и самоотверженности, а под управлением Конды, обладание его сокровищем было лишь вопросом времени.

Жужжащий улей тела óни загрохотал, словно начало горного обвала. Земля сотряслась, и наездники на мотыльках были отброшены в сторону, словно от удара самого воздуха. Огромный силуэт демона коротко расширился, затем сократился в половину своего изначального размера.

Прежде, чем Конда смог выкрикнуть приказ, тело óни взорвалось, разметав жесткие, острые зубы и разрушительную волну ударной силы во все стороны поля боя. Сам Даймё сумел усидеть в седле, лишь благодаря тому, что он склонил голову за могучей шеей коня и крепко сжал поводья.

Призрачным воинам Конды повезло меньше. Те, что были ближе остальных к óни, были разорваны в клочья шрапнелью и самой силой взрыва, от которого в земле образовался глубокий круглый кратер. Боевые мотыльки были разделены телами со слившимися с ними наездниками и разбросаны в разные стороны, беспомощно маша своими широкими крыльями в ураганном ветре. Глаза и рога óни оставались на месте, немые свидетели хаоса и кровопролития под ними.

Конда злобно взглянул на óни, впечатленный, но не напуганный. Это был отменный удар, отлично нанесенный, но было его недостаточно, чтобы остановить его.

Поле боя теперь было затянуто тонким слоем дыма и пыли. В нем воцарилась гробовая тишина. Затем, когда солдаты Конды вновь встали на ноги и возобновили наступление, их боевые крики зазвучали вновь, смешиваясь с грозным рычанием младших óни. Да, думал Конда, эта битва еще не кончена.

Он пришпорил коня, направляя его вперед, но тут же натянул поводья, заметив что-то в небе на юге. Пока Даймё разворачивал коня, его взгляд все еще был замкнут на академии, но он все же смог увидеть ошеломительный и до ужаса знакомый вид, вырисовывавшийся на горизонте.

На юге вспыхнуло шесть новых солнц, сжигая тяжелый покров полуденных облаков. Эти пламенные шары двигались парами, осматривая землю под собой, увеличиваясь как в размере, так и в ослепительной яркости. Они приблизились к Конде, и он увидел три змеиных головы, образовавшиеся вокруг каждой пары глаз. Головы с

каждым мгновением становились все более отчетливыми, резкими и ужасными, венчающими извивающиеся шеи, покрытые ослепительной золотой чешуей.

Это был О-Кагачи, вечный страж мира духов, материального мира, и барьера между ними. Его ярость заставила мелких kami пойти войной на людей, когда Конда нагло вторгся в их мир, а его гнев породил двадцать лет непрекращающегося конфликта. Многоголовый змей лично разбил стены Эйгандзэ и раздавил армию Даймэ в стремлении вернуть Похищенную. Конда слегка довольствовался тем фактом, что хоть сокровище более не принадлежало ему, оно также не принадлежало и Великому Древнему Змею.

Как соперник в обладании Похищенной, О-Кагачи был для Конды смертельным врагом. Как воплощение барьера, предотвращающего прямой контакт между какуриё и уцушиё, О-Кагачи был его наказанием. Появление великого змея было угрозой, но также и возможностью, ибо абстрактная концепция воплотилась, могла быть опасной, но ее также можно было одолеть.

Конда быстро взвесил свои варианты. Он мог продолжать сражаться с óни – чем раньше он одержит победу, тем больше шансов, что первым доберется до сокровища. Или он мог развернуться и попытаться сразиться с О-Кагачи, что дало бы его армии шанс отомстить за свою собственную гибель, но также открыло бы их тыл подлому óни.

Ни один из этих вариантов не нравился Конде, поэтому он выбрал третий курс. Он сосредоточился, подзавав к себе лучших всадников и пятерых боевых мотыльков. Вместе они образуют фалангу, которая пробьется сквозь óни и войдет в Минамо, пока основные силы продолжают сражаться с демонической ордой. О-Кагачи, передвигался медленно, материализовываясь полностью, поэтому Даймэ был уверен, что его воины могли одержать победу, а сам он – захватить сокровище, еще до того, как древний змей вступит в бой.

Конда взмахнул мечом по широкой дуге, вызвав бодрые возгласы своей личной фаланги. Даймэ прищпорил коня, и благородное животное понеслось вперед. К тому времени, как он доскакал до края кратера, он развил достаточно инерции, чтобы перепрыгнуть через дымящуюся дыру, созданную взрывом óни.

В воздухе, между мотыльками и его солдатами на земле, Конда чувствовал, как сила его истинного предназначения тянет его вперед. Сокровище, победа над óни, месть О-Кагачи ... вечная жизнь, и безграничная власть во славу Эйгандзэ. До конца этого дня Даймэ Конда достигнет всего этого.

* * * * *

Хидецугу взревел от ярости от выпада Мозго. Он тут же выронил Тоши и Кику, и сам упал на спину.

Несколько мгновений после падения на пол, Тоши думал, что был раздавлен намертво. Его кошмарно сдавленные легкие поначалу отказывались набирать воздух, поэтому ему приходилось с усилием глотать воздух маленькими глотками. Мозго оказался возле него еще до того, как Тоши смог подняться и прояснить зрение.

- Пошли, брат по клятве, - взволнованно зашипел незуми. – Я его ранил, но не думаю, что остановил.

Тоши помотал головой. Он схватил Мозго за плечи и подтянул к себе так, чтобы смотреть незуми прямо в глаза.

- Найди мой меч, - сказал Тоши. – Тот, что длиннее.

Мозго-Грыз склонил голову. – Что? Что я сделал? У меня рука пекла, я увидел, как он тебя убивает. Я решил, что клятва была уже нарушена. Как ты говорил. – Мозго быстро взглянул вниз на слегка дымящийся треугольник, нацарапанный на его ладони. – Клятвы

больше нет, верно? Я спас тебя. Я хорошо поступил. – Умоляющие глаза незуми шарили по лицу Тоши. – Правда?

Как только последнее слово слетело с его губ, Мозго застыл. Он стоял, трясась и дергаясь, а его морда налилась краской. Тоши видел дым, вздымающийся из шерсти Мозго, и чувствовал жар, расходящийся во все стороны от его тела.

Он с грустью покачал головой. – Нет, Мозго. Клятва не нарушена. Ты пролил кровь Хидецугу, и теперь проклятие клятвы на тебе.

Тоши не знал, слышал ли его Мозго сквозь сковавшую его агонию. В нескольких футах от них, Кику лежала на боку, кашляя и пытаясь откатиться подальше от огра. Что-то тонкое хрустнуло под ее бедром.

Хидецугу прекратил рычать и выбивать куски деревянных балок и каменной кладки из стен. Кровь и остатки глаза, все еще стекали по его лицу, и он осторожно коснулся меча Мозго, чтобы понять, насколько крепко он был воткнут. Ямабуши стояли неподалеку, неуверенные, стоило ли им прийти на помощь своему хозяину, или же покарать ранившего его незуми.

Тоши заметил свой пояс с мечами. Ради Мозго, ради Кику, и ради себя самого, он прыгнул к оружию и перекатился, вытаскивая свой длинный меч одной рукой, и джитту другой.

Он бросился к Мозго, судорожно перебирая мысли. У них все еще был шанс повернуть все и уйти живыми. Он сможет все исправить и забрать Похищенную для своей мѣдзин. Все, что ему было нужно, это пережить следующие несколько минут.

Тоши добрался до Мозго и сунул джитту за пояс. Присматривая за ямабуши, Тоши резко вытянул руку Мозго. Он повернул ее ладонью вверх, убедившись, что знак хѣдзан был все еще на месте, и занес свой меч.

- Прости, брат по клятве, - сказал Тоши и махнул мечом вниз, по запястью Мозго. Как только лезвие коснулось первого волоска на руке незуми, заряд белой энергии ударил в центр клинка Тоши, разбив его на три равные части. Оружие едва ли поцарапало руку Мозго.

- Не делай этого, Тоши. – Хидецугу пришел в себя и теперь стоял, улыбаясь. Из его окровавленной глазницы все еще торчал меч Мозго. Рядом с ним женщина ямабуши держала наготове свой магический лук без тетивы, очередная стрела из магической энергии была готова выстрелить в любой момент.

- Я слышал, что проклятие хѣдзан было осуществлено лишь дважды, - ухмыльнулся огр. – И мне не довелось видеть предыдущий раз.

- Я бы не переживал на твоём месте, - сказал Тоши. – Ты увидишь лишь половину этого раза, если я вообще позволю тебе смотреть.

О-бакемоно усмехнулся. Он казался слишком спокойным для того, кто только что был изувечен. Пока Тоши наблюдал, выжидая, что будет дальше, Хидецугу поморщил раненую часть лица, и выдернул меч из глазницы, словно выпавшую ресницу.

- Гораздо лучше. – Он отшвырнул окровавленный, ржавый клинок в сторону. – Итак. Я собирался вас убить...

Толстый, стремительный поток пыльной черноты врезался в грудь Хидецугу, словно осадный таран, оборвав его угрозу, и отшвырнув его сквозь каменную стену за его спиной. Вся комната, весь этаж строения сотрясся, осыпав ошарашенных ямабуши пылью и кусками штукатурки. Тоши был шокирован не меньше столь неожиданным поворотом событий, и проследил их благоговейный взгляд широко распахнутых глаз через всю комнату.

Кику находилась на том же месте, где ее выронил Хидецугу, паря в трех футах над полом, окруженная нимбом из тени. Куски коричневой керамической плитки валялись под ее ногами. Желудок Тоши сжался в холодной спазме, он узнал канджи, который он сам нанес на эту плитку еще на болоте, для того, чтобы поместить в нее проклятие наставников махоцукай.

- Кику? – позвал он. Она не ответила. По теньям, ползущим по ее идеальным скулам и черной пустоте в ее глазах, Тоши догадался, что ответить она не могла... и что заклинание наставников вернулось в свое изначальное состояние. Еще несколько теневых потоков вышло из тела Кику и устремилось к полу, подобно паучьим лапам вокруг ее тела. Подвешенное в сети из этих теневых конечностей, погруженное в транс тело Кику прошагало над ямабуши и устремилось в проломленную дыру в стене, следом за Хидецугу.

Тоши снова перевел взгляд на Мозго. По одной катастрофе за раз, сказал он себе. Быстрыми, опытными движениями Тоши вытянул руку Мозго и с хрустом обрубил ее у самого запястья. Обрубок отвалился от руки крыса и упал на пол, знаком хэдзан вверх.

Мозго был слишком далек от сознания, чтобы закричать, но Тоши почувствовал, что жар, идущий от незуми начал спадать. Конвульсии Мозго также стихли. Очимуша обернул окровавленную культю Мозго куском собственной рубашки крыса.

- Не знаю, сработает ли это, - сказал Тоши застывшему телу Мозго. – Но думаю, отсутствие одной руки лучше медленной, мучительной смерти. – Он повернул голову Мозго так, чтобы смотреть ему в глаза. В них не было никаких признаков сознания.

- Я спрошу тебя снова, когда ты сможешь ответить, - сказал Тоши. – Если ты будешь против, я всегда смогу убить тебя, чтобы все было по-твоему.

Ямабуши пришли в себя, пока Тоши возился с Мозго, и женщина уже целилась в очимушу из своего лука. Впервые с того времени, как пес óни его укусил, у Тоши было достаточно сил и концентрации, чтобы воззвать к силе своей мёдзин. – Эй, лысье, - позвал он. – Вы достаточно потрудились. Отдохните.

Тоши широко растопырил пальцы и медленно сжал их в кулак. В противоположной части комнаты ямабуши вздрогнули, воздух вокруг них стал сперва холодным, затем морозным, затем арктическим. Тонкий налет инея образовался на бровях монахов, и их лица заметно побледнели.

Женщина задрожала и села там, где стояла. Лук выпал из ее онемевших пальцев, а челюсть медленно отвисла. Ее напарнику удалось проделать еще несколько шагов, прежде чем он также выронил свое оружие и рухнул на пол.

Рядом с ним, Мозго завалился на бок. Крыс и ямабуши были пока выведены из игры. Оставались лишь Кику и Хидецугу.

Тоши вынул джитту и бросился бегом через дыру в стене. К его удивлению, в следующей стене была такая же дыра, и в стене за ней тоже. Чем бы Кику ни ударила огра, это явно не был любовный шлепок.

В комнате за третьей стеной Тоши обнаружил своего бывшего брата по клятве. Кику все еще была в трансе, с пустыми глазами и не подающая признаков жизни, но ее теневые конечности прижимали Хидецугу к полу. Отдельные темные колонны сжимали ноги и руки огра, пол под которым медленно превращался в каменную крошку, пока Хидецугу дергался и извивался под натиском чудовищной черной силы.

Хотя со стороны казалось, что Кику побеждала, Тоши знал, что так будет не долго. Десять лет непростого партнерства не помогли ему разработать канджи, способный победить Хидецугу, а ведь он прикладывал к этому немало усилий. Как бы Тоши ни старался, даже с учетом эффекта неожиданности, огр был для него слишком силен, слишком крепок, и слишком сведущ в магии. Не существовало надежного способа убить Хиднцугу, или обездвижить его одним ударом, а ответный удар огра почти гарантированно был смертельным. Откровенно говоря, он был потрясен, что Кику продержалась так долго.

Тоши выпотрошил себе мозг, чтобы придумать способ помочь, или отозвать ее, прежде чем Хидецугу вновь соберется с силами. Слишком поздно, подумал он, когда в здоровом глазу огра вспыхнуло пламя, и о-бакемоно широко разинул пасть в кровожадной ухмылке.

- Великолепно, - вскричал он, за мгновение до того, как поток раскаленного пламени врезался в центр теневого облака Кику. Тоши отметил, что Хидецугу имел в виду нападение Кику, а не собственное огненное заклинание – должно быть, прошли десятилетия с того момента, как кому-то удавалось сбить о-бакемоно с ног.

Залп отшвырнул Кику и ее теневые конечности вверх, сквозь потолок, но отдача также проломила пол под Хидецугу. Камни и щепки осыпались повсюду вокруг Тоши, и он задумался, сколько еще издевательств над собой способно выдержать это крыло академии. На внешних стенах уже образовались глубокие трещины, и Тоши видел, как один громадный каменный блок вышел из кладки, угрожая выпасть и раздавить любого, кто окажется под ним.

Четыре теневые паучьи лапы сложились вокруг дыры в потолке и втянули Кику обратно в зал. Ее пустые глаза сощурились, а рот был закрыт, словно удар огра напомнил ей о необходимости осторожности и продуманности действий.

Прежде чем Кику смогла подтянуть остальные теневые конечности, Мускулистый силуэт Хидецугу взмыл из кратера в полу. Огр врезался в махоцукай и сжал своими могучими ручищами ее талию. Она была защищена в своем теневом коконе, но Хидецугу был слишком силен, чтобы его игнорировать. Собственные и призванные конечности Кику забились изо всех сил, пока огр сдавливал ее тело, но она не могла ухватить или сбросить его с себя.

Хидецугу сжимал свою хватку, сомкнув ладони за спиной Кику. Он запрокинул голову, разинул пасть, и вгрызся в окружающую ее теневую субстанцию. Кику раскрыла рот в беззвучном крике агонии, когда Хидецугу вырвал кусок темноты и сплюнул его в сторону.

Нимб отреагировал, как живое существо, дрожа от чего-то, сходного с болью. Хидецугу укусил еще раз, вырвав еще один сгусток темной материи, и тот инстинктивно уполз из его рта. Над торсом Кику теперь оставался более тонкий слой тени, чем в остальном коконе, и следующий укус Хидецугу угодил в ослабленное место.

Внутри облака теней Кику, вдруг, моргнула. Черное сияние, затуманившее ее взгляд, исчезло. Казалось, она была в шоке, обнаружив себя в ближнем бою с огром, но она оставалась все той же Кику из махоцукай: сильной, умной, и способной.

Она сжала одну ладонь чашечкой, все еще замкнутая в объятиях огра. Когда она повернула руку ладонью вверх, в ней уже был нежный фиолетовый бутон.

Как и в случае с Мозго, Тоши раскрыл рот, чтобы предупредить Кику, что клятва все еще распространялась на нее, но остановил себя. Она сражалась за собственную жизнь, и ей нужны были любые доступные средства. Хидецугу, скорее всего, убил бы ее все равно, так почему не позволить ей сделать все, что в ее силах, чтобы убить его первой?

Он заткнул свой внутренний голос, шептавший ему и о других причинах для молчания, когда у него была возможность говорить. Не ради этого ли он привел сюда Кику и Мозго? Убили ли бы они огра, или он их, конечный результат был один: легкий доступ к Похищенной.

Пока Тоши спорил с собой, он увидел, как Кику взмахнула запястьем, выбросив цветок из теневого нимба. Камелия завертелась, по дуге над Хидецугу, элегантно опустившись на голову огра.

- Нет, - сказал Тоши. Пурпурный канджи на его лбу вспыхнул опять, и мягкие корни цветка Кику затвердели. Вместо того чтобы извиваясь вгрызться в кожу Хидецугу, замерзшая камелия распалась, как сахарная вафля.

Кику метнула убийственный взгляд в сторону Тоши. Хидецугу захохотал.

- Спасибо, очимуша. – Грубым рывком, Хидецугу провернулся в талии и оторвал Кику от теневых конечностей, державших ее у потолка. Он провернулся в воздухе, и, завершая оборот, вытянул тело и со всей силы швырнул Кику о внешнюю стену.

Столкновение пробило огромную дыру в каменной кладке, сквозь которую виднелось оранжевое закатное небо. Кику вовремя сообразила воспользоваться оставшимися длинными теневыми конечностями, схватившись ими за края дыры, что спасло ее от падения с пятисот футовой высоты в озеро под зданием академии.

Хидецугу тяжело приземлился на пол. Стена прямо над Кику обрушилась, погребя ее в куче битого камня. Дрожь от обвала еще эхом расходилась по полу, когда Кику с усилием поднялась из обломков.

Но Хидецугу был непреклонен. Град огненных шаров осыпался на Кику, и в тот момент, когда последний из них угодил в цель, Хидецугу сам наскочил на нее обеими ногами. Огр осыпал ударами ее теневой кокон, и хоть Кику была и защищена теневым проклятием наставников, Тоши видел, насколько болезненным для нее был каждый удар огра. Наказание продолжалось, но Кику не отвечала. Она была истощена и оглушена. Последняя йюши из Нумай была повержена.

Стоя на пелене из плотной тени, Хидецугу взревел от удовольствия. Он окунул руку сквозь толщу темной массы и сомкнул большой и средний пальцы вокруг горла Кику. Огр напрягся, уперся ногами, и вытащил Кику из теневого кокона, словно жемчужину из устрицы.

- Ты великолепна, махоцукай. – Хидецугу расположился на полу, теневой кокон медленно таял под его ногами.

Он поднял Кику высоко над головой и повернулся к Тоши. – Не правда ли?

Свет из верхних окон отбрасывал тень Кику на выколотый глаз Хидецугу. Он всматривался в запыленный зал, выискивая Тоши.

- Она великолепна, старина. – Голос Тоши звучал из тени Кику на щеке Хидецугу. – И она - последний великолепный вид, который ты когда-либо увидишь.

Хидецугу выронил махоцукай и отпрыгнул назад, но было слишком поздно. Короткий меч Тоши вырвался из тени Кику и вонзился в оставшийся глаз Хидецугу.

Огр словно взорвался от боли и гнева. Среди пыли, расколотых камней и громогласного рева ярости очимуша пытался как можно быстрее отбежать подальше от Хидецугу.

Тоши осмотрелся на мгновение, и протиснулся в тень от груды камней рядом с Кику. Махоцукай была без сознания, но жива. Пока что. Ее лучшая возможность сохранить свою жизнь состояла в том, чтобы Тоши сосредоточился на Хидецугу.

Тоши встал, осторожно, чтобы шумом не выдать огру своего расположения. О-бакемоно, может, и был ослеплен, но он вовсе не был повержен.

У Тоши был план и на этот счет. Он беззвучно вытащил джитту, провел ее острым концом по руке, и собрал пару капель собственной крови.

Рев Хидецугу замолк так резко, словно его горло было перерезано. В тот самый момент, как Тоши осознал свою оплошность - пролив собственную кровь в одном помещении с чутким на запахи о-бакемоно - Хидецугу нанес удар ногой. Каменный блок, который пнул огр, раскололся пополам – большая его часть распалась в облако пыли и острого щебня. Остальное устремилось через зал и на полной скорости ударило Тоши прямо в грудь, придавив его к дальней стене и выдавив струи крови из его легких.

Джитта выпала из его пальцев, и Тоши обмяк на полу неподалеку от Кику. Помощи от нее ждать было бесполезно; махоцукай была все еще без сознания.

Хидецугу втянул носом воздух, дико усмехнулся, и направился к упавшему очимуше осторожными, неспешными шагами. Он не дразнил и не угрожал, но просто целенаправленно шел, с жутким, неоспоримым умыслом.

Тоши пытался дышать, откатиться в сторону, вообще пошевелиться. Но не мог.

Хидецугу надвигался все ближе, не спеша, размеренно и осторожно. Не в состоянии даже вытереть кровь со своих губ, Тоши осмотрел зал в поисках какой-нибудь альтернативы своей жестокой смерти. Кику лежала без сознания; Мозго, вероятно, был уже мертв, или скоро скончается. А сам Тоши уже не был защищен проклятьем хёдзан.

О Ночь, взмолился он, твой служитель нуждается в твоём благословении.

Голос, возникший в ответ, был холодным и отстранённым, но не равнодушным.

Ерунда, Тоши Умегава. У тебя уже есть вся необходимая сила.

В отчаянии, Тоши подумал, *Прошу тебя, великая мёдзин. Я не понимаю, о чём ты. Что я должен делать?*

Что ты делал изначально. Что ты делал, когда впервые принял мои дары.

Хидецугу был уже почти достаточно близко, чтобы протянуть руку и схватить Тоши. Очимуша рылся в памяти ... что он сделал при первом благословении Ночи? Призвал к тишине? Это не остановит обоняние Хидецугу. Раствориться в тени? У него не хватало сил.

Тоши выглянул сквозь громадную дыру во внешней стене. Далеко внизу он увидел армии искаженных призраков и демонических óни. Он увидел Всепоглощающего Óни Хаоса, размером с небольшую гору, возвышавшегося над полем боя. А в небе на юге он увидел Великого Древнего Змея, О-Кагачи. Три наиболее могущественные силы во всей Камигаве, человеческой, демонической, и духовной, собрались сразиться за сокровище, лежавшее позабытым всего в паре комнат от него.

Он был осажён могущественными силами, когда впервые воззвал к Объятьям Ночи. Тогда, он использовал её силу, чтобы подавить великую покровительницу Леса Дзюкай, Мёдзин Сплетения Жизни. Он поразил её через её служителей, отняв у неё силы, заглушив голоса её последователей. Возможно, сейчас он смог бы сделать то же самое, наоборот, напав на Хидецугу через óни, которому тот служил?

Идея быстро сформировалась в голове у Тоши. Он осмотрел поле боя, чтобы убедиться. Да ... в то время как Конда и О-Кагачи были всецело сконцентрированы на башнях Минамо, Всепоглощающий взирал на юг, не сводя глаз с приближающегося великого змея. Очимуша последний раз взглянул на Хидецугу, который слепо искал его широкими взмахами своих громадных рук.

Ты понимаешь?

Наконец, Тоши осознал, что все понял. Трёхсторонняя битва, разворачивающаяся на берегу озера несла информацию, которой не было у Хидецугу, информацию, которая была способна ранить огра глубже любого заклинания или оружия.

Благодарю тебя, О Ночь.

Всего хорошего, мой служитель.

Игнорируя боль в груди, Тоши перекатился на колени. Блуждающие руки огра были всего в паре дюймов от него.

- Хидецугу, - сказал Тоши, - послушай.

На звук голоса очимуши, Хидецугу рванулся вперед и схватил Тоши за рубашку. Он поднял Тоши вверх и сказал, - Нет, друг мой. Каждый раз, когда я слушаю тебя, я что-то

теряю. Будет гораздо уместнее ... более достойно, если ты просто примешь свою смерть в тишине. Ничто из того, что ты скажешь, не спасет тебя.

Раскачиваясь в воздухе, Тоши сказал, - Ладно, не слушай. Нюхай. Направь свою уродливую рожу на юг, и сам скажи, что ты чувствуешь.

Хидецугу покачал головой, но поступая так, повернул голову к открытому воздуху. Дух битвы достиг его ноздрей, знакомые запахи, от которых кровь огра закигалась сама собой.

- Всепоглощающий, - сказал он. - И армия душ, сражающихся даже без собственных тел. - Забывшись, Хидецугу запрокинул голову и глубоко втянул носом вечерний воздух.

- И стихийная сила невероятной мощи. Это, должно быть, легендарный О-Кагачи. - Хидецугу втянул носом еще раз, мгновенно позабыв о своей ярости. - Там в мире, сотни запахов силы, Тоши, они, словно, слиты воедино. Они - сам мир.

Хидецугу опустил голову. - Что ж, теперь я послушал, старина. Прощай. - Огр занес могучий кулак, готовясь раздавить Тоши о собственную раскрытую ладонь.

- Прежде чем ты убьешь меня, - сказал Тоши, - позволь рассказать тебе об одном запахе, который ты упустил.

- О? Расскажи, очимуша, расскажи.

- Страх, - ровным голосом произнес Тоши. - Страх перед О-Кагачи. Чем бы он ни был, он более могущественен, чем Конда, и более могущественен, чем Всепоглощающий. Если он доберется сюда...

- Нет ничего более могущественного, чем мой óни, - сказал Хидецугу. - Хаос, это неизбежная судьба всего живого и духовного. Все, что живет, однажды умрет, все, что упорядочено, однажды распадется. И когда это произойдет, воцарится Хаос.

- О? - сказал Тоши, наблюдая, как его издевательский тон раздражал Хидецугу. - Похоже, ты в этом уверен. Но убежден ли в этом твой óни?

Хидецугу раздраженно фыркнул, но не ударил. Вместо этого, он снова повернулся к дыре в стене и подождал, втягивая ноздрями мерный поток воздуха.

* * * * *

В сотне футов от берегов Озера Камитаки, продвижение Конды прекратилось. Невзирая на то, что его основные силы бесконечными волнами набрасывались на Óни Хаоса, демон держался стойко. В небе и на земле, даже его личная ударная сила не могла пробиться сквозь него.

Конда был уверен в своем неминуемом успехе, но приближение О-Кагачи угрожало им всем. Великое духовное чудовище теперь заполняло весь южный небосвод, пять голов, размером с крепости, раскачивались и перекачивались на горизонте. Поле боя и весь мир, казалось, накренился в сторону колец змея, словно утратив равновесие с его присутствием.

Даймё выкрикнул приказ об очередной атаке, и его солдаты повиновались без колебаний. Сомнение прокралось в разум Конды, когда он взвесил риски образовавшейся ловушки между двумя мощнейшими духами какуриё.

О-Кагачи взревел, впервые добавив свое многоголосье к какофонии битвы. Крики змея покрыли весь диапазон тонов и тембров, от высокого визгливого воя, до низкого рыка, сотрясшего землю. Армия Конды проигнорировала жуткие новые звуки, но все óни, от низших солдат, до их повелителя, парящего в воздухе, обратили на них свое дьявольское внимание. Верховный демон отпрянул, словно ужаленный раскаленной иглой, и его шипящий, зловещий зов достиг всех ушей и разумов в радиусе мили вокруг.

Сердце Конды забилося быстрее. Возможно ли это? Действительно ли он сейчас слышал звук, который он слышал в сотне сражений от сотни различных врагов? Правда ли могучий Ёни Хаоса объявлял об отступлении?

Словно шквальный ветер в солнечный день, великий демон, вдруг, вознеся с берега в небо. Он сделался темнее, тяжелее, и шире, поднимаясь все выше, светясь красным пламенем в глазах. Тысячи острозубых черных челюстей слились вокруг глаз и рогов ёни, придав ему впервые, отчетливые очертания. Все еще поднимаясь, Ёни Хаоса дерзко повернулся в сторону О-Кагачи. Его тело раздулось, а затем река щелкающих челюстей вырвалась из-под его глаз, устремившись к пятиглавому змею, подобно горизонтальному гейзеру.

Конда остановился полу-завороженный грандиозностью конфликта в небесах. Вокруг него, его солдаты и наездники на мотыльках замедлили свое передвижение, ожидая дальнейших действий Даймё. Даже младшие ёни прекратили сражаться, они стояли ошеломленные и почти напуганные выпадом их божества.

Поток демонических челюстей слегка завивался, подлетая к О-Кагачи. Чем ближе подлетали первые челюсти к змею, тем более крохотными и комичными они казались. Конда издевательски рассмеялся, когда нападение ёни коснулось ближайшей головы О-Кагачи. Поток кошмарных челюстей отскочил от чешуи древнего змея, как капли грибного дождя.

В ответ, голова О-Кагачи метнулась вперед со скоростью, более быстрой, чем мог отследить Конда. Он увидел лишь промелькнувшее движение и почувствовал поток воздуха и давления, когда что-то громадное пронеслось над ним. Всего долю секунды занял у него поворот головы в сторону ёни. То, что он увидел, холодом окатило его душу.

Ответный удар О-Кагачи прорвал центр Ёни Хаоса, разорвав великого демона надвое. Два из трех его глаз, оставшихся на одной рваной половине, распахнулись в первобытном шоке. На другой половине, третий глаз закатился назад в глазнице и утратил свое алое свечение перед тем, как веко накрыло его. Эта меньшая часть тела ёни несколько мгновений дергалась и содрогалась. Затем она начала падать, оставляя за собой след из оглушенных, неподвижных челюстей, осыпавшихся следом.

Прежде чем рассыпавшаяся масса могла опасть в воды озера, голова О-Кагачи повернулась и проглотила ее всю за один укус. Также быстро, как она нанесла удар, голова змея удалилась, вновь присоединившись к остальным четырем головам и громадному телу из перекатывающихся колец.

Младшие ёни на поле боя завопили в бессильной ярости. Многие отцепились от солдат Конды и исчезли в облаках зловонного черного дыма. Пока они очищали поле боя, оглушенный великий ёни все еще парил в воздухе. Искалеченный, униженный и наказанный, он также начал таять.

Путь к Минамо теперь был открыт. Конда завоевал репутацию величайшего военачальника в Камигаве, используя благоприятные возможности, как только они возникали. Он поднял свой меч и голос, направляя свои войска вперед.

- Время пришло, мои воины, - крикнул он, - даже наш смертельный враг служит сегодня нашей цели! Вперед! В Минамо! Сокровище должно снова стать моим!

* * * * *

Красные слезы текли из пустых глазниц Хидецугу, но лицо огра было маской ярости.

- Нет, - сказал он мягко. – Этого не может быть.

Тоши воспользовался отвлечением Хидецугу, чтобы стать неосязаемым. Огр не заметил бегства своей жертвы, и даже не опустил руку, удерживавшую Тоши.

- Он сбежал, - с горечью прошептал он. – Он сразился с великим змеем и проиграл, и теперь он бросает собственный род. Он бросает меня, самого верного служителя из всех, какие у него только были.

Тоши подобрал свою джитту и проверил состояние Кику. Махоцукай все еще была без сознания, но проклятие ее наставников защитило ее от основного удара натиска огра. Она лежала рядом с грудой обломков, ее тело было болезненно вывернуто, но в целости.

Кожа Кику была теперь густого, кромешно черного цвета, словно ядро оникса. Она была покрыта тенью тех сил, которыми она управляла. Кику все еще была красива, но ее красота была более устрашающей, чем когда-либо.

Стоя у дыры в стене, Хидецугу зарычал и раскрошил один из обвалившихся каменных блоков, лежавших перед ним. Он извергал яростные проклятия на древнем языке о-бакемоно.

Тоши проковылял обратно к той комнате, где он оставил Мозго и Похищенную. Диск лежал там, где он его оставил, это уже было кое-что. Крыс, правда, выглядел неважно.

Незуми все еще лежал неподвижно, излучая жар, но до его окончательной смерти пройдет еще несколько мучительных часов. Как Тоши и боялся, удаление знака хёдзан замедлило проклятие, но не избавило незуми от него. Как и задумывалось, заклинание должно было обездвижить предателя и погрузить его в муки и страдания, пока остальные мстители не явятся и не избавят его от страданий.

- Тоши, - позвал Хидецугу из дальнего зала. – Где ты, брат по клятве?

Тоши поразмыслил. Он сейчас не был в опасности, но Хидецугу подкидывал ему сегодня один сюрприз за другим. Поскольку он быстро восстанавливал силы и мог воззвать к Объятьям Ночи, Тоши почувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы откликнуться. Он прошел сквозь дыры, которые Кику пробила в стенах академии, и встал у входа в зал, где находились огр с махоцукай.

- Здесь, Хидецугу. Хотя, думаю, наше время, как братьев по клятве давно уже миновало.

Огр сделал пару шагов на голос Тоши. Очимуша похолодел от того, сколь уверенными и размеренными были эти шаги, от того, как быстро огр адаптировался к слепоте. Его также настораживал хриплый, подавленный тон огра.

- Ерунда, - сказал Хидецугу. – Мы кровные братья ... ты, Кобо, и я. Возможно, клятва хёдзан нас больше не связывает, но мы отведали плоть друг друга. Мы все еще связаны вместе.

- Я никогда не пробовал ничью плоть, - раздраженно сказал Тоши. – Это твоё хобби.

- Конечно, пробовал. Когда мы приняли Кобо в наше братство, ты выпил воду, в которой остужалось его тавро. Кобо к тому времени уже ел мою плоть, а ты, в свою очередь, проглотил остатки его кожи.

Тоши обдумал это. К его растущему волнению, он осознал, что Хидецугу был прав. – Значит ли это, что ты все еще можешь меня как-то убить?

Тонкая улыбка мелькнула в чертах огра. – Нет, брат мой. Это значит, что мы никогда не освободимся друг от друга, пока оба не умрем.

- Ох. Ну, тогда, ладно. – Он подождал еще мгновение, ожидая ответа Хидецугу, затем добавил, - Так ... что теперь будет?

Брови огра нахмурились над его кровотокающими глазами. – Я хочу просить тебя об одолжении. В память о старых временах.

- Об одолжении?

- Да.

- А мне что с этого?

- Все тот же, старина Тоши. Скажем так, очимуша. Я слеп. Я остался один, пережив своих охотников. Я брошен собственным богом. Но я все еще жажду мести. Есть еще

многие, кто заслуживают моего гнева. Мне любопытно ... в своих странствиях силой своей мёдзин, ты посещал мир духов?

Тоши осторожно взвесил свои слова. – Не совсем. Я лишь видел образы какуриё.

- Но посещал ли ты *хонден* Объятий Ночи? Был ли ты в ее святилище, в месте ее силы?

- Был.

- Тогда помоги мне. Вышли меня в логово моего óни. Хонден Всепоглощающего.

- Что? Зачем?

Злость и грозность вкрались в голос Хидецугу. – Не для того я посвящал свою жизнь Хаосу, чтобы Хаос отвернулся от меня. Я призвал его сюда ради смертельной битвы, когда мир рушится вокруг нас. Если Хаос не желает сражаться в этой битве здесь, я должен перенести эту битву к нему. – На лицо огра было страшно смотреть. – Мой бог оправдает мои ожидания, или я заставлю его страдать.

Тоши подождал, пока его сердце замедлит бег, прежде чем заговорить. – Я даже не знаю, возможно ли это. И, даже, если возможно, что ты сможешь сделать? Даже у силы о-бакемоно есть границы.

Хидецугу скрестил руки на груди. – Вероятно, ты прав. Вероятно, мы должны с тобой драться, пока один из нас, или оба мы не погибнем. Ты хитрый плут, Тоши Умезава. Ты еще можешь найти способ уничтожить меня, прежде чем я обрушу все это здание в озеро. – Для визуализации своих слов, Хидецугу топнул массивной ногой, расшатав еще больше кирпичей в кладке стен.

- Договорились, - тут же выпалил Тоши. За спиной огра, обрамленной дырой, ведущей наружу, Тоши увидел нескольких изуродованных наездников на мотыльках, подлетающих все ближе к академии. Позади них, небо было заполнено О-Кагачи. – Но я должен попросить у тебя кое-что взамен.

Огр обнажил зубы, хотя Тоши не мог разобрать, была ли это улыбка, или угроза. – Я слушаю.

- Спаси Мозго от проклятия хёдзан. И помоги мне перенести Похищенную на крышу. Сделай это для меня, и я переправлю тебя, куда захочешь.

- Единственный способ избежать проклятия, это не навлекать его. Прости, но мой крысиный брат обречен.

- Хмм. И это никак не связано с тем мечом, что он сунул тебе в глаз?

- Я думал об этом. Но нет, вопрос не в том, хочу ли я ему помочь, а в том, могу ли. Я не могу.

- Но ты отнесешь диск для меня? Время уходит, старина, и мне нужно увезти его отсюда, или все это будет напрасным.

- Все это всегда было напрасным, - сказал Хидецугу. – И, тем не менее, да, я стану твоим вьючным мулом, если ты исполнишь мою просьбу.

- Тогда договорились, брат по крови. Иди на звук моего голоса, и я укажу тебе на диск.

Тоши чувствовал, как его инстинкт самосохранения орал ему на ухо не делать этого, когда он взял огра за руку, но Хидецугу не набросился на него. Вместо этого, он позволил Тоши провести его сквозь руины к лежащему на полу каменному диску.

- Вот, - сказал Тоши, но его волнение не уменьшилось. Похищенная лежала лицом вверх, с отчетливо видимым профилем змеиного зародыша. Разве диск не упал лицом вниз, когда пес óни напал на Тоши? Разве зародыш не был повернут вправо, хотя сейчас явно был обращен влево?

Хидецугу наклонился и крепко сжал толстыми пальцами края диска. Он вздрогнул, когда его руки коснулись каменной поверхности, но плавно взгромоздил сокровище на плечо.

- Он действительно могущественен, - сказал Хидецугу. – Но завуалирован. Если бы я знал, я бы изучил его поближе, пока он был у меня. – Вскрикнув, огр повернулся к коридору.

- Погоди секунду, - сказал Тоши.

- Почему? – ответил Хидецугу. – Разве мы оба не торопимся?

- Торопимся, - сказал Тоши. – Но я должен завершить клятву хэдзан как полагается.

Тоши быстро вернулся к Кику. Махоцукай все еще была без сознания, но ее дыхание было размеренным. Тоши нежно вытащил ее из обломков, и прикрыл гобеленом со стены. Он вытащил джитту и ловко нацарапал защитный символ на ее черном лбу. Символ зажегся белым светом на мгновение, затем погас. Кику будет в безопасности, пока не очнется. Прежде, чем отвернуться, Тоши сорвал последний поцелуй со спящих губ Кику.

- Прощай, - сказал он, - последняя йуши из Нумай.

Глаза Кику затрепетали, и ее губы вытянулись в знакомой ухмылке. – Убью тебя за это, - слабым голосом прошептала она.

- Стань в очередь. – Улыбнулся Тоши.

Кокон из тени начал клубиться вокруг Кику, пузырясь, словно масло на раскаленной сковородке. В центре темной массы, Кику раскрыла глаза и сонно уставилась на Тоши. Медленно, она начала утонать из вида, исчезая в окружавшей ее черноте.

- Помни, кто ты, - выкрикнул Тоши. – Помни, кого ты ненавидишь. Держись за то, что больше всего для тебя значит, или тени в итоге поглотят тебя.

Глаза Кику поморгали, и она кивнула. Когда тени поднялись к ее горлу, яркий пурпурный цветок пробился на поверхность черной массы. Кику протянула цветок так, чтобы его видел Тоши, когда сама махоцукай исчезла из вида. Спустя несколько секунд, черный пузырь лопнул, вобрав всю массу в себя, оставив нежный бутон, лежащий поверх растрескавшегося и разбитого пола.

Не приближаясь к прощальному подарку Кику, Тоши развернулся и направился к главной комнате.

Хидецугу ждал его, держа Похищенную на плече. Он не выказывал никаких признаков напряжения, но злобно ухмылялся.

- Ты изменился, очимуша. Год назад ты бы украл ее туфли, пока она спала, и оставил бы издевательскую записку на ее одежде.

- Мы все изменились, - отрезал Тоши. – Год назад, я был гораздо бодрее. – Он вынул топор, который он снял с пояса Кику.

Хидецугу, должно быть, почувствовал запах заточенного металла, или, по крайней мере, остатков крови, разящей от топора. – Ты собираешься исполнить свой долг перед незуми?

- Да. Если его нельзя спасти, я не могу просто оставить его страдать.

- Осторожно, друг мой, - сказал Хидецугу недобрым голосом. – Ты танцуешь на краю благородства.

Тоши не ответил.

- Когда закончишь со своими долгами, - сказал Хидецугу, - найди мою тещу и прихвати с собой, хорошо?

- Конечно. – Тоши повернулся к Мозго-Грызу, все еще дымящемуся и дергающемуся в оковах проклятия.

- Ты был лучшим грызуном из всех негодяев, что я знал, - сказал Тоши. – и верным мстителем. Хэдзан отдает тебе честь, Мозго-Грыз. – Топор взмыл вверх и обрушился вниз с жутким, окончательным хрустом.

Хидецугу подождал, пока Тоши повернется к нему снова.

- Ты готов, брат по клятве?

- Готов. – Тоши осмотрелся вокруг на руины, к которым он также приложил руку. Он помотал головой и пожал плечами. – На крышу.

* * * * *

Последний óни либо сбежал, либо был уничтожен. Сражение принадлежало Конде и его призрачной армии, а О-Кагачи все еще полз через горизонт, медленно, но неуклонно направляясь к Минамо.

Его наездники на мотыльках уже кружили над академией, собираясь у крупной дыры во внешней южной стене. Глаза Конды были зафиксированы на том же месте, и он знал, что полная победа была почти у него в руках.

- Вперед! – Орал он. – За Эйгандзё! За Товабару! За славу всей Камигавы!

- Конда! – Скандировала в ответ его армия. – Конда!

Два наездника на мотыльках опустили по обе стороны от коня Даймё. Гротескные гибриды из людей и насекомых расширили свои светящиеся ауры, окружив ими Конду, и подняли его, вместе со скакуном, в воздух, над Озером Камитаки.

Хотя озеро, как и его берега, были усыпаны обломками и трупами, Конда никогда прежде не видел столь прекрасного вида. Несомый на крыльях своих воинов, он чувствовал себя больше, чем генералом, больше, чем Даймё. Он чувствовал себя богом-завоевателем. Это была его истинная судьба, и судьба всего мира – быть победителем и триумфатором над всеми врагами.

Мотыльки перенесли его к южной стене, кружа, взад, вперед перед дырой в стене. Хотя он был уже лишь в коротком прыжке от интерьера здания, Конда вдруг почувствовал, что что-то было не так. Его глаза более не были приклеены к этому уровню академии. Похищенная была перемещена.

Гнев и паника пузырями поднялись сквозь его эйфорию. Его блуждающие глаза метались в глазницах, как бешеные шершни в банке. Дезориентированный, Конда мог лишь сидеть и кипеть от злости, пока он не определит расположение своего сокровища.

Над крышей академии прогремел раскат грома, и крупная вспышка черной молнии прорезала облака в вечернем небе. Даже с этого огромного расстояния, Конда уловил запах серы и увидел призрачный образ вихревой воронки, наполненной острыми зубами и слюнявыми челюстями. Огромный, человекоподобный силуэт падал в эту воронку, воя от ярости и размахивая дубиной с шипами. Затем, воронка закрылась, поглотив грубую фигуру, и исчезла из вида.

Глаза Конды обнаружили цель. Там, думал он. Он запрокинул голову и увидел одного живого боевого мотылька, взлетавшего в облака над Минамо. Похищенная, воплощенная в огромном каменном диске, ради которой Конда стольким рисковал и за которую столь отчаянно сражался, была крепко привязана в спине красочного насекомого.

Без единого слова или жеста, его наездники на мотыльках развернулись и пустились в погоню. Двое, эскортировавших Конду, были первыми, кто двинулся с места, и самыми быстрыми. Несмотря на их груз, призрачные мотыльки быстро сокращали расстояние между Даймё и его сокровищем.

Конда увидел единственного человека, восседавшего на спине мотылька, и хотя расстояние было все еще слишком большим, чтобы опознать его, глаза Даймё невозможно было обмануть. Это был вор Тоши Умегава, и он снова крал сокровище Конды. Даймё торопил своих носильщиков вперед, силой воли приказывая им лететь быстрее.

Небеса перед вором становились все темнее, хоть он и направлялся к заходящему солнцу. Очимуша направил своего мотылька в более темную массу облаков впереди, и в следующее мгновение он, и Похищенная исчезли. Глаза Конды не могли отыскать их, даже поле того, как Даймё сам окунулся в клубящуюся стену тьмы. Спустя несколько

секунд, он появился с другой стороны, обнаружив лишь пустой небосвод, распростершийся перед ним.

Это было невыносимо. И вор и сокровище были в его руках, но теперь оба они бесследно пропали. Была ли сама Ночь союзницей очимуши?

На юге, О-Кагачи издал мучительный рев. Его колышущиеся кольца застыли, а громадные змеиные головы устремили взгляд своих глаз, размером со звезды, на клочок неба, в котором негодовал Конда. Затем ужасный страж какуриё отвернулся, уставившись на восток, в направлении, куда направлялся очимуша. Подобно тайфуну, змей неповоротливо сменил направление, игнорируя академию и водопады.

Даймё Конда вскричал от раздражения. Сегодня победа улизнула от него.

Силой мысли Конда призвал свою армию и приказал следовать за ним. Похищенная была перенесена на восток. О-Кагачи последует за ней, но змей был не столь быстрым, как призрачная армия Даймё. Как только он замкнет свой взгляд на сокровище, Конда настигнет очимушу и распнет его. Сокровище вернется в Эйгандзё, прежде чем О-Кагачи сможет к нему приблизиться.

Даймё сжал поводья своего коня и стиснул зубы. В следующий раз, когда он подберется так близко к своей цели, он скорее умрет, чем позволит ей ускользнуть сквозь его пальцы.

* * * * *

Тоши и его мотылек вновь обрели плотность, как только вылетели за пределы водопадов. Он грамотно подобрал свое верховое насекомое. Живой мотылек пока был достаточно быстр, чтобы вырвать его из цепких лап Конды, с учетом наставлений, данных ему его мёдзин.

Объятая Ночи была довольна успехом Тоши в удержании Похищенной от Конды и О-Кагачи, поэтому она была весьма сговорчива в вопросе бегства от преследования Даймё. В дополнение к сокрытию полета Тоши, она также задержала продвижение Конды. Она, также, с удивительным энтузиазмом отозвалась помочь выслать Хидецугу на бой с Всепоглощающим. Лицо Ночи в буквальном смысле было неменяющейся маской, но Тоши казалось, он увидел радость и воодушевление в поведении его мёдзин.

Он старался не думать о цене удовольствия его покровительницы. Хидецугу пропал, Мозго был мертв, и если Кику и останется собой, она навсегда будет изменена проклятием наставников. Он надеялся, что грубый каменный диск того стоил, но кому-то другому придется его в этом убедить.

благодарю тебя

Тоши испугался, услышав звук голоса в своей голове. Могущественные маги и духи могли общаться мысленно, но этот голос был ему не знаком. Только этого мне сейчас не хватало, подумал он, еще одна заинтересованная сторона.

спас меня

Тоши содрогнулся в холодном вечернем воздухе. Я этого не слышу, убеждал он себя. Я не слышу никаких новых голосов.

выпусти меня

Тоши медленно повернулся в седле. За ним, Похищенная была все еще надежно привязана к седлу мотылька. Лицо змеи выглядывало из-под кожаных ремней.

К его нарастающему ужасу, выгравированное изображение Похищенной пошевелилось, растягиваясь, словно кошка после долгого сна. Она повернулась лицом прямо к Тоши, и, хотя ее вырезанный в камне рот не двигался, ее голос прозвучал прямо в ушах Тоши, несмотря на заполняющий их рев ветра.

благодарю тебя

спас меня
выпусти меня
СЕЙЧАС

Тоши пытался подобрать слова. Он думал, что его последний успех исходил от Мёдзин Объятий Ночи, но теперь он не был в этом уверен. Его разум задыхался от вопросов. Каменный диск говорил с ним. Говорил ли он с Кондой? На что еще он был способен?

Изображение змеи напряглось. Кончик ее носа пробился сквозь поверхность диска, и Тоши подавил крик.

Не здесь, думал он. Не сейчас.

выпусти меня

- Выпущу, - сказал он, хоть и не представлял себе, как он это сделает. Чем бы Похищенная ни была в мире духов, чем бы она ни стала в этом мире, она была живой. И выдвигала требования.

Напряжение для того, чтобы пробить диск, оказалось слишком большим для змеи, и она вновь застыла в двухмерном измерении. Она, тем не менее, продолжала смотреть на Тоши, сверля его мрачным взглядом

- Я не могу сделать это в одиночку, - быстро сказал Тоши. – И мне нужно отдохнуть и подлечиться, прежде чем я смогу попытаться освободить тебя. Но я обещаю, что сделаю все, что в моих силах, как можно скорее. – Он нервно сглотнул. – Доверься мне.

Змея медленно приняла свою прежнюю позу, показывая Тоши свой профиль.

жду

Тоши кивнул, волна облегчения окатила его. – Спасибо, - сказал он. – Тебе не придется ждать слишком долго.

Он еще несколько долгих минут смотрел на неподвижное изображение, прежде чем снова повернуться к нему спиной. Ему оставалось лишь продолжать начатое. Объятья Ночи хотела, чтобы эта штука не попала в руки ни Конде, ни О-Кагачи, и Тоши хотел уважить ее пожелания, пока что. Его обещанию, данному Похищенной, придется подождать. В конце концов, он не сможет его выполнить, если их поймают, или убьют, поэтому, его первым приоритетом было избежание этих рисков.

Пока гигантский мотылек нес его на восток, к Лесу Дзюкай, Тоши опустил голову и попытался подумать, кто во всем этом мире был бы готов, согласен, и способен помочь ему. Он все еще думал об этом, спустя несколько часов, когда первые лучи солнца пробились из-за горизонта.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДОЧЕРИ ПЛОТИ И ДУХА

Великий Лес Дзюкай был почти также огромен, как и все окружающие его земли вместе взятые. Бескрайние чащи массивных кедров и высоких холмов, покрытых густой, сочной травой были столь обширны, что Дзюкай мог одновременно испытывать пять различных типов погоды. Восточный край леса никогда не наносился на карту, поскольку ни одна обзорная экспедиция не смогла его обнаружить и вернуться.

Этот отдаленный уголок владений Конды был одним из самых диких и наиболее опасных краев во всей Камигаве. Здесь обитало совсем мало человеческих племен, а те, кто все же жил на востоке, были крайне религиозными и чрезвычайно закрытыми. В этих глухих местах властвовал змеиный народ орочи-бито, и хотя более тридцати их племен были известны внешнему миру, никто до конца не был уверен, сколько их на самом деле обитало в этих местах.

Именно в этих удаленных лесных угодах и на этих легендарных существ опустился карающий меч соратами. Их воины спускались с небес на огромных облачных колесницах, орошая всех, застигнутых орочи дождем из ледяных заклинаний и серебряных стрел. Под острой улыбкой полумесяца над горизонтом, волна за волной серебристо-белые боевые машины опускались на кроны деревьев, выпуская суровый поток вооруженных соратами, закованных в сверкающие доспехи.

Стороннему наблюдателю показалось бы, словно бледные, худые воины нападали на сам лес, поражая толстые стволы деревьев своей кристальной магией и пробивая обширную зелень градом копий и стрел. Лунные воины оставляли после себя немногим больше, чем расколотые стволы и обломанные ветви с безжизненными телами замаскированных орочи, выпавших из своих укрытий.

Мочи, Улыбающийся Ками Полумесяца ухмыльнулся, и реальный полумесяц на небе повернулся острыми концами вверх. Как обычно, проявляясь в уцушиё, он принял безобидную форму небольшого, пухлого, синеекожего херувима с блестящими глазами и ослепительной улыбкой. Как только Мочи обрел плотность, луна на небе вернулась в свое естественное состояние.

До сих пор, военная кампания шла превосходно. Сотни соратами уже были в лесу, и тысячи, или больше, были на подходе. Практически весь гарнизон Оборю был мобилизован и выслан в леса. Они еще не обнаружили поселения крупнейших племен орочи, но Мочи не сомневался, что они скоро будут найдены. И тогда верховные змеи падут точно так же, как и те небольшие отряды сопротивления, которые его армия уничтожала в данный момент.

Соратами выглядели впечатляюще во всеобщей войне, образцом смеси грации и силы, окутанной пеленой скрытности. Это было нечто, что каждый должен был увидеть и оценить, даже если это означало оказаться по ту сторону мечей лунных воинов.

Первыми в бой вступили *шиноби*, лазутчики и шпионы, способные проходить сквозь стены и танцевать на пушинках не привлекая к себе ни малейшего внимания. Орочи пришлось бы размножаться многие поколения, прежде чем они смогли бы слиться с лесом столь же эффективно, как это делали агенты Мочи, спустя всего пару недель подготовки, при том, что соратами вовсе не ограничивались лесом. Они могли исчезнуть так же просто в полях Товабары, или болотах Такенумы.

Этот невидимый передовой отряд обнаруживал все логова орочи и их места сборов, даже наносил на карту наиболее вероятные укрытия, где неприятель мог скрыться в случае нападения. К началу сражения воины соратами точно знали, где искать своих жертв.

Сами воины были особой гордостью Мочи, поскольку они носили его штандарт с полумесяцем, и их зачарованные доспехи идеально копировали блеск лунного света, отражавшегося от чистого серебра. Они были вооружены традиционными катанами и парили, подобно воздушным танцорам, сквозь мох и кедры, сверкая клинками и вертясь меж деревьев. Мочи легко могло показаться, что орочи не было вовсе, и что его армия просто проходит сложную боевую тренировку ... если бы только не мерзкое шипение змей и не зловоние от их водянистой зеленой крови.

В небе над лесом сотни облачных колесниц ожидали возможности выпустить еще больше воинов на поле боя. Мочи сплел пальцы поверх своего пухлого живота и счастливо вздохнул. Все шло так хорошо.

Его агенты в Эйгандзё сообщили ему о плане Конды вторгнуться в мир духов, сразу после того, как Даймё посоветовался с ними об этом. Подобное намерение в глазах любого другого ками выглядело бы возмутительным богохульством, но Мочи увидел в нем лишь перспективу. Как и многие другие духи, имевших частые контакты с материальным миром, Мочи был открыт способу мышления своих служителей. Он в достаточной мере испытал их мировоззрение, чтобы понять и даже разделить его.

Конда намеревался нарушить естественный порядок вещей, баланс между материальностью и духовностью. Подобное действие обязано было возыметь опасные, непредсказуемые последствия, и поэтому Мочи решил, что он не только допустит, но также поспособствует ему.

За двадцать лет раздоров с того дня, как Конда совершил свое вторжение, у Мочи было время поразмыслить о мудрости своих действий и их истинной мотивации. Его рефлексия раскрыла три важные вещи: Во-первых, он не знал, чего следовало ожидать в результате преступления Конды, но он был уверен, что сможет использовать его ради собственной выгоды; во-вторых, успех Конды означал бы, что наиболее древние и священные законы могли быть нарушены кем-то с достаточно сильной волей и могуществом, что он смог бы использовать ради собственной выгоды в долгосрочной перспективе; и в-третьих, судить задним числом о своей собственной гениальности было бесполезной тратой времени, ибо он принимал верные решения, даже не располагая всеми достаточными фактами.

Троица орочи напала на преследовавшего их соратами, и опутала его своими сильными, гибкими телами. Спасти воина было слишком поздно, и Мочи направил ближайший отряд соратами отомстить за павшего соратника. Он с личной болью переносил потери своих благородных последователей, но эта война была ради высшей цели, и без жертв было не обойтись.

Когда начались нападения ками, Мочи уже знал, что властвование Конды не выживет. Даймё проделал огромную работу, объединив различные народы под своим правлением, но как только его не станет, они, несомненно, снова скатятся к жалким междоусобицам и племенным войнам. Мочи знал, что соратами в своей массе останутся незатронутыми войной, оставаясь в безопасности своих облачных городов, но он также полагал, что судьбой соратами было предначертано стать больше, чем выжившей элитой. В конце концов, они были возвышенными существами, служившими ему. Если кто-то и был достоин править Камигавой, то это был лунный народ.

Если бы он выстроил свой план до вторжения в мир духов, Мочи мог бы попытаться сам свергнуть Конду, или, возможно, даже вызвать его на поле боя. У соратами была гораздо меньшая армия, чем у Даймё, но Мочи был готов при любой ситуации выставить любого из своих воинов против целого взвода Конды.

Однако, как только Даймё принял свое решение, необходимость предпринимать какие-либо действия по его свержению отпала – он сам себя обрек на крах своим дерзким поступком. Это могло занять десятилетия, даже века, но со временем, мир духов явился бы вернуть то, что похитил Даймё.

И когда это бы произошло, Мочи собирался поставить соратами на место Конды, как доминирующую культуру в Камигавае. Армада соратами годами стояла наготове, и могла ждать еще столетие, в случае необходимости.

Поэтому, когда О-Кагачи манифестировался и напал на башню Эйгандзё, Мочи понял, что время пришло. Его лунный народ годами осторожно выстраивал свое влияние в приступном мире болот Такенумы, но он всегда собирался открыто напасть на орочи. Из всех племен мира, змеи были единственными, кто обладал наиболее чистой и тесной связью со своей ками покровительницей. Это бесило Мочи, но он знал, что это была правда, поскольку змеи и другие дикие племена Дзюкай были не более чем первобытными животными. У них не было даже возможности изучить свой выбор; они просто видели могущественного духа, который заставлял деревья зеленеть, а траву расти, и этого им было достаточно.

Более того, лесная мёдзин была одной из ками, наиболее сильно уязвленных преступлением Конды. Помимо самого О-Кагачи, Сплетение Жизни была духом, наиболее тесно связанным с естественным порядком вещей. Как все дикие звери, она была агрессивной, враждебной, и яростной, когда дело доходило до защиты ее территории. Она бы покарала Конду за его дерзость и возместила нанесенный ущерб раньше, чем у Мочи был бы шанс извлечь из него выгоду. Он организовал все так, чтобы Сплетение Жизни была подавлена, и у О-Кагачи было время манифестироваться, и теперь Мочи стремился смести ее последователей, чтобы она никогда больше не смогла подняться и бросить ему вызов.

Тень сожаления омрачила праздничное настроение Мочи. Устранение Сплетения Жизни было опасным предприятием, и требовало его личного вмешательства, но все прошло эффектно. Ценой, которую он уплатил за ликвидацию наиболее опасного препятствия его планам, было введение в игру еще более непредсказуемого игрока: Тоши Умезавы.

Очимуша выкрал Похищенную из-под носа О-Кагачи, в том самый момент, когда великий змей собирался сравнять Эйгандзё с землей, вместе с Кондой. Хуже того, Тоши принес сокровище к порогу Оборю и даже имел опрометчивость напасть на самого Мочи. Если бы он не был под защитой Мёдзин Объятий Ночи, Тоши бы никогда не удалось бы причинить столько неприятностей, но со столь могущественной покровительницей, он был опасным провокатором.

Объятия Ночи, вот у какого духа были по-настоящему серьезные взаимоотношения с материальным миром. Даже тупейший лесной верзила понимал силу тьмы и, либо проклинал, либо благословил ее, в зависимости от своего места в хищническо-жертвенных взаимоотношениях. Она была древней и безграничной, более влиятельной, чем сам Мочи, и даже сейчас она оставалась для него загадкой. Она поддержала Мочи против Сплетения Жизни, но теперь слугитель Ночи активно трудился против Полумесяца.

Мелкий синий ками улыбнулся, залив окружающий лес чистым лунным светом. Тоши был занозой, но даже с поддержкой своей покровительницы, он не мог остановить восхождение соратами. Тысячи мертвых орочи служили безмолвным, но непоколебимым свидетельством успеха Мочи. Были, конечно, и неудачи, но Минамо, Оборю, и фактически вся Камигава была не большой ценой, если он и его последователи смогут перестроить мир по своему желанию, и станут править им, как сочтут нужным.

Улыбаясь, Мочи поднялся в небо. Среди деревьев внизу, наступающие соратами разводили мистический костер из огромной кучи ветвей и мертвых змей. Зима была

сухой, и без помощи магии огонь поглотит несметные акры живого леса, вместе со всеми живыми существами, населявшими его.

Лунный ками медленно развернулся, упиваясь полной панорамой бойни. С каждой утраченной жизнью, с каждой убитой змеей, и каждым сожженным деревом, его враг становился слабее, усиливая его самого. Когда все змеи будут уничтожены или разогнаны, Мочи построит новую столицу в облаках, прямо над этим местом. Она станет памятником этому мгновению, когда он, Улыбающийся Ками Полумесяца, увидел очертания победы соратами. Пусть огонь, кровавая резня, и верховный зверь мира духов разрушат этот мир до основания. Луна продолжит светить, и соратами останутся выше всего этого.

Искрясь всем телом, Мочи провернулся еще раз, сверкнул ослепительной улыбкой, и исчез.

* * * * *

Мочи появился вновь в самом крупном облачном корабле армады. Массивное транспортное средство было размером с военное судно и не спускалось в лесные дебри. Это был штаб соратами и флагман, бурлящий активной деятельностью.

Две женщины соратами ожидали Мочи в центральном зале. Покои были дорого убраны пышными тканями и огромными сатиновыми подушками. Женщины не разговаривали, возлежав вокруг лакированного столика. В его центре стояла плоская чаша, наполненная яркой, синей жидкостью. На ее поверхности плавала одинокая свеча.

Кожа обеих женщин была характерно белой и тонкой. Их волосы были связаны в тугие пучки, казавшиеся одновременно строгими и непослушными. Их длинные уши были аккуратно завязаны на затылке.

Слева сидела Уйю, молчаливая провидица. Большинство соратами выглядели двуполыми, и Уйю не была исключением, хотя ее черты были особенно утонченными. Она никогда не говорила вслух, но голос Уйю нес в себе больше власти, чем голос любого другого соратами во всем мире. Она была верховной жрицей могущественного культа, члены которого оттачивали силу собственного разума. Сама Уйю обладала уникальной способностью заглядывать в будущее, хотя ее видения было сложно толковать. Мочи и Уйю помогали друг другу: он помогал ей в толковании ее видений, а она предоставляла ему информацию, которая была доступна лишь провидице.

Справа сидела Чийю, одна из наиболее талантливых учениц Уйю. У нее также были весьма элегантные черты, но с недавних пор она стала носить крупную, металлическую маску в форме полумесяца, полностью скрывавшую половину ее лица. Верхний край серпа нависал над ее лбом, а нижний торчал под подбородком. Край изгиба маски опускался через ее лицо, закрывая один глаз, нос и половину ее рта. В лунной маске не было отверстий, сквозь которые она могла бы видеть или дышать, но ее поверхность была покрыта мерцающей, яркой пылью, струящейся вокруг нее, подобно нимбу.

Видимую часть лица Чийю все еще украшали резкие черты, однако ее мышцы были напряжены, а выражение лица было угрюмым. Она едва пережила нападение они на Оборо, и была бы убита, если бы не защитники города. Она никогда не делилась подробностями того, что с ней произошло, но Мочи все знал. Из уважения ко всем годам ее самоотверженного служения, он никогда открыто не спрашивал ее о том, как случилось, что она была так жестоко изувечена демоническим духом. Технически, это была правда, но не полная правда. И все же, какой бы ни была причина, теперь она считала себя изуродованной и носила эту лунную маску, как для того, чтобы утешить свою уязвленную гордость, так и для того, чтобы почтить своего ками.

Чийю всегда была одной из самых грозных соратами, наводящей ужас даже на самых опытных воинов, но эта маска сделала ее еще более пугающей. Мочи намеревался

выделить ей собственный город, как только нация соратами будет провозглашена доминирующей, и он ожидал, что она станет могущественной королевой, не достигнув и половины возраста Уйо.

Приветствую вас, дети мои. Мочи всегда приветствовал Уйо и ее последователей мысленно, в знак его личного расположения и для того, чтобы сохранить приватность их беседы.

Приветствую тебя, Мочи-сама. В отличие от ее бледной и хрупкой внешности, внутренний голос Уйо был низким и хриплым, пронизанный силой интеллекта и лишь легким намеком на чувственность. *Как идет война?*

Превосходно, благодарю. Но я вижу, у вас есть что-то более важное.

Уйо повернулась к своей ученице. Видимый глаз Чийо светился холодным, жестоким синим светом, а в голосе кипела горечь.

Он пришел, мысленно произнесла Чийо. Тоши Умезава.

Очимуша, здесь? Я аплодирую его энергии, хоть и не его пронизательности. С ним...?

Да. Похищенная неподалеку.

Что ж, это любопытное развитие событий. Что вы предлагаете?

Чийо озлобленно отвернулась. Хриплый голос Уйо мягко вклинился в разговор, и она сказала, у Чийо есть определенные мысли на этот счет. *Достаточно сказать, что она желает убить его, как можно скорее. Она уже запрашивала отряд шиноби и буши в сопровождение, но она готова отправиться в одиночку, если ты того желаешь.*

Не желаю. Щеки Мочи сбились в пучки и приподнялись, когда он улыбнулся. *Этим стоит беспокоиться, но здесь нет ничего такого, что требовало бы столь радикальных мер. У меня для нашего друга есть план получше.*

Уйо кивнула. *Видишь, ученица? У Мочи-самы всегда есть лучший план.*

Чийо сощурила глаз. *Тогда я прошу быть частью этого плана.*

Мелкий синий камушек сложил руки на животе и поднялся в воздух. Его голос звучал игриво. *Уже, моя дорогая. Ты уже его часть, неотъемлемая и обязательная.*

Тоши никем незамеченным проскользнул в дебри Восточного Дзюкай. Он не хотел, чтобы его кто-либо видел или беспокоил, пока он не восстановится после тяжелого испытания в Минамо и бегства от Конды. Путешествие от водопадов в лес заняло всю ночь и большую часть утра, но на рассвете он смог отыскать укромную поляну, на которой он мог бы скрыться сам и спрятать мотылька.

После того, как он приземлился и привязал гигантское насекомое, он начертил серию защитных канджи на деревьях, ведущих к его привалу. Его ребра пылали при каждом вдохе, и он с трудом поднимал затекшие руки, отчего символы получались грубыми. Они, тем не менее, разбудят его, если кто-нибудь подойдет слишком близко, а большего ему сейчас было не нужно.

Почувствовав себя в безопасности, Тоши поужинал одолженным солдатским пайком и сел на землю, прислонившись спиной к вековому кедру. Усталость заставила его веки опуститься, но он всеми силами пытался оставаться начеку. Тоши поймал себя на мысли, что ему сложно оторвать взгляд от каменного диска из страха пропустить его возможное движение. Часть его хотела услышать больше о том, что могла рассказать Похищенная, но все остальное его существо было попросту напугано ею. Она, наконец, перестала светиться и источать пар, после того, как обратилась к нему, но это вовсе не приободрило его. Ибо он знал, что это лишь означало, что она сохраняла силы, чтобы вырваться. Не удивительно, что Даймё спятил, проведя рядом с ней двадцать лет.

Он представил Конду, сидящего в одиночестве в своей башне, бесконечно смотрящего на диск в ожидании, когда изображение на нем шелохнется или заговорит вновь. Сколько времени должно пройти, прежде чем мои глаза начнут выплывать из головы, как у Даймё? Порой ему казалось, что Похищенная ожила, но это случалось, лишь когда она была в периферийном зрении Тоши. Если он смотрел на нее прямо, она оставалась неподвижным изображением на куске обтесанного камня.

Тоши осторожно проверил свои ребра. Его магия канджи была весьма ограничена в области лечения, но он носил с собой достаточно лечебных трав и волшебных оберегов, для ускорения выздоровления. Он не мог исцелиться одним махом, как это произошло в случае с ядом пса, но он мог заставить кости затягиваться быстрее.

Его веки задрожали, и голова откинулась назад. Хоть он ударился достаточно сильно, чтобы кора дерева треснула, он едва ли заметил удар. Основной недостаток его лечения состоял в том, что он требовал долгих, непрерывных часов сна, чтобы эффект возымел действие. Его лицо наклонилось вперед, и сознание начало таять, Тоши все еще пытался сохранять бдительность. У него было слишком много врагов, и слишком важная ноша, чтобы терять бдительность.

Я буду оставаться в сознании, думал Тоши, даже когда его веки сомкнулись, и он понял, что обманывает себя.

Тоши очнулся на пустынном поле из серых камней. Сильный песчаный ветер не давал ему раскрыть глаза. Он прикрыл лицо и огляделся, все еще одурманенный лечебными травами.

Он уже не был в Дзюкай. На каменистом поле не было ничего и никого, кроме него – ни мотылька, ни Похищенной, ни лесной поляны. Тоши обернулся по полному кругу и увидел лишь бесконечные просторы тусклого гранита.

- Эй, - выкрикнул он. Крик растворился в холодном сухом воздухе, едва ли отразившись эхом от плоской каменистой почвы.

Помимо порывов ветра, жалящих острыми песчинками, никакого ответа не последовало. Он видел великое множество странных и жутких вещей, поэтому сейчас его разум подбирал потенциальные объяснения того, что с ним произошло.

Объятья Ночи могла перенести его сюда ради одной из их редких бесед с глазу на глаз, или чтобы дать ему новое задание теперь, когда он вновь завладел Похищенной. Но это было вряд ли, поскольку хонден Ночи представлял собой сияющую белую платформу на фоне бесконечной черной пустоты. Это место выглядело и ощущалось совершенно незнакомым.

Конда или О-Кагачи могли заточить его здесь каким-нибудь заклинанием или уловкой, чтобы Тоши не мог больше сбежать с Похищенной. Оба они желали лишь того, чтобы диск оставался на одном месте достаточно долго, чтобы они нашли и забрали его себе. Но армия Конды обычно не полагалась на заклинания в бою, а О-Кагачи казался слишком необъятным и чужеродным, чтобы возиться с чем-то меньшим, чем грубые масштабные меры. Он скорее раздавил бы весь лес, превратив его в зубочистки, чем стал бы охотиться на одного очимушу в еще чаще.

Или же сама Похищенная могла поменяться с ним местами, так, чтобы она вырвалась на просторы Камигавы, а он остался заточенным в каменном диске. Он не смог отыскать ни одного контраргумента этой теории. Более того, если бы он поставил себя на место похищенного ками, он прекрасно понимал, что при первой же возможности освободиться, он бы предпринял все, что было бы в его силах. Если предположить, что ее первые теплые слова были лишь уловкой, то перемена мест выглядела наиболее правдоподобным объяснением. Даже если Похищенная на самом деле была благодарна ему за то, что он отнял ее у Конды, чувствовать себя выкраденной и обездвиженной на протяжении двадцати лет любого толкнет на иррациональные действия.

- Эм, - начал он, - Похищенная? Дух в каменном диске? Это ты перенесла меня сюда? – Тоши обернулся, пытаясь держать в поле зрения все пространство. – Где я, вообще?

Ветер задул сильнее. Сквозь шуршащий вой в ушах, Тоши услышал холодный, хриплый голос, - Ты там, где должен быть. Ты умер, Тоши Умегава, и все, что остается, это определить в какой ад проследует твоя душа.

Тоши моргнул. – Я не чувствую себя мертвым. С другой стороны, откуда мне знать, какого чувствовать себя мертвым.

Казалось, голос растаял, но вскоре он заговорил вновь с той же зловещей властью. – Здесь задается один и тот же вопрос всем, кто проходит через это место. Твой ответ определит твой статус в следующем мире. Ты готов?

- Нет, - сказал Тоши. – Совершенно не готов.

- И, тем не менее, Я спрашиваю. – Бестелесный голос замолк, затем произнес, - Что ты сделал, чтобы заслужить награду?

Тоши продолжал шаркать ногами, резко проворачиваясь и всматриваясь в горизонт. – Сколько у меня времени на раздумья?

- Не играй с этим местом. Твой ответ. Сейчас же.

- Но я не понимаю вопрос.

После паузы, Тоши решил, что голос не удастся втянуть в дальнейшую дискуссию. Он вздохнул и сказал, - Ладно. Я пытаюсь вести целомудренный образ жизни. Я вовремя

оплачивал долги. Я выполнял свои обещания, вплоть до последнего. Я избегал земных удовольствий ... ну, я не превышал своей доли земных удовольствий. Вообще, хватит о земных удовольствиях. В общем, - хвастливо сказал он, - у меня были добрые намерения.

- И ты ни от чего не желаешь отречься? Ни о чем не сожалеешь и ничего не хочешь исправить?

- Не-а, - сказал Тоши. – В смысле, очевидно, ошибки были. Но в целом, я весьма доволен собой.

- Ты лжец, - спокойно произнес голос. – Ты вор и убийца. Ты совершал насилие за денежное вознаграждение и ради собственного удовольствия. Ты хулил духов и нарушал законы людей. Я нарекаю тебя злодеем, преступником, нарушителем клятв, и убийцей невиновных.

Тоши выпятил губы. – Мамуль, это ты? Я все думал, куда ты подевалась.

- Тихо. Взгляни на жертв своих преступлений и смейся, если сможешь.

Ветер завертелся вихрем и стал видимым, белые потоки энергии накатывали и обрушивались, подобно волнам. Ослепительный блеск заполнил пустынный мир в поле зрения Тоши, и, когда он рассеялся, перед ним стояла длинная очередь из людей.

Первой стояла Босс Урамон, со своими пожелтевшими глазами и неподвижным лицом. – Ты поклялся служить мне, - сказала она. – Вместо этого, ты предал меня. Ты нарушил клятву моих мстителей. Ты бросил своих соратников по оружию и трусливо отказался сражаться. Ты похитил у меня силу Теневых Врат. А после этого, ты убил меня и сотни моих верных слуг.

- Я тебя не убивал, - сказал Тоши. – Тебя убила Кику.

Усмешка мелькнула в губах Урамон, когда босс прошла мимо Тоши и растаяла на ветру.

Следующим был Годо. Хотя Тоши никогда не встречал короля разбойников *санзоку*, узнать его было не трудно. Годо был огромным и крепким, почти семи футов росту, с могучим телосложением. В руках он держал цепь с массивным бревном, утыканным острыми шипами.

- Ты наложил на меня проклятие йуки-онна, - сказал Годо. Пот испарялся с его лысой головы. Хоть он говорил озлобленно, лицо его оставалось серьезным. – Ты предложил ее, как оружие против Конды, но ты знал, что она поглотит и моих людей. Сотни погибли от холода, благодаря тебе.

- Я недооценил ее влияние, - признал Тоши. – Но это и моя проблема, тоже. Я тот, кто взял на себя ее силу. Кроме того, я лишь отдал канджи Хидецугу. О-бакемоно убедил тебя взломать его и выпустить проклятие на твоей территории.

Годо сплюнул на холодные камни и раздраженно прошел мимо Тоши.

Юноша в ученических одеждах Минамо вышел вперед. У него были торчащие белоснежные волосы, он сверлил Тоши пылающим от ненависти взором.

- Ты убил меня, - сказал Чорью. – Ты выслал меня к огру, чтобы он пытал и издевался надо мной. Спустя недели неопикуемой агонии, ты вернулся и, в конечном счете, прикончил меня.

Тоши, не мигая, смотрел Чорью прямо в глаза. – И?

Беловолосый маг продолжал пялиться, пока Тоши не отмахнулся от него, нетерпеливо теребя пальцами. Чорью пробрел вперед и исчез.

Следующий силуэт был мелкий, темный, покрытый жесткой шерстью. Впервые Тоши почувствовал, как в горле у него встал ком, и неудобное ощущение поднялось из живота.

Мозго-Грыз протянул свою левую руку, венчавшуюся грубым, кровавым обрубок. Незуми с грустью покачал головой. – Ты использовал меня, - сказал он. – Ты привел меня к опасности, чтобы не сталкиваться с ней самому. Ты принял меня в свою банду лишь для того, чтобы принести в жертву, когда придет время сражаться с огром. И

когда ты сделал это, - он помахал своей кровоточащей культей, - этого было недостаточно. Ты искалечил меня, и убил, чтобы не смотреть на мои мучения.

- Это сон, - сказал Тоши. Ледяное чувство онемения в животе растаяло, как только он осознал правду. – Никто из вас на самом деле так не разговаривал. У меня просто кошмар, вызванный стрессом и избытком лечебной магии. Либо это, либо кто-то решил со мной поиграть.

Яркий блеск вновь окутал каменистое поле и очередь обвинителей. Холодный, бестелесный голос произнес, - Ты скоро сюда вернешься, очимуша. Когда то время придет, ты ответишь за свои преступления.

- Сделай мне одолжение, - выкрикнул Тоши. – Стой на одной ноге, пока ждешь этого.

Затем он провалился в ослепительный вихрь из белого света, в котором единственным звуком был шум ветра в его ушах.

* * * * *

Тоши очнулся с испугом. Морщась от боли в груди, он заставил себя расслабиться и прислониться к дереву. Он чувствовал себя лучше, но его ребра вовсе еще не были излечены.

Трое змей орочи сидели полукругом вокруг него. За ними, еще несколько исследовали его скрытый лагерь, мелькая своими длинными языками. С его места было сложно определить их точное количество, но быстрым подсчетом Тоши насчитал, по крайней мере, восьмерых орочи-бито.

Тоши сидел совершенно неподвижно. Его прошлый опыт с орочи научил его, что они были гораздо быстрее его ... во всяком случае, физически. Если он потянется за своей джиттой, они сумеют остановить его десятком различных способов еще до того, как он вынет ее из-за пояса.

На столь близком расстоянии он видел собственное отражение в сверкающих красных глазах орочи. В отличие от глаз Хидецугу, которые светились, подобно двум раскаленным углям, глаза змей были пыльно-красными, как капли еще не свернувшейся крови. Они сверкали, как гладкие, отполированные камешки.

- Кто ты? – ближайший к нему змей подался вперед, обнюхивая воздух перед лицом Тоши. Его голос был мягким и зловещим. – Зачем ты здесь? – Он указал за спину, на каменный диск своей длинной, похожей на копье, рукой. – И это что такое?

- Это, - сказал Тоши, - проклятие Эйгандзё. Великий и ужасный духовный зверь ищет его и уничтожит все, что встанет на его пути. Я был послан высшими силами, чтобы отнести его к краю мира, и выбросить. – Он сел прямо, и орочи напрягся. – Кто у вас главный?

Говоривший с ним орочи, ответил, - Я.

- Нет, не здесь, - Тоши обвел рукой поляну. – Я говорю об этом регионе Дзюкай.

- Это земля орочи племени Каши, - ответил лидер. – Сосуке наш вождь.

- У меня для него сообщение. Все, что я хочу, это пролететь над этой землей со своим кошмарным грузом. Я следую на восток, к неведомым землям. Все, что мне нужно, это безопасный перелет. Я ничего не требую, - он осторожно добавил, - но я должен предостеречь вас: моя задержка будет означать катастрофу для всех нас.

Главарь взглянул на двух других орочи, стоявших по обе стороны от Тоши. Тот, что был слева от него, прошипел, - Что ты думаешь?

Лидер взглянул на Тоши. – Думаю, он не соратами, - сказал он. – Но он может быть одним из их агентов.

Тоши вскипел гневом, и заговорил страстно и заверительно. – Я не агент соратами. Они со своим ками покровителем мои заклятые враги.

- Как скажешь. Но ты идешь с нами к Сосуке. Я бы убил тебя здесь и зарубил бы эту штуку на мясо. – Он указал через плечо на боевого мотылька. – Но ты, вероятно, более ценный, чем кажешься. Пусть вождь решает сам.

- Очень мудро, - сказал Тоши, борясь с позывом раствориться в воздухе. Он достаточно поправился для того, чтобы исчезнуть, но пока не видел в этом никакой выгоды. – Я лишь прошу, чтобы вы оставили мое животное и груз в покое. Как только Сосуке выслушает меня, уверен, он пожелает, чтобы этот диск покинул лес настолько быстро, насколько я лишь смогу увезти его.

- Мы ничего тебе не должны, человек.

- Не должны. Но если эта штука потеряется на вашей территории, - он указал на Похищенную, - она станет вашей проблемой. Я постараюсь разъяснить Сосуке все риски, прежде чем вы это допустите.

Орочи прищурил свои блестящие красные глаза, глядя на Тоши. Он выгнул свою длинную шею назад, за плечи и сказал, - Вы там. Оставайтесь здесь. Следите, чтобы большой мотылек не отвязался от дерева, и никого не подпускайте к диску. – Он снова повернулся к Тоши. – Если ты лжешь, - сказал он, - мы разломаем этот камень о спину твоего мотылька и зажарим вас обоих на костре.

- Справедливо, - сказал Тоши. – Теперь быстрее, к Сосуке. Чем больше мы медлим, тем большая опасность грозит этому клочку леса.

Тоши уже бывал в восточных частях леса и видел бескрайние зеленые моря Дзюкай из седла боевого мотылька. Но только когда орочи вели его сквозь густые заросли и массивные деревья своих земель, он понял, что не имел ни малейшего представления насколько огромным, необъятным и насыщенным был лес. Свысока, кроны деревьев скрывали истинное лицо Дзюкай.

Им потребовалось около часа, чтобы достичь змеиной крепости племени Каши, хотя они лишь прошли пару сотен ярдов. Тоши пытался внимательно следить за дорогой, чтобы найти дорогу назад, если ему придется спасаться бегством, но деревья были слишком похожи одно на другое, а холмов было слишком много, чтобы удерживать их всех в памяти. К тому же, орочи вели его в том числе сквозь подземные туннели и через громадные буреломы, что настолько перевернуло его ориентирование, что он уже не был уверен, в какую сторону они идут.

Он не подозревал, что находился в окружении местных змей, пока они не вышли из маскировки – их естественный камуфляж был идеален до тех пор, пока они не шевелились. Как коренной обитатель болот, Тоши испытывал врожденное недоверие к существам, живущих среди чистой зелени. Подозрительное поведение орочи, и их тонкие, гибкие тела заставляли его чувствовать себя особенно одиноким и уязвимым. Настолько далеко на востоке уже не было лесных монахов, и Тоши вдруг понял, что он был единственным представителем человеческой расы во всем регионе.

Тем не менее, его ребра хорошо заживали, несмотря на вынужденный марш. Нападения соратами дали змеям повод захватывать незнакомцев в плен и общаться с ними, вместо того, чтобы убивать на месте, к чему были склонны орочи на западе. Если Сосуке был проницателен, Тоши, возможно, даже удастся выудить из него какую-нибудь ценную информацию о соратами. Взамен, он мог бы рассказать Сосуке весьма интересную историю, основанную на его личном опыте общения с лунным народом.

Тоши начал замечать больше змей, скрывавшихся в густых кустарниках. Ему помогало то, что большое их количество было на виду, где он мог определить их обычные размеры, форму, и окраску. Он видел грозных змеиных самок, злобно взиравших из-за своего оружия, и крошечных детей орочи, бесшумно ползавших среди кедровой хвои и кустов можжевельника. У каждого было по четыре длинные руки и тонкие аистовые ноги, из-за которых их движения казались одновременно комичными и пугающими, вне зависимости от того, ходили они, или ползали.

Казалось, орочи было мало для противостояния армаде соратами, но змеи умели великолепно скрывать свое истинное количество. Могли ли яд и деревянные копы тягаться с серебряными клинками и магией соратами? Тоши не собирался задерживаться здесь настолько, чтобы узнать это воочию, но ему все равно было любопытно.

К его удивлению, разведывательный отряд провел его сквозь это плотное скопление орочи и далее, в гущу леса за поселением. Еще час сложной утомительной ходьбы привел их на вершину каменного уступа, покрытого ярким зеленым мхом. Тоши подошел к краю и взглянул вниз, прикинув, что падение составило бы около двадцати футов. Не смертельно, но также и не падение, на которое бы он отважился по собственной воле.

- Сколько... - Тоши замолчал, когда понял, что весь его эскорт пропал. Они растворились в лесу и оставили его одного на уступе.

- Так вот он какой, герой, желающий нас всех спасти. – Голос исходил из-за вершины каменного гребня. Тоши присмотрелся внимательнее к покрытой мхом скале и отшатнулся, когда от общей массы растительности отделилась громадная голова.

- Если ты Сосуке и вождь этого племени, тогда я тот герой, о котором ты говоришь. Я пришел говорить с тобой.

Сосуке поднялся, как поток дыма, соскальзывая со скалы, пока не встал в полный рост рядом с Тоши. Он был выше и шире большинства других змей, что означало, что он был лишь вдвое тоньше самого Тоши. Его тело было упругим и мощным, и его мышцы бугрились под зеленовато-коричневой чешуей. В трех его руках он держал оружие – меч, кинжал, и посох – пока четвертая теребила резной зеленый амулет на шее. Сосуке носил на голове яркую повязку, отмечавшую его, как вождя племени, но она была гораздо проще, чем другое церемониальное убранство, которое Тоши видел на других важных орочи.

- Я Сосуке, боевой вождь племени орочи Каши. – Он указал свободной рукой на Тоши. – Что ты делаешь в Дзюкае?

- Прохожу через лес, - сказал Тоши. Поскольку у него были сложности с орочи и их мёдзин в прошлом, он решил не упоминать своего имени. – Я не друг соратами и желаю вам успеха в борьбе с ними. Но я несу ужасный проклятый тотем, отравивший мою родину, и не желаю, чтобы его проклятие укоренилось здесь. Все, чего я прошу, это спокойно отдохнуть и покормить мое вьючное животное, прежде чем я уйду своей дорогой. Я прошу всего один день.

Сосуке покачал головой. – Мы воюем, незнакомец. Я не позволю случайным людям свободно разгуливать по нашей земле.

- Не по земле, - сказал Тоши. – Над ней. Мое вьючное животное – мотылек, и мы прилетели от самих Водопадов Камитаки, ни разу не касаясь подножия леса.

- До сих пор.

- До сих пор. И с твоего разрешения, как только я вернусь в седло, мы не опустимся, пока не перелетим за восточные пределы леса.

Сосуке захохотал жестоким, шипящим смехом. – Ты говоришь это с такой уверенностью, но даже я не знаю, где кончается лес.

- И, тем не менее, я намерен отыскать его край. Если пожелаешь, я однажды вернусь и расскажу тебе, что я там увидел.

- Ты слишком большого о себе мнения. Ты не уйдешь живым с этого уступа, не говоря уже о том, чтобы достичь восточного края леса.

- Это твой выбор, боевой вождь. Я один и безнадежно окружен. Но, прошу, поверь мне: Я единственный, кто может избавиться от этого кошмарного диска, который я везу.

- Это проклятие, - сказал Сосуке, - его действие можно направить?

- Против соратами? Возможно. Но оно привлекает опасность ко всем, кто находится рядом. Вы могли бы направить его, но не настолько точно, чтобы поразить их, не ранив себя.

- Тогда у тебя нет ничего, что было бы мне интересно. – Орочи обнажил свои клыки в жестокой ухмылке. – Но я благодарю тебя за попытку спасти нас всех от этого жуткого проклятия. Вероятно, я привяжу твое тело к диску, прежде чем метну его в соратами.

- Сосуке, - напряженно сказал Тоши, - я серьезно отношусь к своему долгу. Убей меня, если это необходимо, но сделай это с уважением. – Он думал, что мог бы понравиться прагматичному воину, если не будет заискивать перед ним. Все, что уводило разговор от мертвого тела Тоши, было ему на руку.

Боевой вождь смерил Тоши своими гипнотическими красными глазами. Нетронутый ложным праведным гневом Тоши, он просто сказал, - Решено. – Сосуке

повернул свою огромную шею и прошипел через край выступа. В ответ, полдюжины воинов орочи выползли на гребень скалы и окружили Тоши.

Очимуша уверенно улыбнулся. – Прекрасно, боевой вождь. Я был бы разочарован, если бы твое разрешение можно было получить по одной лишь просьбе.

Сосуке поднял свою свободную руку, останавливая орочи, сжимавших кольцо вокруг Тоши. – Ты можешь предложить что-то еще?

- Да. Соратами уже вторглись на твою территорию, не так ли? Если ты укажешь место, я смогу уничтожить их там в большом количестве. Твоим воинам даже не придется сражаться.

- Но мы хотим сражаться. Я был рожден, чтобы вести моих братьев в бой, и мы все хотим чувствовать, как их бледная кожа лопается под нашими клыками, хотим отведать вкус их крови.

- Кто же не хочет? Но ты не видел полной мощи их армады. Я видел. Если ты не желаешь, чтобы следующие десять лет воины соратами топтались у дверей твоего дома, нужно предпринять что-то серьезное. Что-то, что сметет большую часть их армии и разубедит остальных когда-либо еще заходить так далеко на восток.

Сосуке стукнул посохом по поросшей мхом скале и широко развел все четыре руки. – В твоих словах есть смысл, незнакомец. Но если я не видел полной мощи соратами, то ты не видел полной мощи племени Каши. За нами сила Сплетения Жизни, наимогущественнейшей мѣдзин из всех. В эти минуты моя сестра собирает и направляет силу леса против захватчиков.

Тоши мог бы упомянуть, что он лично одолел Сплетение Жизни с помощью своей мѣдзин, что говорило о том, что дух леса вовсе не был таким могущественным, как утверждал Сосуке. Вместо этого, он решил, что пришло время уходить. Он очистил разум и приготовился исчезнуть, но сигнальный крик с севера заставил его остановиться.

Точнее, реакция Сосуке на сигнальный крик заставила Тоши остановиться. Окрам боевого вождя сменился от пестро зеленого к ядовито-изумрудному. Его красные глаза расширились, и мелькающий язык втрое увеличил скорость. – Сейчас ты увидишь все сам, незнакомец, так или иначе. Соратами пришли. – Он вытянул шею вверх, насколько мог, и лизнул языком воздух северного ветра. – Возьмите его, - обратился он к змеям, окружавшим Тоши. – Пусть увидит, как мы сражаемся. Если попытается бежать или предупредить врага, убейте его на месте.

Сильные, жилистые руки сомкнулись на запястьях и плечах Тоши. Они толкнули его вдоль выступа, мимо Сосуке. Тоши не сопротивлялся, но вывернул шею и крикнул, - Послушай меня, боевой вождь орочи племени Каши. В считанные дни с неба явится новая угроза. Если ты хочешь ранить армаду лунных воинов, метни в них диск, как ты собирался. Брось его в самое сердце командования соратами. Затем убегай и не оборачивайся.

Сосуке не ответил, но мрачно кивнул, когда Тоши уволокли прочь. Похоже, он не шутил, соглашаясь относиться к Тоши с уважением. Затем боевой вождь развернулся и уполз за край выступа.

Орочи толчками и волоком протащили Тоши вдоль скалистого гребня, их петляющий путь запутал и дезориентировал его вновь. Боль в его груди к этому моменту почти полностью утихла, поэтому он мог исчезнуть, или уйти сквозь тень в любой момент. Тоши позволил им тащить его, поскольку они удалялись от Похищенной, и, в то время как он мог вернуться на поляну в считанные секунды, им придется потратить часы на то, чтобы снова проделать весь этот путь. Но очимуша понимал, что ему все равно потребуется время на то, чтобы устранить охранников, оставленных на поляне, прежде чем он вновь сможет подняться в воздух.

Без сопротивления и жалоб, Тоши позволил орочи перевести его на другой высокий гребень, возвышавшийся над широкой зеленой долиной. Яркий солнечный свет лился сквозь широкий просвет в кронах деревьев, освещая долину. Через этот просвет

Тоши видел первые облачные колесницы соратами. Они опускались целенаправленно, направляясь точно к открытому пространству у подножья леса.

Орочи атаковали облако, как только оно опустилось ниже крон деревьев. Должно быть, на дне всего этого густого белого тумана было что-то твердое, поскольку полдюжины змей, прыгнувших на облако с кедров, смогли ухватиться за его края. Колесница сильно накренилась и рухнула на землю с оглушительным треском.

Сотни орочи выскочили из своих укрытий и грудой набросились на облачную колесницу. Около дюжины соратами пытались вынуть мечи из ножен, сцепившись с длиннорукими змеями, но вскоре они были попросту раздавлены под самой массой огромного числа извивающихся чешуйчатых тел.

Еще две облачные колесницы прорвались сквозь ветви деревьев, расширяя просвет над долиной. Соратами в этих повозках были готовы к змеиной атаке, и когда орочи снова попытались вскочить на борт и сбить облака с курса, мечи из голубой стали блеснули в ослепительных солнечных лучах. Разрубленные куски тел напавших орочи осыпались на землю. Вторая волна соратами приземлилась благополучно и растеклась по долине.

В чем-то, это сражение было противоположно тому, что Тоши наблюдал в Оборо. Здесь, змеи количественно превосходили соратами, но лунные воины быстро брали верх. Обе стороны казались равными по силе и боевому духу, но соратами были гораздо смертоноснее со своим превосходным оружием, чем змеи с одними лишь клыками и когтями. Каждый соратами, павший от едкого яда или удушающих объятий, отрезал нападавшему орочи руку, ногу, или даже голову. В столь ближнем бою соратами сражались более эффективно и слажено, как единое целое, нежели как набор отдельных личностей – Тоши мог насчитать десятки пар лунных воинов, сражавшихся спиной к спине, разрезая орочи на куски, орудуя мечами в обеих руках. Тем временем, еще большее количество соратами продолжало спускаться в долину, все больше склоняя чашу весов в свою пользу.

Если Сосuke втащил его сюда, чтобы показать вот это, Тоши придется пересмотреть свое мнение о боевом вожде Каши. Его воины сражались отважно, но им противостоял враг, который не уступал им в силе, решимости, и свирепости, но при этом был гораздо лучше тренирован и оснащен для подобной битвы.

Затем Тоши увидел самого Сосuke на стволе массивного кедра. Вождя сопровождала самка меньших размеров, но того же окраса и с тем же чертами лица. Была ли это его сестра, о которой он говорил?

Самка орочи сложила две руки в медитативной молитве, держась за дерево остальными конечностями. Другие змеи, сидящие на деревьях, эхом вторили ее хриплому шипению, и между ними образовывались кружащиеся потоки зеленого тумана, соединяя деревья на пятидесятифутовой высоте.

Кора дерева, занятого Сосuke и его сестрой, начала вращаться и переливаться, превращаясь в гладкую коричневую маску человеческого лица. Тоши узнал Мёдзин Сплетения Жизни еще до того, как могущественная покровительница леса полностью манифестировалась, и растворился в воздухе, чтобы она в свою очередь не смогла обнаружить его. В последний раз, когда он видел эту деревянную маску, он злорадным смехом провожал мёдзин обратно, в мир духов. Она наверняка запомнила это, и, вероятно, все еще точила на него зуб.

Охранники орочи злобно зашипели, когда их пленник выскользнул из их рук. Они кричали друг на друга, требуя рассказать, что каждый из них видел. Все еще стоя на том же месте, ни кем незамеченный Тоши наблюдал, как его стража расплзлась, обыскивая окрестные заросли, низко пригнув головы и касаясь земли мелькающими языками.

В распоряжении Тоши было предостаточно теней на скалистом гребне, но он решил остаться посмотреть, как разыграется гамбит орочи. Он ожидал, что из-под ног соратами вырастет стена из кустарника с отравленными шипами, или Сосuke и другие могучие воины обретут мощь гигантов.

Вместо всего этого, полоса зеленого тумана уплотнилась и обрела твердость. Она тускло зажглась, сворачиваясь в грубый канат из толстой, зеленой древесной материи. Волна энергии прошла по поверхности каната, и он сжался, притягивая гигантские кедровые друг к другу. Когда зеленый, извивающийся канат затвердел, он принял облик громадного, крепкого зеленого дракона. Все змеи зашипели его имя, «Дзюган», и Тоши смутно припомнил имя еще одного могущественного духовного защитника Дзюкай.

Сосуке рванулся вперед, оторвал сестру от ствола дерева и обнял ее двумя могучими руками. Он полз головой вниз, передвигаясь гораздо быстрее, чем если бы просто спрыгнул с кедра. Когда его язык коснулся земли, он отпрыгнул от дерева и нырнул в заросли, уходя подальше от долины.

Дракон Дзюган продолжал извиваться вокруг деревьев, огибая их зеленым кольцом энергии и силы. Связанные кедровые заскрипели вновь под тяжестью магических пут. Зажатые в кольцо деревьев, соратники и ороши прекратили сражаться, и взволновано взглянули вверх. На самом крупном и толстом стволе дерева, лицо Сплетения Жизни одними губами произнесла несколько беззвучных слов. В ответ, Дзюган взревел и начал двигаться быстрее. Массивное кольцо из кедров задрожало, и Тоши услышал оглушительный треск.

Сгибаясь посередине, словно они обладали суставами, деревья, будто бы поклонились в сторону центра кольца. Все вместе они образовали органическое закрытое пространство, громадную клетку в форме барабана, с землянистым полом, стенами из кедровых стволов, и плотной крышей из ветвей с зеленой хвоей. Из закрытого барабана раздавались сдавленные крики и шипение, но кроме них, ничто больше не могло вырваться из сплошных стен живой древесины.

Вся внешняя кора барабана слилась и превратилась в колоссальную маску Сплетения Жизни. Лицо медзин не двигалось, но ее пустые глаза и рот были широко раскрыты и направлены сквозь кроны деревьев к залитым солнечным светом небесам. Затем, огромная клетка сжалась, и ударные волны разошлись от нее по всей долине, едва не расколов на куски гребень, на котором стоял Тоши. В безопасности своего фантомного состояния, Тоши отступил от края скалы, но не отвел глаз от представления внизу.

Дзюган все быстрее кружил вокруг клетки, которая сжалась, подобно громадному кулаку. Треск ломающихся деревьев заглушил все остальные звуки внутри барабана, что Тоши воспринял с благодарностью. Его сны были довольно беспокойными и без этих кошмарных предсмертных криков. Когда размер барабана уменьшился вдвое от своего оригинального размера, кедровая клетка начала тонуть в плотной лесной почве. Земля разверзлась и обрушилась в постоянно углубляющийся под клеткой провал. Деревья по краям долины также рухнули в яму, лишившись почвы в своих корневищах.

Тоши наблюдал за невероятным представлением, пока верхушка клетки не была лишь на пару футов выше края провала. Он не знал, остался ли кто-нибудь внутри в живых, и насколько глубоко они будут погребены, но достаточно было сказать, что эти соратники больше никогда не пойдут войной на Дзюкай.

Тоши покачал головой. Он не был солдатом и никогда не участвовал в войне, но даже он знал, что никто не побеждал армию противника, убив в процессе половину своей. Если змеи могли использовать мощь Дзюкай, и заставляли саму землю сражаться на их стороне, то у них явно был шанс. В противном случае, соратники бы вымели их полностью за считанные недели.

Не оборачиваясь, Тоши шагнул вперед, в тень молодого кедра, под рев дракона и треск долины, поглощавшей саму себя.

Тоши появился из темного пятна под нависающей частью скалы. Он прибыл на край поляны, недалеко то мотылька, все еще надежно привязанного, с радостно хлюпаньем уплетающего свои съестные бруски. Оставленных охранников орочи нигде не было видно. Тоши не задумывался слишком глубоко о возможных причинах их исчезновения – ему вполне хватало того факта, что их просто не было.

Он обошел самое крупное дерево, у которого он оставил Похищенную. Каменный диск лежал на месте, но что-то в общей сцене встревожило Тоши. Изображение на диске было статичным, и он не ощущал понижения давления, предвещавшего неминуемое нападение ками, но сам воздух вокруг Похищенной был другим. Все открытые участки кожи Тоши начали покалывать.

Очимуша опустил на корточки рядом с деревом и всмотрелся в открытое пространство поляны вокруг каменного диска. Все выглядело нормальным, за исключением трех странных кучек белого песка. Или, возможно, соли, размышлял Тоши.

Мелкая белая пыль слетала с каждой кучки от легких дуновений ветра, проникавшего на поляну сквозь кроны деревьев. Тоши выпрямился в полный рост и прошел вокруг каменного диска. Три кучки, три охранника орочи. Три горсти белого песка располагались довольно равномерно вокруг Похищенной. Если бы трое крепких воина пытались поднять что-то столь круглой формы, они бы наверняка заняли бы именно эти места.

- Эй, - осторожно обратился Тоши к диску. – Они трогали тебя, да?

Змеиный зародыш оставался неподвижным, и единственным звуком на поляне был ветер, играющий с горстками пыли.

- Слушай, - сказал Тоши. – Мне нужно переместить тебя, и мне нужно сделать это быстро. С... - Он остановился, потрясенный абсурдностью того, что он собирался сказать, - ... с твоего разрешения, я перенесу тебя к мотыльку, что бы он унес нас отсюда.

Тоши почувствовал себя еще более глупо, когда диск не ответил ему никаким внятным образом. Может, это ему тоже приснилось?

Он соскреб остатки храбрости и положил руки на Похищенную. Она ощущалась, как обычный камень. Отодвинув все вопросы подальше, Тоши усилием воли сделался бесплотным, прихватив с собой каменный диск. Менее чем через минуту он уже взгромоздил его на спину мотылька. Гигантское насекомое прогнулось под вновь обретенной массой каменного диска, но терпеливо удерживал груз, пока Тоши привязывал его к седлу.

Им не придется лететь далеко. Орочи были всецело поглощены нападающими соратами, поэтому, ему лишь нужно было убраться с этой поляны. С учетом захватчиков, мёдзин, и дракона-хранителя, у орочи были куда более важные дела, чем охота на таинственного незнакомца.

Тоши прикинул, что ему еще нужно всего пару часов отдыха, чтобы его ребра исцелились полностью. Прошлой ночью он спал более чем достаточно. Прямо сейчас он лишь хотел небольшой отрезок времени, в который бы ему не требовалось спасать свою шкуру, если духи позволят ему такую роскошь. Затем он будет готов вновь окунуться в видения и голоса, не оставлявшие его в покое последнее время.

Гигантский мотылек, шурша крыльями, уносил Тоши в полуденное небо. Дзюкай был воистину впечатляющ, но здесь было слишком уж много растительности на его вкус. Слишком много грязи и недостаточно тракторов. Его разум начал блуждать, наблюдая за волнуемым морем кедровых крон под ним, и очимуша задумался, почему он вообще залетел так далеко на восток. Шансы отыскать Мочи были скудны, а мысль заманить О-Кагачи и Мочи в одно и то же место казалось совсем уж невероятной. Лучшее, на что он мог надеяться, было воссоздание неразберихи в Минамо, в надежде, что либо О-Кагачи, либо Даймё взыщут должное с лунных захватчиков.

Волна усталости прошла по всему телу Тоши, и его плечи опали. Все изменилось в тот момент, когда Похищенная заговорила. Перевозить бездушный диск было одно, но если этот камень собирался выдвигать требования и испепелять орочи, волей-неволей, очимуше придется что-то придумать. Он не каждый день сталкивался с вещами столь огромной важности. Поэтому, чем скорее он сможет посоветоваться с кем-нибудь, у кого было мозгов побольше, и сердце побороднее, тем лучше.

Неожиданно помрачневший и опечаленный, Тоши пустил мотылька ниже, и удвоил усилия по поиску подходящего места для посадки.

* * * * *

Тоши снова очнулся на пустынном поле из серых камней.

- Болото дерьма, - выругался он. Он прикрыл лицо рукой, прикрываясь от света и песка на ветру. – Мы, вроде, разобрались уже с этим! – Выкрикнул он. Его разум казался более трезвым в этом сне, чем в прошлом. Он не мог припомнить, как посадил мотылька, или заснул. Разве сейчас все еще не был полдень?

Без преамбул, перед ним появилась шеренга из трех крепких фигур, шагающих к Тоши сквозь туман. Это были неопределенные светящиеся фантомы, но каждый из них был заметно крупнее Тоши. Вероятно, теперь он будет осужден преувеличенными версиями учителей, наставников, и констеблей, которых он обижал в детстве.

Раздраженный, он сложил руки на груди и ждал. Должно быть, это какой-то побочный эффект его лечебной магии, или же его близости к Похищенной, или комбинации первого и второго. Он давно привык к обвинениям в жутких преступлениях наяву, но сталкиваться с ними еще и во сне было уже слишком.

Негодование Тоши рассеялось, когда из яркого света вышел Кобо. Громадный лысый юноша был так же покрыт шрамами и не отесан, каким был при жизни, его горбатый нос был практически размазан по всему лицу.

- Брат по клятве, - сказал он, - ты бросил меня умирать. Ты позволил мне взять на себя весь риск, отошел в сторону и оставил меня сражаться в одиночку. Когда меня убивали, ты даже не проснулся.

- Я не... - запнулся Тоши. – Это ... все произошло не так.

Кобо поклонился и прошел мимо Тоши. Очимуша импульсивно потянулся к нему, но его рука прошла сквозь ученика огра.

- Что ж, друг мой, - произнес знакомый голос за его спиной. – С чего начать?

Хидецугу выпрямился во весь рост, когда Тоши повернулся к нему. Он возвышался над Тоши, улыбаясь, обращая на очимушу взор пустых глазниц.

- Прости, - сказал Тоши, перебив огра на первом слове. – Но ты всегда был слишком огромным, слишком сильным и слишком умным. Ты пугал меня. Я знал, что если не буду держаться на шаг впереди, ты отыщешь способ покарать меня.

- И ты был прав. – Улыбнулся о-бакемоно. – В конце концов, ты никогда не смог бы меня победить. Но ты здесь, а меня больше нет. Как это произошло? – не дожидаясь

ответа, Хидецугу насмешливо фыркнул и прошел мимо Тоши. Каменная равнина сотрясалась под тяжестью его шагов.

- Прости, - выкрикнул Тоши еще раз, но слова казались липкими и горькими на его устах. Действительно ли Тоши слышал собственный голос? Неужели это он произносит эти слова?

Истощенный и, словно, одурманенный, Тоши споткнулся и рухнул на колени. Что-то было не так, совсем не так. Он не должен был себя так чувствовать.

Последний силуэт проявился, выйдя из головокружительного сияния. Это снова был Годо, король разбойников. На этот раз он был бледным, осунувшимся, и дрожащим, но его карие глаза все еще пылали гневным огнем.

Ком встал в горле Тоши. – Прости, - повторил он. Он чувствовал себя так, словно смотрел игру ужасного актера, отыгрывавшего свои глубинные мысли и подбиравшего неверные слова.

Годо кивнул и нагнулся, чтобы прошептать Тоши на ухо.

- Слишком поздно, - сказал он. – Ты не можешь вернуть то, что сделал.

Король разбойников выпрямился. Веки Тоши задрожали, и он покачнулся, стоя на коленях.

- Что? – выдавил из себя он. – Вернуть?

- Я еще не мертв, - сказал образ Годо. – Но я очень близок к грани. Ты еще можешь помочь мне. Ты еще можешь все исправить. Тебе не нужно возвращаться сюда, Тоши. Ты не обязан слушать нас вечно.

- Как? – вымолвил Тоши. – Что я могу сделать?

Годо рухнул на колени и сжал Тоши за плечи. – Возвращайся в горы, - сказал король разбойников. – Излови то, что ты выпустил. Посади зверя в клетку, и ты будешь на шаг дальше от этого места. – Годо поднял глаза и развел руки в стороны. Затем он встал, положил ладонь на плечо Тоши, и ушел, скрывшись в тумане забвения.

Острый, холодный спазм сжал внутренности Тоши. Он сложился пополам от боли. Пока он сидел, ожидая, когда его мышцы расслабятся, две слезы упало перед ним на серую каменистую почву.

- Хватит, - сказал Тоши. Он сделал медленный вдох, плавно расправляя грудь. – Достаточно.

* * * * *

Тоши очнулся на земле в куче кедровых иголок. У него болел живот, и лицо было влажным.

Он с трудом поднялся на ноги, растерянный до панического состояния. Небо было темным. Он находился в широком овраге меж двух холмов. Мотылек сидел неподалеку, его повадки развивались в вечернем бризе, а Похищенная все еще была привязана к седлу. Как бы и когда бы он сюда ни попал, Тоши даже не пытался спрятаться сам, или скрыть свой груз.

Затекший и растерянный, Тоши проковылял вперед. Он вытащил джитту и принялся чертить в грязи символы. Его рука тряслась, а в глазах плыл туман, поэтому, он даже не знал, чертил ли он те символы, что хотел.

Разозлившись, он зачеркнул джиттой незаконченный канджи и с усилием поднялся на ноги. Его дикие глаза метались по оврагу, пока не высмотрели низко висящую ветку с широкой тенью под ней.

Не мешкая, Тоши прошел к ветке и скользнул в тень, словно нырнув в бездонный черный пруд.

* * * * *

На борту флагманского корабля соратами Мочи проводил еще одну аудиенцию с Уйо и Чийо.

Война переменчива, сказал он. Орочи обречены. Это займет время, но у нас много времени. Но сейчас я желаю услышать более приятные новости, рассказы о более измеримых успехах.

Уйо загадочно улыбнулась. *Мне приятно порадовать тебя, Мочи-сама. Мы можем похвастаться выдающимися успехами в том, другом деле, о котором ты говорил.*

Мочи лучезарно улыбнулся и поднялся в воздух. Вращаясь, он сказал, *Расскажите мне все.*

Несмотря на отсутствие практики, его разум защищает себя весьма достойно. Если бы не эта, так называемая банда мстителей хёдзан, мы бы никогда не нашли бы к нему подхода.

Продолжай.

Обвинение в «нарушении клятвы» ранит его больше всего. Образы его братьев по клятве расшатывают его уравновешенность. Как только мы нашли эту щель в его броне, он был наш.

Превосходно. Твои способности продолжают поражать даже меня. Мочи прервал свое вращение и повернулся лицом к Уйо. Где он сейчас?

На крыльях Объятий Ночи, направляется в предгорье Сокензан.

А сокровище?

Брошено. Покинуто. Он был не в лучшей форме, когда отправился в это последнее путешествие.

Великолепно. Видишь, Чийо? Даже самый презренный враг может оказаться полезным. Тоши оказал нам неоценимую услугу. Все, что нам теперь нужно сделать, это пригнать орочи в направлении Похищенной. Подойдет любое место, около нее ... О-Кагачи сотрет в пыль обширные гектары леса, когда явится за своим отпрыском. Нам просто нужно подготовиться прекратить бой и быстро отступить, чтобы змей заодно не стер в порошок и нас.

Соратами в маске полумесяца злобно отвернулась от своих наставников.

Ахх, я обидел тебя, моя дорогая. Прости меня. Это из-за моего игривого тона? Или же тебя шокирована неуместная родительская метафора?

Учитель, сказала Чийо, Умегава все еще жив. Мы не покарали его, а лишь изгнали. Не оставляй его смерть воле случая. Годо не признает Тоши своим врагом. И Тоши уже избегал гибели от рук йуки-онна прежде. Мы не можем рассчитывать лишь на них.

Мочи снова принялся медленно вращаться, радостно поблескивая глазами. *Моя дорогая, сказал он, с чего ты взяла, что мы станем рассчитывать лишь на них?*

* * * * *

Тоши стоял на вершине скалы у подножья Гор Сокензан. В этом пустынном, унылом месте царил холод, но этот зимний мороз, что пронизывал его сквозь одежду, имел к магии такое же отношение, как и ко времени года.

Ледяной ветер хлестал его рукавами о запястья. Холод обжигал его, но ничуть не унимал довлеющее чувство, преследовавшее его из леса.

Грубые камни под ним были усеяны телами. В последнее время он видел слишком много трупов, от окровавленных останков Нумайских йуши, до выцветших костей в Минамо.

Эта бойня была густо усыпана замерзшими телами солдат Эйгандзэ и разбойников Сокензан. Все они были одеты в зимнее обмундирование, но каждый превратился в кусок льда, с гримасой ужаса на лице. Некоторые были в буквальном смысле погребены в кусках твердого, прозрачного льда. В одном таком случае, двое солдат Конды были замкнуты в объятия друг друга, в отчаянной попытке выжить.

Ветер белоснежными облаками пара уносил дыхание Тоши с его потрескавшихся губ. Все это было дело его рук, его и снежной женщины. Тоши перенял ее смертельный холод, и использовал его в собственных целях. Он также заточил ее сущность в глиняной плитке и перенес из ее земель в Вершинах Тендо, сюда, на северную границу территории разбойников. Насколько Тоши было известно, Годо собственноручно сломал плитку, и вскоре после этого, проклятие йуки-онна укоренилось в этих ледяных скалах, сделав их ее новыми охотничьими угождениями.

Сколько она убила с тех пор? Сколько жизней оборвалось на жгучем холоде, в объятиях ужаса? Полсотни? Сотня? Две сотни? Все они пали жертвами беспечной погони Тоши за властью.

Очимуша продолжал смотреть на замороженные трупы. Он сложил ладони и подул на них, короткий прилив тепла вернул чувствительность его пальцам.

- Тебе потребуется больше, чем теплый выдох, чтобы пережить эту ночь.

Тоши узнал голос из своих снов. Дрожа, он медленно повернулся и увидел Годо, короля разбойников, воплоти, впервые в жизни.

Годо выглядел изнуренным и сутулым, каким он был во втором сне. Он все еще был достаточно крупным, и мог раздавить Тоши одним своим весом, и он вел массивного горного яка без особых усилий, держа поводья одной рукой. К седлу яка была привязана гигантская шипованная дубина короля разбойников.

На Годо были тяжелые шерстяные одежды, обмотанные поверх его разбойничьей брони. Его кожа была мертвецки бледной, серой и нездоровой, но глаза светились силой и стойкостью. Он протянул руку, предлагая Тоши шерстяное одеяло.

- Возьми, - сказал разбойник. – Вижу, ты не один из людей Конды, поэтому, надеюсь, ты переживешь эту ночь. Ты выбрал странное место для прогулки, друг мой, к тому же, ужасно не вовремя. Если у тебя остались силы, тебе стоит уходить отсюда. Переночуй где-нибудь в другом месте, как можно дальше отсюда.

Тоши механически взял одеяло и перебросил его через плечо. – Благодарю тебя, - пробормотал он. – Так гораздо лучше.

Годо повернулся, и Тоши выкрикнул, - Почему же ты остаешься?

Главарь разбойников остановился, пытаясь вывернуть яка, который почти завершил свой разворот.

- В смысле, - сказал Тоши, - если здесь так опасно.

Годо искоса взглянул на Тоши. – Ты не знаешь, где ты находишься? И не знаешь, кто я?

- Представим, что не знаю.

- Я здесь главный, - сказал Годо. – А за этой скалой стоит полный дивизион Даймё Конды. – Он указал на север. – Если никто не будет удерживать его, Конда вторгнется в Сокензан, как он вторгся во все остальные регионы. Мы свободные люди, дружище. Я давным-давно решил, что скорее погибну, чем стану жить под правлением Эйгандзэ.

Тоши кивнул, отведя глаза. – Полагаю, было бы легче, если бы тебе не приходилось тоже иметь с этим дело. – Тоши указал на поле из ледяных трупов внизу.

Взгляд Годо сделался острее. Он осмотрел Тоши и тихо сказал, - Что ты знаешь обо всем этом? Ты знаком с о-бакемоно? Хидецугу?

- Нет, - покачал головой Тоши. – Но я слышал рассказы. Я не отправляюсь в путь полностью неосведомленным. – Он слабо улыбнулся. – Лишь сильно неосведомленным.

Годо бледно улыбнулся в ответ. – Огр сказал, что все это случилось благодаря одному магу канджи. Он также сказал, что этот маг канджи вернется исправить то, что он сделал.

Тоши поправил одеяло на плече. – Что бы ты сказал этому магу, если бы встретил его?

- Делай свою работу, - мгновенно ответил Годо. – Приберись тут за собой, чтобы я мог снова защищать свой народ от Даймё, а не от какого-то проклятья, место которому в вершинах гор.

Тоши кивнул. Он повернул лицо к ветру. Невдалеке от него, Годо пожал плечами и повел яка вниз по тропе.

Тоши снова ощутил надвигавшуюся тяжесть. Он чувствовал себя обрюзгим и несобраным. Слезы притаились в его горле, выжидая возможности вырваться через глаза.

- Если я когда-нибудь увижу его, - сказал он, - непременно передам ему эти слова.

Сердце Холода пролегалo среди мрачных Вершин Тендо, в одном дне ходьбы от того места, где Тоши встретил Годо. Как и во всей гряде Сокензан, Наиболее страшной горой Тендо слыла высокая, узкая скала, соединявшая тусклую серую почву с облаками. Никто из местных жителей не отважился бы подняться более чем на сотню шагов по неровной тропе, ибо на Сердце Холода лежало проклятие йуки-онна. Нет людей – нет жертв, и за пару десятилетий она превратилась в не более чем страшную историю, которой взрослые пугали детей снежными зимними ночами.

Так было до того, как сюда пришел Тоши. Как и несколько недель до этого, очимуша взшел к основанию Сердца Холода, направляясь к открытому плато, служившему домом для йуки-онна. Здесь он тогда провел свой ритуал, пленил дух зимы, и присвоил себе его силу. Сюда же он собирался вернуться, чтобы выпустить снежную женщину и вернуть краденое.

Тропа была узкой, утренний воздух морозным, но Тоши не колебался. Он чувствовал пустоту в животе и огромный груз на плечах, не имевший ничего общего ни с холодом, ни с усталостью, но ему доставляла небольшое удовольствие монотонность ходьбы. Идти по прямой, пожалуй, было единственным, на что сейчас были способны его рассеянные мысли и притупленные органы чувств.

Он, не спеша, шел вперед, пока не добрался до трети пути к вершине горы. Там он нашел первые канджи, которые он выцарапал вдоль дороги несколько недель назад. Эти символы должны были привлечь к себе йуки-онна, удерживая ее подальше от Тоши, позволяя ему завершить дальнейшие приготовления.

Все сработало превосходно – где-то, призраки мертвых мастеров канджи, наверняка, поднимали за него тосты. Никому никогда прежде не удавалось того, что он сделал. Это было равносильно тому, чтобы поймать молнию, и привязать ее тетивой к луку. Даже в своем подавленном душевном состоянии, Тоши чувствовал гордость за уникальность своего свершения. Люди говорили бы об этом вечно, если бы знали об этом. Они, возможно, не говорили бы ничего хорошего о нем лично, но непременно бы восхищались грандиозностью и кошмарностью его поступка.

Гордость растаяла, когда он добрался до знака у тропы, вырезанного в коре дерева. Тоши несколько мгновений смотрел на символ. Затем он вытащил джитту и принялся счищать кору вокруг знака, изменяя линии и изгибы, превращая их в пустой квадрат из стесанной коры. Покончив с этим, Тоши сгреб опилки у подножия дерева и разметал их по ветру.

Он повторил процесс со следующим найденным канджи. Этот второй был начертан на гладком валуне его собственной кровью, поэтому Тоши вылил немного воды на камень и протер его ребром ладони, пока кожа на ней не покраснела. Стерев канджи, Тоши смыл с ладони каменную крошку и прошел дальше.

Он был очень осторожен, размещая знаки так, чтобы он смог без труда запомнить, где они находились. Большую часть дня он провел в поисках канджи и уничтожении их. Каждый раз, когда он стирал символ, он чувствовал, как туман в его мозгу рассеивался, и тяжесть в его руках и ногах уменьшалась. Он не чувствовал, что поступает правильно ... ничего из этого, не ощущалось верным ... но ему становилось лучше.

Ему пришла в голову мысль, что он мог бы не ходить пешком, а просто перемещаться от канджи к канджи сквозь тени. Он едва ли обратил внимание на эту мысль, прежде чем продолжил идти дальше. Что-то в этом усилии пешей ходьбы успокаивало его почти так же, как и уничтожение символов.

Солнце над его головой уже село, и тьма окрасила небосвод. В прошлый раз, у него ушло несколько дней для достижения конечного пункта его восхождения. Сегодня, он покрыв почти все необходимое расстояние за пару часов. Это было еще одно неожиданное преимущество его одурманенности: он не чувствовал ни течения времени, ни какой-либо новой усталости, помимо той, которая была в нем изначально. Целый день размылся в одно долгое, медленное мгновение, от встречи с Годо, до сцарапывания канджи.

Тоши дрожал под одеялом, которое дал ему Годо. Ночью в Сердце Холода становилось гораздо холоднее и без рыскающей в поисках жертв йуки-онна. Достаточно холодно, чтобы заморозить любого, кто не нашел бы себе укрытия.

Тоши перешел к следующему канджи. Он не хотел умирать, но также не желал располагаться здесь на ночь. Мысль о засыпании наполняла его ужасом. Уж лучше продолжать и закончить работу, пока он еще был в состоянии сосредоточиться.

Тоши вытер очередной канджи, затем, еще один. Луна взошла, достигла зенита, и начала опускаться, прежде чем он, наконец, споткнулся, и грузно рухнул на мерзлую, твердую землю. Что-то треснуло на его лице, и он решил, что у него в волосах были льдинки. Ощупав лицо, он понял, что это была кожа на лбу, высохшая и лопнувшая от мороза. Кровь струилась из треснувшей кожи по лицу, окрашивая его пальцы.

Вид собственной крови привел Тоши в сознание. Он терпеть не мог, когда его кровь пропадала зря. Она была особенно ценной для магов канджи, чем для кого-либо другого, ибо символы, начертанные кровью, всегда обладали большей силой.

Хотя его пальцы были распухшими и неуклюжими, Тоши провел ими по лбу еще раз, пока они полностью не были вымазаны кровью. Он заставил себя встать, и грузно направился к скалистому выступу, под которым можно было спрятаться от пронизывающего ветра. Мгновение он стоял, покачиваясь, в тихой нише. Затем он наклонился вперед и вывел пару кривых символов на поверхности скалы.

Ниша быстро наполнилась теплом, словно он развел огонь. Чувствительность вернулась к его лицу и рукам. Кожа на лбу начала жечь, когда его нервные окончания обнаружили, нанесенные холодом, повреждения. Едва способный стоять прямо, Тоши обмотался тяжелым одеялом и прислонился к скале. Он заснул еще до того, как его тело завершило соскальзывать на землю.

* * * * *

Ему снилась не долина из серого гранита, а Сердце Холода. Он брел по той же горной тропе, и все тот же ветел хлестал его. Теперь в его волосах определенно был лед, и иней образовался на бровях и ресницах.

Он утратил счет стертым и оставшимся символам, но узнал ту часть тропы, на которой он сейчас находился. Над следующим подъемом располагалось плато, на котором он пленил снежную женщину. Почти готово, подумал он.

Тоши затянул одеяло вокруг шеи и плеч, и продолжил взбираться по тропе. Широкое круглое плато было окаймлено отвесными скалами с узким проходом в северной части, ведущим на вершину горы. Частый снегопад покрыв поверхность плато легким слоем белизны, но Тоши знал, что под снегом скрывалось кольцо из канджи, вырезанных в камне. Он не мог этого не знать: он провел долгие часы, создавая его.

Очимуша пробирался по колено в снегу, и думал, почему этот сон так отличался от других, и, при этом, был так похож на явь тех дней, что он провел в горах. Он задел ногой камень под снегом и упал на руки и колени. Была ли это его загробная жизнь? Бесконечный путь ради исправления всего того, что он сделал, и впереди его не ждало ничего, кроме постоянно ухудшающегося онемения тела и мозга?

Тоши опустил руки на землю и сжал кулаки с грязью и снегом. Нет. Это не станет его участью. Это закончится здесь. Он выпрямил руки и спину и продолжил ползти к припорошенному кольцу из символов на четвереньках. Это заняло почти час, но когда фиолетово-черные небеса окрасились на горизонте в кобальтово-синий цвет, Тоши, наконец, достиг своей цели.

Он осторожно обполз вокруг края круга, сметая пыльный снег с канджи, пока не обнажил все кольцо символов. Собранные вместе, эти знаки составляли длинное предложение, описывающее свое назначение и эффект. Уничтожение одного символа разрушит заклинание, но ему придется удалить всех их, чтобы восстановить то, что он изменил.

Что-то белое встрепенулось в уголке его периферийного зрения. Тоши поднялся на колени и прикрыл рукой глаза от ветра. В центре круга стояла высокая женская фигура в развивающейся белой мантии. Ее голова была наклонена вперед, так, что ее длинные черные волосы свисали вниз, скрывая черты лица. Она стояла неподвижно около секунды, пока ветер хлестал ее одежду, затем сделала один шаг вперед.

Тоши узнал йуки-онна, но он уже не боялся. Он не чувствовал ничего, кроме волны покорности, не в состоянии даже произнести какие-нибудь умные последние слова.

Женщина в белом сделала еще один шаг к Тоши. Он просто сидел и смотрел, его джитта все еще была крепко сжата, но позабыта в его руке. Затем, холодная фигура остановилась и подняла голову, отбросив назад копну своих шелковых черных волос и открыв утонченное лицо с острыми скулами.

Кожа йуки-онна была гагатово-черной, кроме губ, окрашенных в ярко фиолетовый цвет. Она осмотрела Тоши сверкающими черными глазами и с отвращением покачала головой.

- Что ты делаешь, брат по клятве? Что ты тут вообще можешь делать?

Тоши моргнул, смахнув снежинки с ресниц. – Кику? – Под вуалью волос определенно скрывалось лицо махоцукай. Растерянность уколола его в глубине сознания. Йуки-онна часто принимала облик кого-то знакомого, кого-то любимого. Разве Кику подходила под это определение?

Разве снежная женщина когда-либо говорила прежде? И разве ее глаза не должны были быть бездонными черными дырами безо всяких зрачков?

Кику раздраженно махнула рукой. – Я разочарована в тебе, очимуша. Со всеми своими играми, я ожидала, что ты уж точно распознаешь, что здесь происходит.

- Сон, - прохрипел Тоши. – Все это сон, вызванный...

Это не сон, мой слугитель.

Глаза Тоши распахнулись. Кику не было, а на ее месте располагалась непроницаемая черная пелена с белой маской по центру.

Оглянись вокруг, сказала Объятья Ночи. Ты уже не спишь в скалистом укрытии. Ты здесь, в Сердце Холода, на том-самом плато, что ты искал. Тобой манипулировали и завели сюда могущественной магией.

Вид его мёдзин и ее голос помогли Тоши сосредоточиться. – Манипулировали, - пробормотал он.

С первого дня твоего прибытия в лес. Возможно, даже раньше. Ты более не контролируешь собственный разум.

Тоши содрогнулся. Его голос стал жестче. – Кто же его контролирует?

Ты знаешь, но забыл. Или, скорее, ты знаешь, но они не позволяют тебе вспомнить.

Он попытался встать, но его ноги не держали его. – Тогда, помоги мне, - сказал он.
Я могу стереть их влияние одной лишь мыслью. Но я не желаю открываться им напрямую. Не сейчас.

Раздражение прокралось в голос Тоши. – Чего же ты ждешь?

Нужного времени. Теперь успокойся. Соберись с мыслями. Когда ты снова призовешь меня на помощь, я с радостью помогу тебе.

Мёдзин начала таять в воздухе. Тоши поднял руку, чтобы остановить ее, но осекся, прежде чем что-либо сказать. Его взгляд замкнулся на джитте, которую он все еще сжимал в руке. Понимание происходящего осенило его, и он произнес, - Ах, эти бледнокожие аристократичные ублюдки.

Очимуша злобно поднялся на ноги. Его ноги все еще были затекшими и неуправляемыми, но чистая, ясная ненависть пробилась сквозь туман в его сознании. Он встал ровно и взглянул на канджи под ногами. Затем Тоши фыркнул и вновь упал на колени, долбя джиттой по вырезанным символам.

Тоши. Голос Ночи все еще был четким, хотя ее физическое тело растворилось полностью. *Что ты делаешь теперь?*

- То, зачем пришел. – Он не сбавил темп ударов по символу. Каменные осколки разлетались вокруг его лица.

Это то, чего они хотят от тебя, а не то, зачем ты пришел.

Тоши отколол последний символ, и теперь вместо ряда канджи на земле оставались лишь грубые борозды. – Теперь, то.

* * * * *

На границе Сокензан Годо одиноко взирал на кошмар, один за другим поглощавший его армию.

Количество разбойников сократилось настолько, что теперь сам Годо был вынужден стоять на вахте, присматривая за границей. Две ночи подряд он пережил без происшествий, но на этот раз его удача покинула его. Он чувствовал, что это была его последняя ночь задолго до того, как увидел женщину в развивающихся белых одеждах и с длинной пеленой черных волос.

Она шла медленно, как старая знакомая, поднимаясь по скале к Годо, сидящему на своем яке. Вождь разбойников боролся с порывом сбежать – он был слишком уставшим и слишком упрямым, чтобы бросить свой пост. Видения армии Конды, беспрепятственно скачущей через границу, были для него еще более ненавистны, чем его собственная бессмысленная смерть. Когда он умрет, о нем будут говорить, что он погиб, сопротивляясь Конде до конца.

Снежная женщина подходила все ближе, и теперь была всего в паре ярдов от Годо. Он размял замерзшие мышцы и снял тяжелое шипованное бревно со спины яка.

- Что ж, давай. – Он пытался звучать сильным и уверенным, но все его резервы были давно истощены. Ему было сложно даже взмахнуть тяжелым бревном, особенно потому, что он знал, что никакого толку от этого не будет. Невозможно сражаться с холодом оружием из дерева и металла.

На расстоянии вытянутой руки, йуки-онна подняла голову и откинула назад свои волосы. Годо ахнул, увидев бездонные черные омуты ее глаз. Он почувствовал легкое разочарование от того, что не узнал черты лица снежной женщины. Возможно, она была столь сыта его людьми, что не чувствовала необходимости принимать облик кого-то, кого он любил. Вероятно, она приняла лик кого-то, кто был ему дорог, кого-то из его далекого прошлого, кого его одурманенный мозг не смог опознать.

- Приветствую тебя, проклятье гор. Я Годо, вождь разбойников Санзоку. Забери меня, если сможешь, но обещай мне: как только меня не станет, продолжай блуждать здесь. Забери столько людей Эйгандзё, сколько сможешь. Сделай эту границу смертельной для всех, чтобы никто и никогда не пытался пересечь ее в этом месте.

Его речь придала Годо энергии, и он взмахнул шипованным бревном, собрав остатки сил во всем своем могучем теле. Толстое оружие ударило в бок йуки-онна, и на мгновение показалось, что оно сметет ее в сторону. Но бревно пролетело сквозь нее, а снежная женщина осталась там, где и была.

Она шагнула к Годо и протянула руку. Призвав всю свою смелость, Годо не сводил глаз с лица убийственной силы и ждал.

Йуки-онна вздрогнула, словно ужаленная. Она опустила руку и медленно повернула голову в сторону Сердца Холода. Годо отогнал поток облегчения, когда эти кошмарные глаза вновь повернулись к нему.

Страшный дух сложила руки в рукава и склонила голову. Ее лицо скрылось за вуалью ее волос, и пока Годо смотрел, все тело йуки-онна медленно превратилось в облако снега, развеянное по ветру.

Холодная атмосфера на скале немедленно начала теплеть, а давление ослабло. Годо выдохнул и опустился на колени. Он с облегчением заметил, что его дыхание более не выглядело густым облаком белого тумана.

Обессиленный, но живой, Годо втянул себя на ноги, держась за кожаные поводья яка. Впервые за несколько недель он почувствовал слабое колыхание надежды. Многие из его воинов были мертвы, или разбежались. Армия Конды все еще ждала у самой границы. Война Ками все еще бушевала во всем мире. Но граница была защищена, и Конда не придет поработить их сегодня. Как бы это ни произошло, йуки-онна исчезла также таинственно, как и явилась. И благодаря этому, разбойники Санзоку выживут, чтобы сражаться за каждый новый день.

Годо влез в седло и направился вниз, возглавить остатки своей армии, которые он только сможет отыскать. Съехав со скалы, вождь разбойников наклонился к самой земле и подцепил свое шипованное бревно, подтянув его к себе за длинную металлическую цепь.

Армия Конды не могла знать, как изменилась их ситуация, и Годо горел желанием воспользоваться этим преимуществом.

Рассвет еще не пролил первые солнечные лучи на Сердце Холода, но небо становилось светлее с каждой секундой. Скрытый в тени отвесных скал, возвышавшихся вокруг плато, Тоши продолжал работать. Он стер определенный набор канджи из круга, сбив почти половину общего их количества, прежде чем появилась йуки-онна.

Настоящий дух был гораздо страшнее, чем иллюзия, вызванная Объятьями Ночи. Холод окружал истинную снежную женщину, подобно просторной мантии. Тоши чувствовал, как она впитывала в себя тепло со всего плато.

- Привет, - выкрикнул Тоши. Он все еще стоял на коленях, сбивая символы в камне тупым концом своей джитты. – Я не знаю, достаточно ли ты разумна, чтобы узнавать людей, или держать на них обиду, но мы с тобой встречались прежде. И, думаю, у тебя есть все причины ненавидеть меня.

Йуки-онна беззвучно стояла за полукругом из символов. Она медленно подняла голову, так, что ветер сдул ее длинные волосы с лица. Ее черты были такими же, какими Тоши их видел прежде, знакомые, но неизвестные ему. Бездонные черные глаза, острый, квадратный подбородок, фарфоровые скулы, все было таким же, как и в тот день, когда он впервые провел свой ритуал. Как и Годо, он слегка смутился, что не узнал в ней возлюбленную, но особым огорчением, хоть и некоторым облегчением, для него стало то, что он не увидел вновь лицо Кику.

Снежная женщина не выдала ни малейшего признака, что узнала его, и, тем не менее, сделала угрожающий шаг в сторону Тоши. Ее рот раскрылся, но вместо слов, лишь ледяной вой ветра слетел с ее губ.

Невозмутимый внешне, Тоши перешел к следующему символу. – Я одолжил твою силу, - сказал он. – Но теперь, я бы хотел вернуть ее. Не то, чтобы тебе ее не хватало. Ты умудрялась найти себе постоянное занятие даже без той части, что я взял. Думаю, в определенной степени, ты должна быть мне благодарна. Готов поспорить, у тебя не было столь удачной охоты за последнюю сотню лет.

Йуки-онна не проявляла никаких признаков благодарности, равно, как и гнева. Она просто продолжала медленно идти к Тоши с вытянутой в его сторону рукой, хотя она еще даже не дошла до линии канджи.

Тоши остановился. – Нет, - сказал он. – Я не ожидал, что ты согласишься. – Он вернулся к своей работе. – Ты ничем мне не обязана, и ты не ненавидишь меня. Ты ведь вовсе не такая, как мы, верно? Все, что тебя волнует, это твоя роль, твоя работа на этой горе. Должен сказать, ты с ней прекрасно справляешься.

Он завершил соскабливать последний канджи и вздохнул. – Вот и все, - сказал он. – Теперь ты можешь заполучить меня в любое время.

Снежная женщина остановилась рядом с оставшимися канджи на земле.

- Если бы ты была таким существом, которое бы узнавало лица и могло обижаться, - сказал Тоши, - тебе бы следовало быть осторожной. Там довольно сильная магия. Даже при том, что половина слов стерта, предложение все еще довольно мощное, чтобы причинить тебе вред.

Женщина в белом опустила руку. Она сделала шаг назад, и завывание ветра сменило тон.

- Берегись, - сказал Тоши. Что ж, подумал он. В полумерах нет особой ценности.

Он встал как можно быстрее и бросился к йуки-онна. Он отдавал себе отчет, что совсем немногие из ее жертв нападали на нее, во всяком случае, не после того, как она показывала им свои истинное лицо. Либо из-за шока, либо просто потому, что она не боялась Тоши, снежная женщина не предприняла никаких усилий, чтобы избежать его.

Его рука пересекла линию канджи и сжала ее руку. Она ощущалась плотной, и он потянул ее к себе изо всех сил. Бледный фиолетовый свет вспыхнул в том месте, где соприкоснулись их руки, и они оба одернули их, раскрыв рты в беззвучном крике. Такое же свечение озарило лоб Тоши, выводя на нем символ, дававший ему доступ к силе снежной женщины. У их ног, разбитая линия канджи также ярко засветилась в лучах быстро восходящего солнца.

Голос Тоши догнал его рот, и его крики эхом отразились от стен плато. Одним рывком, он одернул руку от йуки-онна, попятился назад и сел в пыльный снег.

Его руку обжигал нестерпимый холод. Он прижал ее к груди, пытаясь размять ее второй рукой. Невдалеке, йуки-онна, стояла одной ногой на светящемся канджи, вытянув руку вперед. Она была неподвижна, ее голова все еще была запрокинута назад, а рот широко раскрыт.

Тоши взглянул на восходящее солнце. У него оставалось совсем мало времени. Он вскарабкался на ноги и отошел как можно дальше от снежной женщины, не выходя из круга канджи. Затем он устроился на земле, скрестив ноги, положил свои онемевшие руки на колени и закрыл глаза.

Невзирая на бешеный стук сердца и опасность, Тоши чувствовал себя расслабленно и комфортно, позволяя себе погрузиться в забытие. После столь долгой борьбы со сном, он пришел к нему по первому зову, словно старый, преданный пес.

* * * * *

Тоши пытался ничего не чувствовать, ни о чем не думать, когда он очутился в туманном каменистом мире. Он также игнорировал джитту, привязанную к бедру, которой не было оба предыдущих раза, когда он посещал это место. Он был экспертом в расстановке ловушек и заманиванию в них своих жертв, поэтому знал, что наиболее важным из всего, что могла сделать предполагаемая жертва, было позволить охотнику думать, что она у него в руках.

- Я сделал, как ты просила, - выкрикнул он. – Почему я все еще здесь?

Спустя паузу, голос, приветствовавший его, когда он впервые попал сюда, заговорил. *Лжец*, произнес он. Тоши не обращал прежде внимания, насколько низко и хрипло звучал голос. *Ты отослал снежную женщину обратно на ее гору, но не вернул ее силу. Это так ты исправляешь свои поступки?*

- Да, - сказал Тоши. – Кстати, об этом. У меня есть пара вопросов о нашем соглашении. Мне нужны гарантии.

Ты шокирующее дерзок, очимуша. На весах твоя судьба в следующем мире, и ты еще препираешься по поводу условий?

- Я лишь хочу убедиться, что это честная сделка. В смысле, если мне предстоит ходить и справлять свои дела, нужно, чтобы кто-то вел им учет. Мне бы не хотелось исправить девяносто девять грехов, и все равно оказаться проклятым за сотый.

Ты не можешь торговаться с судьбой, Тоши Умегава. Сражайся с ней, или прими ее, но не пытайся изменить ее.

- Вот здесь, - сказал Тоши. – В этом месте у нас разногласие. Уверен, ты знаешь много всего о жизненных вознаграждениях и наказаниях, намного больше меня. Но я, в свою очередь, знаю кое-что, чего не знаешь ты.

Голос не проронил ни звука, отказываясь втягиваться в этот безумный спор.

- Я знаю, кто ты, - продолжал Тоши. – И я знаю, кому ты служишь. Взгляни, - сказал он. – Узри силу моего духа-покровителя.

- О Ночь, - произнес Тоши. – Не угодно ли?

Бледная дымка, окутывающая этот каменистый мир, потемнела от белого до грязно серого цвета, а затем погрузилась в предгрозовую мрак. Голос Ночи, эхом прокатившийся из пустоты вокруг него, звучал ясно, почти игриво.

Я здесь, служитель. Что тебя беспокоит?

- Я стою здесь на пороге ледяного серого ада, - сказал Тоши.

Нет. Это не так.

- Прости. Я ошибся. Я стою здесь, в собственном разуме, и вижу сон, что кто-то другой проник в него против моей воли.

Продолжай.

- Как твой служитель, я считаю, что мой разум, тело, и душа принадлежат тебе. И я считаю большой наглостью врываться сюда кому-то другому, не так ли?

Я бы восприняла подобное вмешательство, как прямое оскорбление мне, если не прямое нападение на меня.

- Так же думаю и я. И у меня есть на это все права, поскольку это мой разум. Но вернемся к сути: сны также относятся к сфере твоего влияния, не так ли?

Это так. Ночь – время снов, засим все сны и видящие их, частично принадлежат мне. Таким образом, я содержу их в огромном множестве.

- Тогда, эта нарушительница не сможет уйти безнаказанной. Ее разум все еще сопряжен с моим?

Я сделала так, что она не сможет уйти, пока мы не завершим нашу беседу.

- Превосходно. Не была бы ты столь любезна, чтобы ... привести ее сюда?

Черный туман разделился перед Тоши. В нем образовался проем в виде человекоподобного силуэта. Пустое пространство стало прозрачным и медленно вылилось в тело невысокой, элегантной соратами.

Тоши наклонил голову. – Ты не та, кого я ожидал увидеть. Я не разбивал тебе лица на пустынных улицах Оборо. Если бы ты была ей, это бы, по крайней мере, имело хоть какой-то смысл. Кто ты, и почему ты здесь?

Величественная соратами не ответила. Ее глаза были полны злости, но лицо и манеры оставались леденяще спокойными.

Тоши пожал плечами. – Не важно. У нас с моей мёдзин есть кое-что для тебя.

Казалось, соратами сопротивлялась, но туман сгустился вокруг нее, крепко удерживая ее на месте.

Не делай этого, очимуша. Губы соратами не двигались, но в его голове прозвучал тот же хриплый голос, что оскорблял его прежде.

- Почему? – ухмыльнулся Тоши. – Это грех? – Он вынул джитту и со злостью принялся разрезать ею туман. Когда он закончил, тот же символ, что украшал его лоб, осязаемо парил в воздухе перед ним – знак йуки-онна и ее смертельного холода.

Соратами поморщилась, явно пытаясь сбежать. Но, все же, она была в объятьях Ночи и в разуме Тоши, и они не собирались ее отпускать.

Канджи подлетел вперед, набирая скорость, приближаясь к соратами.

- Скажи Мочи, что он следующий, - выкрикнул Тоши. Каджи прошел сквозь слой тумана и исчез в груди соратами. Она задрожала и задергалась, но все еще не могла сдвинуться с места. Единственный звук, сорвавшийся с ее бледных, посиневших губ, был едва слышный хрип, подобный шепоту, неспособному пробудить спящего ребенка. Затем тело лунной матроны сжалось, исчезнув в вошедшем в нее канджи, подобно воде, водоворотом уходящей в незакрытый водосток раковины. К ее чести, она ни разу не закричала, даже мысленно.

Когда соратами полностью исчезла, Ночь ослабила густой туман и сказала, *Теперь торопись. Ты должен завершить то, что начал в Сердце Холода и вернуться в Дзюкай. Армаде соратами и рейнджерам орочи скоро предстоит принять необъятного и жуткого гостя.*

Тоши задумался, наблюдая, как каменный пейзаж таял и рушился. Если он подождет достаточно долго, земля под его ногами вскоре обрушится.

Он сунул джитту за пояс и снова сел, скрестив ноги. Ждать здесь было нечего, зато причин для того, чтобы поторопиться, было предостаточно. Тоши закрыл глаза и позволил себе перенестись обратно, к телу.

* * * * *

Тоши очнулся, резко придя в себя. Солнце было уже высоко в небе. Йуки-онна все еще стояла парализованная там, где Тоши ее оставил. Поднявшись, Тоши ощутил, что знак на его лбу погас. Сияние, исходившее из круга канджи, также поблекло. Медленно и зловеще, голова йуки-онна повернулась, пока взгляд ее жутких глаз вновь не замкнулся на Тоши.

- Я благодарен тебе, - сказал он. – Но между нами все кончено. – Он бросился к каждому канджи по очереди, грубо сбивая и смазывая символы своей джиттой. С каждым уничтоженным знаком, сияние на оставшихся канджи тускнело все больше, а йуки-онна набиралась все больше сил и энергии. Она пересекла линию и целенаправленно двинулась к Тоши.

Очимуша пытался игнорировать ее, и принялся зачеркивать последние канджи.

Пот заливал его глаза и капал с бровей, растапливая снег под ногами Тоши. Он тер костяшками твердую почву. Острые джитты уже было сколото и покрыто трещинами. Он бил сильнее и быстрее, видя, как к нему подползала тень снежной женщины.

Тоши выкрикнул, - Ха! – когда последняя узнаваемая часть последнего канджи исчезла в граде мелких каменных осколков и пыли. Теперь она никогда до него не доберется. Тоши повернулся к йуки-онна и ухмыльнулся.

Кошмарный дух подходил все ближе. Тоши неуклюже откинулся назад и отполз от йуки-онна на четвереньках, не сводя с нее глаз. Он быстро уперся в стену отвесной скалы и вжался в нее, как можно плотнее.

- Все кончено, - обратился он к надвигающейся фигуре. – Солнце высоко, канджи больше нет. Почему ты все еще здесь?

Если она его слышала, то не подала никаких признаков. Стоя над Тоши, она протянула руку, чтобы приласкать своими бледными пальцами его лицо.

Рефлекторно, Тоши растворился в воздухе, утратив плотность. Рука йуки-онна прошла сквозь его лоб, и боль пронзила его, подобно ледяному, рассекающему кожу ветру. Тоши вскричал в агонии, пытаясь вдавиться в скалу за его спиной.

Она несколько секунд неподвижно держала руку, затем убрала ее. Йуки-онна отвернулась от Тоши и сложила руки в рукава. Она сделала несколько шагов к тропе, ведущей к вершине Сердца Холода, на ходу растворяясь в воздухе. Не дойдя до края кольца из разбитых канджи, йуки-онна полностью исчезла в холодном, чистом солнечном свете.

Тоши оставался невидимым, пока его сердце не прекратило бешено колотиться. Он был жив. Материализовавшись, он почувствовал, как растаявший снег протек под его одежду.

- Благодарю тебя, О Ночь.

Ты заслужил мое благословение, служитель. Теперь вставай, и заслужи его еще раз.

- Да. Назад, в Дзюкай. – Тоши оттолкнулся от каменной стены, стряхнул снег с ног, и скользнул в тень под нависшими скалами.

* * * * *

Мочи возник в палатах Уйю на флагманском судне соратами. Он получил срочный мысленный вызов от Чийю, и хотя ее мысли были спутанными и нескладными, он и без нее уже знал, что случилось что-то кошмарное.

Он обнаружил деву в лунной маске, злобно расхаживающую по комнате. Уйю сидела в медитативной позе, утопая в широких, мягких подушках. Глаза молчаливой провидицы были открыты, но ее мысли, очевидно, были далеко от этого места.

Мочи подлетел к Уйю и пристально взглянул ей в глаза. Затем он повернулся к Чийю и сказал, *Это Тоши...*

- Объятъя Ночи, - вскипела Чийю. В своей ярости она была неспособна достичь ясности разума, требуемой для мысленного общения. – Он был в наших руках. Он был в руках йуки-онна. И он выскользнул, как я тебя и предупреждала.

Херувимное лицо Мочи помрачнело, и он подлетел к ученице Уйю. *Спокойнее. Я тебе не враг.*

Соратами в маске склонила голову. Она сделала два глубоких вдоха и сказала, *Прости меня, Мочи-сама. Я пыталась пробиться к наставнице, но ее разум закрыт для меня. Я не могу определить, ни что он с ней сделал, ни сколь длителен этот эффект. Ты можешь мне?*

Конечно. Мочи вновь подлетел к Уйю, опустившись на уровень ее глаз. Он сосредоточился, мысленно протягиваясь к ней.

Вместо ответа, глаза Уйю задрожали, словно она пыталась сфокусировать их на чем-то крошечном. Она сделала долгий вдох через нос, затем раскрыла губы и выдохнула. Выдох был белым, морозным, полным ледяных снежинок.

Налет инея выполз из раскрытых глаз Уйю. Единственная слеза скользнула по ее щеке, но мгновенно затвердела и треснула на ее посиневшей коже. Затем, Уйю качнулась вперед, неподвижная, как статуя, в руки Мочи.

Мелкий синий камушек поймал тело Уйю, но остановка была слишком резкой для нее. С тошнотворным треском ее голова скатилась с тонкой шеи на низкий столик по центру комнаты. Крови не было, поскольку тело провидицы превратилось в цельный кусок льда. Ее останки рассыпались в руках Мочи, а голова, упав на пол, разбилась, словно хрупкий стеклянный шар.

Чийю рыдала от ярости. Заметно ошарашенный, Мочи осторожно положил куски Уйю, оставшиеся в его руках, обратно, на пышные подушки. Он скрестил пальцы на животе и поднялся в воздух, поворачиваясь лицом к Чийю.

Тоши Умегава твой, сказал он. *Делай, что хочешь. Бери что угодно и кого угодно, чтобы покончить с ним раз и навсегда. Рапортуй мне, когда он будет мертв.*

Мне никто не нужен. Чийю сжала кулак. *Будет сделано.*

В этом я не сомневаюсь. Ступай, Чийю. Нам обоим нужно еще многое сделать. Тебя ждет месть. Мочи холодно улыбнулся. *А мне предстоит выиграть войну.*

Наездники на мотыльках Конды рассекали небеса над зеленым морем Дзюкай в идеальной формации. Сам Даймё летел впереди клина, паря на двух лучах магической силы. Он давно уже оставил своего коня на земле, не желая бросать благородное животное в дебрях наиболее опасной части леса.

Глаза Даймё неуклонно вели его на восток, хотя иногда ему казалось, что сокровище попросту переставало существовать. Тогда его глаза дрожали и вращались, не в состоянии сфокусироваться на одном месте. Когда такое происходило, он приказывал остановиться, садил наездников на мотыльках на землю, и ждал. Это было мучительно, но даже с учетом дополнительных дней, требуемых для того, чтобы вновь взять след, он был воодушевлен их прогрессом. Когда его армия передвигалась, она двигалась быстро.

Пейзаж под ним поражал Конду. Ни он сам, ни его армии никогда прежде не заходили так далеко на восток. Когда он вновь обретет Похищенную и восстановит башню Эйгандзё, он подумает над тем, чтобы выслать особую экспедицию с целью, наконец, нанести на карту восточный Дзюкай и то, что простиралось за ним. Если у дальнего края леса существовали нации, им также надлежало встать под защиту Конды. Однажды, ожидал он, даже орочи встанут под его знамена.

Раскатистое море зелени под ним простиралось все дальше, часы сливались друг с другом. Забывшись в воспоминаниях о своем сокровище, Конда не заметил изменений в Дзюкае, пока не пролетел огромную дымящуюся дыру в кронах деревьев. Даймё взмахнул рукой, и формация мотыльков замедлилась, едва заметно хлопая крыльями, чтобы оставаться в воздухе, паря над восходящим от огня потоком теплого воздуха.

Хотя его зрачки оставались замкнутыми на точке, расположенной еще дальше на востоке, Конда взглянул вниз на кошмарную кровавую баню под ним. Яркая зелень и насыщенные коричневые оттенки леса были дочерна обожжены огнем и забрызганы кровью. Сотни мертвых орочи были свалены в центр бойни, а остальные были прибиты к их возлюбленным деревьям.

Даймё почувствовал, как монарший гнев вздымался в его груди. Орочи были склонны к межплеменным конфликтам, но они никогда бы не осквернили трупы врагов подобным варварским способом. Как не использовали бы они огонь, в качестве оружия – Дзюкай круглый год был влажным, но его деревья все равно могли подхватить пламя.

Конда сигнализировал мотылькам спускаться. Нет, орочи воевали небольшими отрядами, иногда даже улаживая разногласия одной, единственной битвой двух избранных воинов. Это должно быть было дело рук иных племен. Некая инородная сила, похоже, проводила обширные боевые действия у порога самого Конды.

Его мотыльки кружили вокруг кровавой поляны, и Конда сурово откладывал ее детали в памяти. Подобное терпеть было нельзя, и он не потерпит этого. Как только он вернет себе Похищенную, он повернет свою призрачную армию на восток и искоренит захватчиков. Он перережет их всех до единого за их конфронтацию, а заодно, впервые возведет мост между Эйгандзё и орочи. Он часто восхищался их боевыми навыками и задумывался о тайнах диких мест, которые, по слухам, они исследовали в своем вечнозеленом мире. Объединение против общего врага непременно пробудит в них узы дружбы.

Конда взмахнул еще раз, и его мотыльки вновь поднялись в небо. Он переориентировал их в сторону Похищенной и помчался вперед, однако теперь, Конда внимательно наблюдал за пейзажем внизу. Если он заметит какой-либо вооруженный конфликт, он собирался исследовать его и определить агрессоров.

Сначала он вернет свое сокровище. Затем он покарает этих дерзких захватчиков. Такими будут его первые шаги в восстановлении своего королевства.

* * * * *

Тоши с облегчением, но без удивления обнаружил мотылька и Похищенную там, где он их оставил. Огромное насекомое оказалось наиболее послушным и сговорчивым существом, из всех, с которыми он встречался, и он полагал, что даже смертельная рана не сможет прервать его радостного хлюпанья. Что же касалось каменного диска, то он, похоже, весьма умело защищал себя сам.

Еще две кучки белого пепла встретили его неподалеку от Похищенной. Тоши задумался, были ли это тоже орочи, или просто дикие звери, подошедшие слишком близко, но решил не спрашивать. Он устал разговаривать с каменным диском и чувствовать себя при этом идиотом.

Тоши остановился, когда что-то, похожее на отличную мысль, возникло в его мозгу. Он отшагнул от Похищенной и сел, скрестив ноги. Он очистил мысли и воззвал к своей мёдзин. У нее было гораздо больше знаний, чем у Тоши. Возможно, она сможет рассказать ему, было ли сокровище живым, и, если так, что с ним следовало делать.

Он сидел, терпеливо ожидая, пока его ноги не начали затекать. Вскоре после этого, он открыл глаза и выругался.

Непредсказуемая, как всегда, Ночь либо не желала отвечать ему, либо была чем-то занята. Жаловаться он не мог – она только что лично спасла его от ментальных фокусов соратами, и у нее, должно быть, были миллионы других служителей, за которыми нужно было присматривать. И все же, она спасла его для того, чтобы он сделал то, чем он сейчас занимался, поэтому она должна была хотя бы обратить внимание на его просьбу об аудиенции.

выпусти меня

- Непременно, - сказал Тоши. – Мы как раз отправляемся туда, где я смогу это сделать. Обещаю.

сейчас

- Я не могу сейчас, - сказал он. – Не могу сделать это самостоятельно. Нам нужен совет профессионалов. – Тоши надеялся, что те, о ком он думал, могли считаться профессионалами, и что они смогут дать ему совет. Он не знал, куда еще ему было податься.

К своему ужасу, диск начал судорожно трястись. Он вибрировал о ствол молодого кедра, к которому Тоши его прислонил, яростно стуча по его коре. Изображение змеи вжалось к поверхности диска, словно это было окно. Ее хвост яростно бился из стороны в сторону.

отец

Тоши инстинктивно взглянул вверх, ожидая увидеть множество гигантских голов, обрушивающихся на него. Небо было чистым, за исключением пары струек темного дыма на западе.

отец идет

- Я знаю, - сказал Тоши. – Но нас уже здесь не будет. Он довольно медлительный, насколько я видел.

Похищенная забила настолько сильно, что сломала молодое дерево и взмыла в воздух. Парящий каменный диск повернулся лицевой стороной к Тоши, но изображение змеи оставалось неподвижным в его центре.

идет сейчас

- Не идет, - настаивал Тоши. – Нет никаких признаков его появления. – Он взмахнул рукой, указывая на небо и прикидывая, насколько широко она могла видеть из своей каменной темницы. Затем диск начал светиться и дымиться, так же, как в башне Конды, только пар, исходящий от него, шипел теперь яростно, а от сияния завяли все растения вокруг диска.

- Что я могу сделать? – раздраженно выкрикнул Тоши. – Чего ты хочешь?

Диск резко остановился и испустил испепеляющий залп пара. По его поверхности прошла волна света, и искры энергии брызнули на ближайшие деревья, обуглив их кору.

свобода

Тоши невольно ухмыльнулся. – Кто же ее не хочет? – пробурчал он.

Каменный диск не ответил, но медленно повернулся, как колесо вокруг оси. Вырезанная змея мрачно смотрела на Тоши, но все, что он мог сделать, это лишь пожать плечами.

Затем Похищенная вспыхнула, как молния, испустив сверкающий поток белого света в небо над собой. Ударная волна отбросила Тоши назад, и он почувствовал запах собственных опаленных волос.

Оглушенный, он протер глаза одной рукой, другой сбивая жар с волос. Когда зрение прояснилось, он увидел столб мерцающего белого света, исходящий из Похищенной и возвышающийся до облаков. Даже при свете яркого полуденного солнца, сияющий шпиль горел столь ослепительно, что у Тоши заслезились глаза.

...отец защити меня от отца отец защити меня от отца отец защити меня от...

- Ох, отлично, - сказал Тоши, горечь мольбы звенела в его ушах. – Просто великолепно.

* * * * *

Конда видел много потрясающих вещей за свою долгую, прославленную жизнь. Он видел возведение башни Эйгандзё на равнинах Тобабары задолго до того, как первая лопата расклевала плодородную почву. Он видел таинства мира духов, распростертые перед ним. Он взирал на величие своего сокровища, и видел в нем ответы на загадки вечности. Все это поражало или озаряло его, но вид армады соратами, уничтожавшей Дзюкай, шокировал его больше, чем что-либо прежде.

Они явились сюда в огромном количестве, массивной силой благороднейших из жителей Камигавы. Он считал соратами своими ближайшими союзниками. Он позволил им держаться на расстоянии от остального мира и уединиться в своем облачном городе. Он сделал это из уважения, чтобы дать им возможность исследовать свои мистические и культурные пути ... а не для того, чтобы создать и обучить регулярную армию. Если бы ему хоть приснилось, что у лунного народа есть своя военная сила, он бы держал их под более строгим присмотром. Конечно, они должны были быть способны защитить себя, но это ... это была армия полубогов, достаточно огромная, чтобы открыто противостоять ему самому.

Сегодня армада соратами в Дзюкае была для орочи непреодолимой силой. Они отгесняли змей на восток, как с земли, так и с воздуха, раскалывая любимые деревья орочи и сжигая их родные земли. Воины соратами орудовали мечами и заклинаниями, калеча и убивая, их идеальные шеренги едва ли обращали внимание на мерный поток тел рептилий. Свысока соратами были подобны серебристо-белому плугу, разрывавшему

почву, прорезая густой лес. Только эта почва состояла из живых существ, которых Конда надеялся сделать своими союзниками, а плугом правили, предавшие его соратники.

- Неприемлемо, - взревел он со своего места во главе строя наездников на мотыльках. – Совершенно неприемлемо. – Конда обернулся на запад, где основные силы его призрачной армии пытались нагнать его на полной скорости. Они прибудут сюда, на это проклятое место в считанные минуты. Успеет ли он остановить эту бойню?

Жалобный крик пронзил его слух, и Конда поморщился. Звук был одновременно чужим и знакомым, словно незнакомец пел новые слова в заученной наизусть песне. Прежде чем боль от резкого звука улеглась, Конда узнал в нем голос Похищенной.

Его глаза никогда не отрывались от нужного места, но теперь Конда повернул к своей цели лицо, тело, и всю свою душу. Там, вдали, где колонна света касалась небес. Она была там, в досягаемости его мотыльков. Она была так близко, что он уже чувствовал ее, так близко, что он мог спрыгнуть на землю и побежать к ней.

Наездники на мотыльках ответили на произнесенную команду их повелителя и поднялись над кронами деревьев, набирая скорость, стремясь к шпилью из света.

Быстрее, думал Конда. Быстрее.

Мотыльки перенесут его к его сокровищу. Его армия проследует следом, по пути сражаясь с мятежными соратами. Как только Конда вернет Похищенную, он триумфально перевезет ее обратно, и присоединиться к своим наземным войскам. Вместе они покарают зарвавшихся соратами и истребят их армию.

Чем ближе он подлетал к сверкающему белому лучу, тем более взволнованным он становился, и тем быстрее мчались его наездники на мотыльках. Конда положил руку на меч, напрягая каждую мышцу во всем теле. Я иду, думал он. Ты снова будешь моей.

Он на огромной скорости приближался к цели, и под ним Дзюкай превратился в размытое зеленое пятно.

Тоши увидел мотыльков, приближавшихся к нему, и обругал двойной груз его долга, и свое прямое упорство в уклонении от этого долга. Было бы так просто сейчас сбежать, если бы только Обьятьям Ночи не надоело спасать ему жизнь. Будет ли такая уж большая разница, если он просто сбежит через ближайшую тень, и позволит Конде забрать свое сокровище? Даймё мог бы побороться с О-Кагачи; пусть эти двое определят, насколько важным было то, что Похищенная проявляла признаки жизни и собственных интересов. Все, что потребуется от Тоши, это залечь на дно на год, или около того, а эти поистине важные существа смогут уничтожить друг друга и без его помощи.

Тоши поднялся на ноги и бросился к каменному диску. Бросить диск он все же не мог ... по крайней мере, пока что. Лучше водрузить его на мотылька, и поднять в воздух. Ему уже удавалось удрать от Конды и его наездников на мотыльках прежде, а с помощью Ночи он был уверен, что сможет это сделать снова. Он даже хотел повторить это снова, просто ради того, чтобы представить себе выражение лица Конды.

Похищенная все еще парила над его головой, поэтому Тоши положил руки на ее нижний край и толкнул. Что бы ни удерживало диск в воздухе, оно также позволило Тоши без труда передвигать его, не делая Похищенную невидимой. Так передвигать ее было даже легче и быстрее, поскольку так он мог использовать собственные мышцы для ускорения процесса.

Он быстро достиг мотылька и направил диск к крепежным ремням. Это будет рискованное бегство, но это, все же, будет бегство.

отец

Тоши замер, когда голос Похищенной эхом прозвучал в его голове. Когда звук растаял, вместе с ним погас и сияющий белый шпиль. Ослепленный, Тоши все еще продолжал щуриться. Та часть его тела, что была ближе к сигнальному огню Похищенной, ощущалась опаленной и уязвимой.

Его зрение вернулось в тот момент, когда он завершил затягивать последний узел. Он уже почти закинул ногу, чтобы оседлать мотылька, но что-то тяжелое, казалось, сдавило все вокруг. Он взглянул вверх, на приближение Конды, и увидел зловещие темные облака, хмурающиеся на востоке. Неужели так резко потемнело? Или шторм покрывал тенью весь Дзюкай?

Двенадцать пылающих солнц неожиданно зажглись вокруг того места, где световая колонна пронзила небо. Тоши замер с отвисшей челюстью, наблюдая, как О-Кагачи материализовался вслед за шестью парами глаз, одним махом явившись полностью, во всем своем величии. Шесть квадратных, рогатых голов ревели на массивных, раскачивающихся шеях. Его кольца образовали невообразимо огромное, сложное сплетение мышц, извивающихся под острой чешуей, а их основная масса заполнила половину небосвода до самого горизонта.

Тоши все еще стоял неподвижно, пораженный видом титанического чудовища, парящего столь близко. О-Кагачи раскрыл все шесть своих пастей и взревел. На востоке, мотыльки Конды начали свой спуск, тихие, но не менее грозные, чем древний змей.

Глаза Тоши метались во все стороны, осматривая небо. Сам Конда несся к ним, окруженный грозным сиянием. О-Кагачи разверз одну пару челюстей и также направил

голову вниз, к Тоши и каменному диску. На принятие решения оставались считанные секунды. Так или иначе, погоня за Похищенной заканчивалась здесь.

Или, неожиданно подумал Тоши, я могу сделать все по-своему. Он схватился за поводья мотылька и растворился в воздухе. Кожаные ремни привязи отделились от дерева и опали на землю. Затем Тоши обрел плотность, отстегнул ремни, и стащил их с мотылька так, чтобы кожаные путы остались прикрепленными к каменному диску. Он положил руку на поверхность Похищенной и потянул, направляя сокровище к ближайшему дереву.

Ты свободен, - сказал Тоши мотыльку. – Везучий ты ублюдок. – Он легонько прилепнул мотылька по спине. Тот всхлюпнул в последний раз и поднялся в воздух.

Тоши обеими руками сжал ремни вокруг Похищенной и покачнулся на них, как ребенок на качелях. Его вес потянул Похищенную вниз, так, что, когда он скользнул в тень у корней дерева, каменный диск втянулся в нее вслед за ним. Последнее, что он увидел, было разъяренное лицо Конды и широко распахнутую пасть, способную проглотить гору.

Затем он и его груз/пассажир полетели безопасно, в полном одиночестве, сквозь нескончаемый черный океан беззвучной тьмы.

* * * * *

Крик раздражения Конды был почти столь же громким, как и рев О-Кагачи, когда оба они увидели, как их сокровище исчезло вслед за Тоши в тени. К счастью для Даймё, его наездники на мотыльках были куда проворнее неповоротливых громадных колец О-Кагачи, и они мгновенно сменили курс, как только стало очевидно, что их цель исчезла. Древний змей был не столь маневренным и врезался в лес.

Земля взорвалась в раскаленной вспышке всепоглощающей энергии. Крайние наездники боевой формации мотыльков были разметены по небу, словно листья в тайфуне, хотя передние были лишь слегка задеты ударной волной. Эскортные наездники Конды наклонили его перпендикулярно земле, пока не вернули контроль над полетом.

Глаза Даймё утратили цель и маниакально метались по его лицу. Он скомандовал мотылькам развернуться, чтобы он мог сразиться с О-Кагачи – по крайней мере, он отомстит за нападение на Эйгандзё. За время, как формация развернулась на сто восемьдесят градусов, великий змей уже начал таять. Как только кошмарный змей исчез, яркий свет раннего полудня вновь залил небосвод.

Конда злобно сыпал проклятья. Сколько еще раз этот вор будет исчезать из-под самого носа Даймё? Сколько ему еще выслеживать сокровище, прежде чем он вернет его раз и навсегда? Он прилетел в самые отдаленные уголки своего королевства совершенно напрасно, и теперь он должен был продолжать, хотя результат его, скорее всего, ожидал такой же. Ему нужно было отыскать способ зажать этого человека в угол. Загнать его в положение, из которого он не сможет сбежать. Но как?

Глаза Даймё неожиданно рванулись к северо-западу и застыли в этой точке. Ярость Конды остыла, как только он ощутил присутствие своего сокровища. Он всегда оставался связан с ним, куда бы очимуша его не уносил.

Возможно, так он сможет, наконец, поймать Тоши. Пока что, видимое приближение его армии давало вору время подготовиться к бегству. Если Конда поведет гораздо меньший, незаметный отряд, полагаясь на скрытность и четкое ориентирование Конды на свою цель, он сможет без труда застать очимушу врасплох и сразить его. Открытый триумфальный марш всей его армии будет уже после того, как он вернет себе то, что по праву ему принадлежало.

Довольный своим новым планом, Конда выкрикнул своей пехоте, намереваясь приказывать им следовать за ним на расстоянии. В бешеной гонке за обладание

Похищенной, он забыл, что они уже были вовлечены в сражение. Жестокая ухмылка исказила губы Конды.

Вот где было место для демонстрации его полной мощи, здесь, в лесах Дзюкай. Соратами явились, ожидая бойни, и Конда позаботится, чтобы они получили желаемое. Мгновенно отвечая мыслям своего повелителя, наездники на мотыльках развернулись и устремились к последнему месту боевых действий армады.

Разрываемая войной поляна сильно расширилась под натиском соратами, прорезавшими и выжигавшими себе путь на восток. Лунные самураи все еще стекались со своих облачных колесниц, иногда выпрыгивая из них высоко над землей, и безопасно спускаясь, стоя ногами в белом тумане. Значительные силы новых орочи присоединились к сдающим позиции защитникам и выползли навстречу захватчикам. Грубый ближний бой кипел в несметных краях леса, с ошеломительным уроном с обеих сторон.

Орочи собрались в отряды, вместо того, чтобы поодиночке скрываться в засадах. Казалось, их организовывал один лидер, высылающий отряды змей против захватчиков, тщательно выверенными по времени волнами. Фронтальная линия его нападения состояла из яркоокрашенных орочи, которые сражались лишь своими длинными, острыми клыками. Они кусали и ранили передовых соратами, не стремясь убить их, но набрасываясь на любую часть их тел, до которых только они могли добраться. После каждого укуса, они втискивали свои гибкие тела глубже в ряды соратами, и кусали опять. Таким образом, они отравляли десятки соратами, не давая лунным воинам времени на ответный удар. Их яд был особо опасен, у каждого укушенного соратами чернела плоть и сжимались легкие. Десятки самураев падали наземь, нарушая грациозный строй и внося хаос в их слаженное нападение. Выбитые из ритма сражения захватчики теперь были уязвимы для следующей волны орочи, состоявшей из самых крупных и вооруженных змей, из всех, что когда-либо видел Даймё. У большинства было металлическое оружие, поднятое с трупов самих соратами, в каждой из четырех рук, и хоть они не были экспертами в искусстве сражения на мечях, они были способны нанести серьезный урон лунным воинам.

Оставшиеся змеи второй волны сражались голыми руками, но их руки были столь многочисленны и сильны, что соратами вскоре оказывались полностью заблокированными и неспособными продвигаться вперед.

Конда одобрил эту смену тактики. Лучше было держать их выбитыми из равновесия и использовать их количество против них самих. Так бы поступил он сам. Кем бы ни был предводитель орочи, он явно знал свое дело. Конда желал встретиться с ним после сражения.

Крупная облачная колесница спустилась с крон деревьев, окруженная густым синеватым туманом. Конда задумался, чем она отличалась от других, и когда он приказал своему эскорту приблизиться и взглянуть поближе, ответ стал очевиден.

Единственная женщина соратами воспарила из центра синей колесницы в мерцающих голубых одеждах и церемониальном головном уборе. Она подняла свои бледные, тонкие руки над головой, свела ладони, а затем резко развела их в стороны. Небольшое синее кольцо дыма образовалось между ее руками и начало вращаться.

Конда быстро приказал своим наездникам на мотыльках подняться ввысь, над кронами деревьев. Он удерживал синюю колесницу в поле зрения достаточно долго, чтобы увидеть, как волшебница соратами метнула кольцо из дыма вниз. Оно рухнуло, словно каменное. Синий дым испарился, и поднялся ураганный ветер, срывающий листья, и поднимая обломанные ветки в громадном облаке смерча. Вихрь набирал скорость и силу, увеличиваясь в толщине, направляясь на восток. Орочи на его пути пытались удерживать строй, пока их предводитель не зашипел, после чего они разделились, растворившись в кустарниках.

Синий циклон, приближаясь, вырывал деревья из земли, оставляя после себя глубокие борозды в земле. Жуткая облачная воронка бурилась вперед, разметая защитников леса и сминая широкую просеку в сплетении древних кедров.

Высоко в небе Конда молча наблюдал за смерчем, выказывая мысленное уважение тактикам соратами. Таким образом они, с одной стороны быстро продвигались сквозь густой лес, и с другой – отбрасывали орочи назад. Их мощная воздушная магия служила одновременно обеим этим целям, с дополнительной выгодой в виде разделения орочи на мелкие группы, которые было гораздо проще одолеть. К тому же, как только змеи оказывались вне видимости и слышимости своего полевого генерала, они возвращались к своей более комфортной, но менее эффективной стратегии единичных нападений на соратами.

Конда вытащил меч. К счастью для орочи, он был способен вдохновить свою армию вне зависимости то того, где они сражались, или против кого. По учащенному сердцебиению и звуку приглушенных боевых криков, Конда понял, что настало время ему покарать высокомерных соратами.

Первые призрачные воины Конды прорвались сквозь заросли на выжженное поле боя. Им не нужно было оценивать ситуацию, или формулировать стратегию, ибо Конда все это уже сделал. Без колебаний армия Эйгандзэ врезалась во фланг соратами, создав кошмарное облако из бледных конечностей и струй вязкой крови.

Конда направил свой эскорт вниз, как для того, чтобы лучше осмотреть ход сражения, и чтобы дать возможность наездникам на мотыльках поддержать пехоту. Теперь соратами столкнутся с армией, превосходящей их во всех отношениях: солдаты Конды были лучше натренированы, лучше вооружены, и были более агрессивными, чем лунные самураи. У них также был фактор неожиданности, и, с момента своего воскрешения, они были столь же сильны и быстры, как и соратами... возможно, даже быстрее и сильнее.

Неожиданное появление нового противника разрушило четкость формации соратами, нарушив все их боевые планы. Они пришли сражаться с дикими животными в лесу, а не с неистребимыми элитными войсками с десятилетиями опыта широкомасштабных боевых действий за плечами. Воины соратами оправдывали свою репутацию, сражаясь отважно и яростно с новыми войсками, но в исходе битвы сомнений не возникало. Изуродованные солдаты призрачной армии срезали их, как колосья пшеницы.

Сам Конда направил свой эскорт через выжженную поляну, кружа над синей облачной колесницей. Он видел в ней небольшую команду лунных воинов и магов в синих мантиях. Они всеми силами пытались увести свой туманный корабль подальше от кружащего отряда призрачных мотыльков.

Конда указал на них своим мечом. – Вы тоже будете наказаны, - произнес он.

Облака мерцающей желтой энергии образовались вокруг усиков мотыльков, подобные той, что удерживала Конду в воздухе между его эскортом. Энергия накапливалась и уплотнялась, пока каждая пара сверкающих облаков не слилась воедино. Затем, сотни силовых потоков устремились от гигантских насекомых к небесной колеснице искрящимися золотыми реками, наполненными гневными глазами яблоками. Глаза перекачивались и сталкивались между собой, но, достигнув голубой колесницы, они замкнулись на соратами на ее борту.

Глазные лучи впились в туман, и колесница взорвалась. Мерцающий золотой снег опустился на место убийства, и воздух наполнился скорбными стонами осажденных соратами.

Еще выше, среди самих облаков, Конда видел еще больше колесниц лунных воинов. Их ждет та же участь, жестокая и скорая. Под ним, на земле, его армия полностью окружила самураев соратами и находилась в процессе их измельчения. Вокруг не было никаких признаков орочи, но Конда счел это тактической осмотрительностью, нежели

трусостью: если призрачная армия одержит победу здесь, в Дзюкае оставалось еще множество мест, нуждающихся в их защите.

Конда повернул свой эскорт и еще одного мотылька на запад. Остальных он выслал вверх, разбить армаду соратами и продемонстрировать раз и навсегда, кто правил Камигавой.

На земле, небольшой отряд из двадцати призраков отделился от боя и проследовал вслед за тремя мотыльками Конды. Пока основная мощь его призрачной армии продолжит вытеснять соратами из Дзюкай, эти воины будут его почетным караулом, меньшей, менее очевидной силой, рассчитанной заставить Тоши врасплох.

Даймё мчался вперед, готовый вспороть своим телом сами воздушные массы между его почетным караулом и наземными силами. Он не желал потерять ни единой секунды и поклялся, что в следующий раз, когда он увидит Похищенную, она не выйдет из поля его зрения, пока он не вернет ее себе, желательно, через труп этого проклятого нищего.

* * * * *

Голос Объятий Ночи громом разразился в голове Тоши, спустя считанные секунды после того, как он вошел в мир теней.

ТОШИ, прогремела она, *ТЫ ОСЛУШАЛСЯ МЕНЯ*.

- У меня не было другого выбора, О Ночь. Мне пришлось выбрать одно из твоих пожеланий. Ты не желала, чтобы Похищенная была возвращена, и при этом, ты не хотела ее видеть в своих владениях. Я не мог исполнить оба желания, поэтому выбрал это.

Голос мёдзин стал мягче, но все еще звучал строго. *Твой выбор был не мудрым, мой в-скором-времени-бывший служитель. Исправь эту ситуацию немедленно. Убирайся, и никогда не возвращайся.*

Пустота вокруг них вскипела и забурилась. Тоши почувствовал поток движения и болезненный толчок, после чего он с размаху ударился о холодную твердую землю. Он услышал, как за его спиной Похищенная приземлилась столь же жестко.

Тоши быстро поднялся на ноги. Они все еще были в лесу, окруженные кедрами и папоротниками, но ландшафт отличался от восточного Дзюкай. Здесь все было больше похоже на западный край леса, ближе к цивилизованным регионам Эйгандзэ и землям кицунэ.

Прежде чем Тоши смог собрать все свои вещи, Объятия Ночи возникла перед ним на своей пелене из мрака.

- Ты больше никогда ее здесь не увидишь, - быстро сказал Тоши. – Клянусь честью, это было неизбежно.

Молчи. Я видела, чего стоит твоя честь. Мои благословения ни во что не ставятся, мое покровительство не имеет значения, если только оно не выгодно тебе.

- Ты ранишь меня, О Ночь. Я пытался просить тебя о наставлении, и ты не ответила.

И это служит оправданием тому, чтобы делать именно то, что я предупреждала тебя не делать? Разве я не наделила тебя силой? Разве я не вмешалась и не спасла тебя, когда ты был в руках своих врагов? И вот так ты отплатил мне.

Тоши пожал плечами. – Я был в отчаянии. Наделал ошибок. Прости меня, О Ночь, но я не вижу, чем навредил тебе.

Именно поэтому ты настолько сильно меня подвел, Тоши. Выражение мёдзин оставалось неизменно статичным, но ярость и раздражение сочились из ее фарфоровой маски. В моих интересах не привлекать к себе внимание О-Кагачи. Принеся эту вещь в мои владения, ты словно зажег свечу, которую он будет видеть теперь всегда. Пройдут

секунды, дни, или годы, и он придет. Это может занять века, но он будет помнить, что я была той, кто скрывал его пропавшее детище. Если он придет сюда, если он хоть обратит свой взор к этому месту, я буду страдать. И для моего восстановления потребуется гораздо больше времени, чем вся твоя жизнь.

Тоши попытался придумать изящный способ извиниться за свой проступок, или смягчить гнев Ночи, но прежде чем он заговорил, другой бестелесный голос примкнул к беседе.

выпусти меня

В голос мёдзин вкралась настоящая паника. *Что это было?*

Очимуша уставился на нее. – Вообще-то, это то, о чем я тебя хотел спросить. Она живая, - прокричал Тоши. – Что мне с ней делать?

Что ты наделал? Она связана с О-Кагачи; она питалась силой древнего змея. Если она пробудилась, мы все в ужасной опасности.

Тоши взглянул на поверхность каменного диска. Изображение змеи смотрело наружу, оба ее выгравированных глаза были замкнуты на Мёдзин Объятий Ночи. Ее хвост гневно бил из стороны в сторону.

Его зрение раздвоилось, и на мгновение Тоши увидел два каменных диска и две гневные змеи. Что-то тяжелое прошло сквозь все его тело, когда крошечная белая искра зажглась на поверхности Похищенной.

Острый, тонкий луч энергии выпалил из каменного диска. Он вонзился прямо в лицо мёдзин и пробил ее маску, покрывшуюся паутиной трещин, расходящихся от самого ее центра.

Объятья Ночи вскрикнула, но крик ее растаял в воздухе так же быстро, как и осколки ее маски. Тоши продолжал ошарашенно пялиться на пустое место, где только что находилась его мёдзин, пока проблеск движения не привлек его взгляд обратно к Похищенной.

На поверхности каменного диска, зародыш змеи втянула в рот свой длинный раздвоенный язык. Он с забавным шлепком исчез в ее выгравированной пасти, затем змея вновь приняла свою обычную позу.

выпусти меня сейчас

- Работаю над этим, - сказал Тоши. Он помолчал, осматривая окрестности в поисках знакомых ориентиров. Теперь у него оставался всего один путь, лишь одна группа, к которой он мог обратиться. И если они не убьют его на месте, то, вполне могли бы выслушать и попытаться ему помочь.

Леди Жемчужное-Ухо из кицунэ была рядом с Мичико с самого момента рождения принцессы. Поначалу, женщина-лисица служила ей из своей глубокой любви к Йошино, матери Мичико, погибшей вскоре после рождения дочери, но, по мере взросления девочки, Жемчужное-Ухо увидела, насколько незаурядной личностью могла стать принцесса, и поклялась быть ей наставницей и подругой, которой не смогла стать Леди Йошино.

Жемчужное-Ухо не видела себя второй матерью – она бы не желала оскорблять память Йошино, к тому же они принадлежали к принципиально разным видам. И все же, кицунэ считала себя членом семьи принцессы, но скорее заботливой и, возможно, слишком беспокойной тетушкой, нежели родителем. Она обучит Мичико всему, что она знает об этом мире, но принцессе самой придется прокладывать в нем собственный путь.

Здесь, в деревне кицунэ, беженцев Войны Ками, Жемчужное-Ухо поняла, что ее опека над Мичико подошла к концу. Несмотря на ужасы Войны Ками и знание о том, что их причиной было преступление ее родного отца, Мичико-химе расцветала в этой добровольной ссылке, на западном краю Дзюкай. Жемчужное-Ухо никогда прежде не видела принцессу столь уверенной, решительной, и целеустремленной. Она участвовала в каждом собрании совета кицунэ и делала частые (а иногда и пылкие) вклады в дискуссию. Жемчужное-Ухо гордилась про себя тем, как Мичико подавала тревожащие ее мысли, ибо именно тому, как объяснять, спорить, и обращаться к августейшему собранию, обучила ее она сама. Голос Мичико, как представительницы народа Эйгандзё, был страстным и желанным за столом.

Глаза Жемчужного-Уха светились от изумления. Некоторые члены совета открыто отмечали, единственную черту Мичико, отделявшую ее от истинного дипломата: ее слишком-человеческое нетерпение и жажду действия. В одной из бесед, Старейшина Шелковые-Глаза объяснила, что кицунэ всегда были более склонны наблюдать за ситуацией и медитировать над ее решением. Из всех существ, особенно людей, мир открывался лишь тем, кто уделял время на его познание.

Мичико вежливо поклонилась, но слова ее были остры. – Почтенная старейшина, - сказала она, – кицунэ живут сотни лет. Вы можете позволить себе медитации. Людям приходится действовать быстрее, иначе мы никогда ничего бы не достигли.

Шелковые-Глаза говорила мягко. – Отлично сказано, Мичико-химе. Тебе слово. Что ты предлагаешь нам делать?

В очередной раз Мичико покраснела и утихла в раздражении. Ответа не было. Гнетущее положение вокруг них не изменилось, и они все еще не могли повлиять на него. Выживание, само по себе, было большой победой.

Сейчас Жемчужное-Ухо наблюдала за тренировкой принцессы из-за широкого, плоского кедрового пня. Мичико вновь окунулась в обучение магических и боевых искусств, работая старательнее, чем когда-либо прежде, в Эйгандзё. Жемчужное-Ухо поддерживала это ради большей способности Мичико защитить себя, но также и для того, чтобы дать конструктивный выход ее раздражению. Жизнь в Дзюкай для Мичико была почти идиллией, здесь ее окружали ближайшие друзья и наиболее почитаемые старейшины, но Жемчужное-Ухо знала, что ее ученица была на грани срыва.

Изолированность и вина, которую она несла на себе за грехи отца, давили на нее, и она отзывалась на первобытное желание просто *двигаться*.

Мичико скакала галопом по длинной просеке, которую жители деревни расчистили в дальней части поселения. Боевые скакуны были редкостью среди беженцев, но пара солдат из кавалерии Конды с готовностью сделали вклад в обучение дочери их своего повелителя. Она была высокой и прекрасной, хотя и выглядела более жесткой и дикой в холщевых одеждах кицунэ, чем в своих текучих дворцовых платьях. Плавными, отточенными движениями Мичико выстрелила из лука шесть раз в шесть мишеней, несясь во весь опор по просеке. Три стрелы попало в яблоко, две во внутренний круг, и одна во внешний.

- Превосходно, - сказал Острое-Ухо, учитель принцессы в искусстве стрельбы из лука *йабусаме* и брат Жемчужного-Уха. Он стоял на вершине огромного поваленного бревна, отмечавшего внешний край скаковой просеки. Он был невысоким, жилистым, и быстрым даже среди лис, а задорные глаза на его короткой морде всегда были готовы игриво подмигнуть. Как и многие кицунэ, Острое-Ухо был хитрым и любил разыгрывать как друзей, так и врагов. По мнению Жемчужного-Уха, он был надоедливым проказником, которого следовало бы назвать «Острым-Языком» за его пронизательный ум и способность мгновенно овладеть любой ситуацией ... но он был верным другом и ценным союзником, хоть и невыносимым братом.

Острое-Ухо был своего рода мастером на все руки, экспертом во многих различных дисциплинах. Он владел магией лесов и полей, был умелым всадником, и невероятно метким лучником. Он усиленно тренировал принцессу в искусстве *йабусаме*, а сочетание его похвалы и частой муштры помогало Мичико добиваться прогресса гораздо быстрее, чем в случае с Жемчужным-Ухом. Если Жемчужное-Ухо была принцессе строгой, но заботливой тетей, то Острое-Ухо был ее веселым, потакающим дядей.

Последнее время беженцы постоянно обсуждали серию неожиданных гостей. Сперва, неизвестно откуда, появился Исамару, пес Конды и компаньон Мичико. Громадный бледный акита неожиданно вбежал в деревню, радостно лая на всех и каждого, пока не вышла Мичико, позвав его по имени. Исамару был обучен охоте, но его возраст уже начинал о себе знать. Это значило, что он уже не мог поймать кролика в Дзюкае, но был все еще безмерно счастлив броситься за ним в погоню. Некоторые из беженцев были солдатами из армии Конды, и расценивали пса, как сочетание амулета удачи и доброго знака. Пока он был с ними, они позволяли себе надеяться на лучшее.

Второй приток гостей был еще более поразительным. Почетный караул из кавалерии Эйгандзэ и самураи кицунэ, эскортировавшие Жемчужное-Ухо и Мичико в академию, считались погибшими в разгоревшейся там бойне. Спустя несколько дней, после того, как основной группе удалось бежать из Минамо, к ним присоединились и солдаты, наперебой рассказывая истории о кошмарной грубой силе и загадочном, молчаливом очимуше, перенесшем их в безопасность деревни.

Жемчужное-Ухо узнала в описаниях солдат Тоши Умезаву, и добавила его героические деяния в растущий список необъяснимых вещей, совершенных им в последнее время. В считанные недели он похитил принцессу, отразил от нее нападение орочи и их верховной мёдзин, убил одного из близких товарищей Мичико, освободил принцессу из-под домашнего ареста, и спас ее, когда огр и бони явились в Минамо. Теперь, по какой-то причине, он вернулся в академию, и у Жемчужного-Уха было сильные подозрения насчет этой причины.

Помимо самого Конды, Тоши был единственным человеком в Камигаве, притрагивавшимся к Похищенной, и он оставил ее в Минамо, когда спас оттуда Мичико и Жемчужное-Ухо. Должно быть, он вернулся туда, чтобы забрать диск, или чтобы воспользоваться его таинственной силой в собственных целях.

Жемчужное-Ухо не могла заставить себя доверять этому человеку, но Тоши оказал им огромную услугу, как, правда, и весомый вред. Он был наемником и приспособленцем,

и казалось, что он постоянно находился в шаге от катастрофы ... такой, что уничтожила бы его самого, и всех, кто был рядом с ним. Жемчужное-Ухо искала лучшее во всех, с кем она встречалась, но она опасалась, что амбиции и одиночество уничтожат Тоши гораздо раньше, чем он достаточно повзрослеет, чтобы перерастить их.

Острое-Ухо хлопнул в ладони. – Еще раз, - сказал он. – Еще один проход и закончим на этом. – Мичико кивнула и пришпорила лошадь назад по просеке, пока Рико и юные кицунэ меняли мишени.

Мичико достигла стартовой отметки, развернула лошадь на месте, принялась ждать сигнала Острого-Уха. Его так и не последовало.

Вместо сигнала, силуэт с длинными волосами, в черных одеждах возник на краю зарослей, ограждавших скаковую просеку. У него были яркие зеленые глаза, и он махал одной рукой, привлекая внимание принцессы. Вторая его рука была протянута в тень кедра за его спиной, но глаза кицунэ были достаточно острыми, чтобы увидеть то, что там скрывалось. Ладонь человека покоилась на крупном каменном диске, прислоненном к дереву.

Жемчужное-Ухо вскочила на ноги, но крики тревоги уже эхом разносились меж деревьев. Солдаты, охранявшие Мичико, плотно окружили ее спустя мгновение после появления гостя. Острое-Ухо спрыгнул с поваленного бревна и налету вставил стрелу в тетиву своего лука. Когда его ноги вкопались в землю, он уже держал вторженца на прицеле.

- Подождите, - выкрикнула Жемчужное-Ухо, узнав как человека, так и его поклажу. Ее брат и другие воины не опустили оружие, продолжая наступать, толи оттого, что они не узнали Тоши и Похищенную, думала Жемчужное-Ухо, толи потому что узнали их.

Очимуша поднял обе руки вверх, показывая, что он был не вооружен. Жемчужное-Ухо заметила, что джитта все еще болталась у него на поясе, но обоих мечей не было. Она была бы более уверена в себе, если бы его клинки были при нем, а инструмент для нанесения канджи, напротив, был потерян – магия символов Тоши была столь же опасной и разрушительной, как и он сам.

- Спокойно. – Тоши быстро осмотрел приближающихся воинов. Жемчужное-Ухо заметила в глазах мага канджи блеск, когда он узнал Острое-Ухо, но лицо Тоши заметно посветлело, когда он увидел ее, стоящую на своем пне.

- Леди, - выкрикнул он, маша рукой Жемчужному-Уху, - мне нужна Ваша помощь.

Тоши опустил одну руку и указал на Похищенную, чей край едва виднелся из-за ствола дерева. – А если Вы не желаете помочь мне, помогите себе. Взгляните. Вот, что стало с сокровищем Конды.

Жемчужное-Ухо всмотрелась своими острыми глазами в диск. Пару мгновений, она всматривалась в него, затем ахнула, заметив, как часть высеченной на нем змеи, шевельнулась.

выпусти меня

Тоши оставался в своей неуклюжей позе, широко демонстрируя Похищенную одной рукой и сдаваясь другой. – Видите? – сказал он.

- Сделайте, как он говорит. Опустите оружие. – Голос Мичико прозвенел из центра фаланги из солдат людей и самураев кицунэ.

Воины расступились, и Мичико легким галопом выехала вперед. – Этот человек, - она указала на Тоши, - работает на меня. Я посылала за ним. А за этот предмет, - она кивнула в сторону каменного диска, - я несу ответственность. Сенсей. – Она повернулась к Жемчужному-Уху. – Можем ли мы просить старейшин об аудиенции?

Жемчужное-Ухо кивнула. – Как пожелаешь, Принцесса. Ожидай здесь, и я соберу совет. – Прежде чем отвернуться, Жемчужное-Ухо встретилась глазами со своим братом. Кицунэ были очень чуткими, и читали язык тела столь же легко, как детский букварь. Она

и Острое-Ухо знали друг друга почти сотню лет, и могли передавать огромное количество информации едва заметным кивком или подергиванием лицевых мышц.

Не своди глаз с Тоши, и пусть охранники будут на чеку, сообщил понимающий взгляд Жемчужного-Уха.

Пренебрежительное выражение лица Острого-Уха явно и лаконично ответил, *А то без тебя не понятно.*

Леди Жемчужное-Ухо покинула Тоши, окруженного полудюжиной мечей и, по меньшей мере, таким же количеством стрел, и поспешила собирать старейшин.

* * * * *

Тоши ожидал чего-то большего от мудрого совета шаманов кицунэ. Три высохшие, тощие старые лисы попросту не оправдывали почтенного к ним отношения, которое они получали от окружающих. Тоши почти ничего не знал о кицунэ и терпеть не мог лес, но даже он знал, что у настоящих лисьих старейшин было несколько хвостов. Может, все, по-настоящему важные старейшины, были заняты где-то в другом месте.

Солдаты пристально следили за ним, но не стали хватать его за руки. Самый мелкий самец кицунэ, Острое-Ухо, первым делом отобрал у Тоши его джитту.

С тех пор, как Тоши оскорбил Объятья Ночи, он обнаружил, что больше не может растворяться и перемещаться сквозь тени. Канджи, дававшие эти силы были все еще видны на его руках, но они уже не функционировали. Кицунэ все же следили за ним так, словно он мог в любой момент исчезнуть, и Тоши решил держать их в этом неведении как можно дольше. Если они будут сторожить его так, словно он был призраком, они могут оставить другие пути для бегства обычному пленнику.

Поэтому Тоши сел на пень у края скаковой просеки, Похищенная приютилась в безопасности дерева неподалеку. По крайней мере, они прислушались к его совету и не попытались ее переместить. Три старейшины, Жемчужное-Ухо, и Мичико взобрались на поваленное бревно, у внешнего края тренировочной просеки. Жемчужное-Ухо представила всех, Тоши поклонился почтенным лисам, и рассказал им (с парой небольших упущений) о своем опыте за прошедшие пару дней.

Когда он закончил, они просто встали и обменялись многозначительными взглядами. Мичико выглядела хмуро и решительно, наблюдая за своей наставницей. Жемчужное-Ухо, в свою очередь, ждала реакцию старейшин, а Тоши оставалось лишь наблюдать за хозяевами деревни, смотрящих друг на друга.

- Мне кажется, вы не понимаете всю срочность вопроса, - обратился Тоши к Острому-Уху. Мелкий лис всегда был неподалеку. Казалось, у него была личная заинтересованность в пригляде за пленным. – День, два, в лучшем случае, и мы все окажемся в той же беде, из которой я сбежал на востоке.

Острое-Ухо продолжал пристально смотреть на Тоши, но все же тихо ответил. – Думаю, ты прав. Но они не стали бы старейшинами, если бы были глупы. Дай им шанс обдумать варианты.

- Какие варианты? – прошипел Тоши. – Она продолжает твердить «выпусти меня». В чем тут загадка? Она хочет выйти, так выпустите ее.

- Это не так просто. Еще нужно подумать, можно ли тебе верить.

- Все очень просто. Эта штука жива, это все видят. Если бы ты был заморожен во льду, ты бы хотел, чтобы кто-нибудь тебя оттуда вытащил, верно?

- К сожалению, мне приходится говорить из горького опыта. Да. Мне хотелось этого, когда я был заморожен, и мне хотелось бы этого снова.

- Еще бы. Что еще они вообще могут обдумывать? – Тоши взглянул на молчащих старейшин. – Они вообще что-то обдумывают? Похоже, они забыли, зачем они здесь.

- Молчи, - рявкнул Острое-Ухо. – Или проявляй больше уважения. Ты пришел к нам за помощью, помнишь?

- Потому что думал, вы будете знать, что делать. А вы знаете не больше моего.

- И что? Даже, если это так, что ты предлагаешь? Нам стоит вернуть диск тебе и отпустить своей дорогой?

- Хоть бы и так. Если вы, лисы, хотите сидеть здесь и размышлять о ее истинной природе, пожалуйста. Только не заставляйте меня ждать и наблюдать за вами. – Он взглянул в небо.

- Мы решили. – Произнесла старейшина в центре троицы. Тоши помнил, что ее звали Шелковые-Глаза.

- Это, - она указала на Похищенную, - живое существо. Все остальное – не более чем домыслы.

Тоши выкрикнул, - Это живое существо «домыслило» трех орочи в горстки пепла.

Шелковые-Глаза терпеливо улыбнулась. – Ты оставил змей, а вернулся к пеплу. Это не указывает на причастность существа.

- Конечно, указывает. Я так считаю еще потому, что она продолжает просить выпустить ее, а значит, она хочет, чтобы ее выпустили. – Он злобно повернулся к Острому-Уху. – Я думал, ты сказал, что они не глупые.

- Успокойся, друг мой. – Шелковые-Глаза протянула руки другим старейшинам, и они образовали цепь. – Мы попытаемся обратиться к существу. Ее голос нам уже известен. Нам лишь нужно, чтобы она услышала нас.

- Как скажете. – Сказал Тоши. – Слушайте, то, что вы предлагаете, не плохая мысль, но она не правильная. На востоке Похищенная зывала к «ее» отцу. Она выслала сигнал, и О-Кагачи ответил. Он появился и двигался гораздо быстрее, чем прежде. И я это знаю, потому что видел его в действии дважды. Сколько раз вы видели манифестацию великого духовного чудовища?

Отрезвленная тишина была ему единственным ответом.

Тоши кивнул. Его голос был спокойным и рациональным. – Она хочет выйти. Помогите мне придумать способ выпустить ее, прежде чем она призовет сюда О-Кагачи. Вы понимаете? Он придет сюда все равно, если существо начнет нервничать, она приведет его сюда в миг. Если мы дадим ей свободу, она сама решит, когда и где он ее найдет, и вообще, найдет ли. Она сможет уйти к нему, если захочет.

- При всем уважении, Тоши Умезава, мы бы хотели понимать последствия наших действий до их совершения. В последнее время необдуманные поступки стали причиной многих бед.

- Вы говорите о Даймё, - громко сказал Тоши. Он, наконец, добился того, чтобы Мичико оторвала взгляд от Жемчужного-Уха и смотрел ей в глаза, произнося эти слова. – Конда причинил вред этому существу и всему миру духов, когда выкрал ее. Когда заточил ее вот таким образом. Это богохульство обернуло духов против этого мира и стало прямой причиной Войны Ками. Если мы не искупим это ужасное злодеяние ... если мы не исправим эту ошибку, мы будем ничем не лучше того, кто ее совершил.

Мичико едва заметно кивнула, прежде чем снова повернуться к сенсею.

Острое-Ухо, стоя рядом с Тоши, неожиданно заговорил, - Очимуша прав, - сказал лис, побудив удивленное бормотание среди собравшихся. Острое-Ухо кивнул, - Насчет опасности, в смысле. О-Кагачи отправился за существом в Эйгандзё и проломил стены крепости. Он отправился за ней в Минамо, затем в Дзюкай. У нас есть все основания ожидать его появления здесь.

Шелковые-Глаза отпустила руки других старейшин и сунула ладони в рукава. – Ты предлагаешь, чтобы мы просто оживили ее до какой-то степени и бросили на произвол судьбы?

- Нет, старейшина. – Острое-Ухо неуютно поежился. – Но я считаю, нам стоит исследовать оба направления. Пока Вы с другими старейшинами будете связываться с существом, другие могут найти способ освободить ее из каменной оболочки.

- Отличная мысль. согласишься ли ты возглавить поиск способа освободить существо?

- Непременно, старейшина.

- Прекрасно. А мы продолжим по намеченному плану. Надеемся, наши усилия смогут облегчить вашу задачу. Существо сможет многое рассказать нам, если мы поймем, как ее об этом спросить. – Шелковые-Глаза повернулась к Жемчужному-Уху и пробормотала что-то, чего Тоши не расслышал. Затем три старых лисы легко опустились на землю и, взявшись за руки, сели на коленях вокруг Похищенной.

- Аудиенция завершена, - громко объявила Жемчужное-Ухо. – Старейшины желают остаться наедине с существом, поэтому все, кроме охранников должны покинуть поляну.

Тоши повернулся к Острому-Уху. – Я могу идти?

Мелкий кицунэ сделал театральный вид, что обдумывает его вопрос. – Полагаю, да, - сказал он. Он осторожно снял стрелу с тетивы и убрал ее в колчан. – Я также полагаю, кто-то должен поблагодарить тебя за то, что ты передал существо старейшинам. Они, вероятно, единственные во всем мире, включая тебя и меня, кто не попытается извлечь из нее выгоду для себя лично. – Он сделал быстрый кивок в сторону Тоши. – Спасибо, очимуша.

Тоши покачал головой. Он указал на Мичико-химе, сидящую на бревне. – Я принес ее не для старейшин, а для нее.

Острое-Ухо инстинктивно насторожился, его глаза блеснули, а мышцы напряглись. – Правда? Для чего?

- Сам знаешь. Между ними есть связь; они были связаны друг с другом с рождения. Они обе пришли в этот мир в одно и то же время, в результате действий Конды. Я решил, что все, что ей стоило сделать, это коснуться диска, и произойдет что-то важное. Тогда бы мы и поняли, что нам делать дальше.

- Звучит, как твой обычный план, - сказал Острое-Ухо. – Ворваться, перевернуть все вверх дном, и посмотреть, что разбилось.

- Какой ты остроумный. – Ухмыльнулся Тоши. – Полагаю, мне не разрешено подходить близко к диску, пока старейшины пялятся на него?

- Конечно, нет.

- Могу я поговорить с принцессой?

- Если она того пожелает. Но даже тогда, я буду рядом.

Тоши наклонил голову. – Боишься, что я снова стащу ее? Ни за что. Уже не осталось никого, кто дал бы за нее выкуп. Конде плевать, а у вас вообще денег нет.

- Я передумал, - сказал Острое-Ухо. – Тебе нельзя с ней говорить.

Толпа обтекала широкий пень, возбужденно перешептываясь. После того, как Жемчужное-Ухо дала инструкции охранникам, сторожившим Тоши, те опустили оружие и присоединились к остальным солдатам, выстроившим защитный кордон вокруг старейшин и Похищенной.

Тоши наблюдал за ними, пока последний солдат не отошел от пня как можно дальше. Затем обратился к Острому-Уху, - Я могу идти?

- Можешь идти.

- И я могу поговорить с принцессой? Она же сказала, что она все еще мой босс.

- Если она станет с тобой говорить, и вы оба будете на виду, то да. Только без фокусов.

Тоши опустил взгляд своих зеленых глаз на Острое-Ухо и принял самое серьезное и надежное выражение лица.

- Доверься мне, - сказал он.

Спустя час, Тоши застал Мичико-химе у скаковой просеки, направляющуюся от деревни.

- Мичико-химе, - позвал он. Когда высокая красавица повернулась, Тоши заметил, что рядом с ней стояла ее подруга Рико. Черт. Эта ученица лишь все усложнит.

Принцесса поклонилась. – Здравствуй, Тоши. Я надеялась, что у нас будет возможность поговорить. – Она представила Рико. – Ты помнишь мою подругу Рико из Академии Минамо?

- Да. – Тоши взглянул в злобные глаза девушки. Рико была привлекательной, в особом, миниатюрном школьном смысле, но по сравнению с Мичико она напоминала недоразвитого акки. К тому же, она, очевидно, не простила Тоши ни похищение Мичико, ни наказание Чорью, ни любое другое из myriad ужасных вещей, которые он делал на ее глазах.

Тоши поклонился Рико. – Приятно, как всегда. – Что было полной противоположностью правды – Рико была благодарна Тоши, когда он вытащил их из Минамо, но это был единственный раз на его памяти, когда она не пялилась на него с ненавистью в глазах.

- Ты не простишь нас, Рико? – Тоши поклонился еще раз. – Я бы желал поговорить с Мичико-химе наедине.

- Нет, - сказала Рико и скрестила руки, пальцы ее правой руки теребили лук, переброшенный через плечо.

- Рико, - сказала Мичико. – Как одолжение мне.

Ученица-лучница выглядела взволновано, и Мичико добавила, - Мы будем стоять на поляне, вон там. Если что-то произойдет, или ты потеряешь нас из вида, ты сможешь подбежать.

Внешне неубежденная, Рико сказала, - Я буду наблюдать за вами обоими. – Она прошла мимо Тоши, затем развернулась, скрестив руки на груди. Мичико позвала Тоши за собой, и они спокойно прошли к поляне.

- Я ценю то, что ты сегодня пытался сделать, - сказала она. – Старейшины осторожны, вероятно, чрезмерно осторожны, но они не позволят случиться ничему плохому.

- Они не смогут остановить это «плохое».

- Нет. Но я согласна, что они должны попытаться достучаться до существа, прежде чем мы сможем решить, что делать дальше.

Они подошли к поляне. Тоши остановился и сказал, - Правда? Потому что там, на суде, я готов был поклясться, что ты была согласна со мной.

- Это был не суд, - сказала Мичико.

- Прости. Я оговорился. Это так?

- Что, так?

- Ты была согласна со мной? Что мы ответственны за то, чтобы освободить Похищенную.

Принцесса замешкалась. – Да. Я хочу помочь искупить преступление моего отца. Это займет годы, возможно, десятилетия тяжелого труда, но первым шагом должно стать возвращение украденного.

Ты можешь заставить их прислушаться к тебе? Какое у тебя здесь влияние?

Она залилась грустным музыкальным смехом. – Боюсь, не большое. В Эйгандзё, я была узницей. В Товабаре, я принцесса. Но здесь, со мной обращаются не более чем с ученицей, при том, не особо преуспевающей.

Тоши нахмурился. – Ты значишь гораздо больше. Ты как-то связана с этим каменным диском. Я только что говорил Остроуму-Уху, что вы словно две сестры. Существо ... она все пыталась достучаться до меня, но я был напуган и не знал, что делать. Если ты протянешь ей руку, думаю, она ответит.

Мичико задумчиво кивнула. – Я чувствовала что-то между собой и этим существом. Но я решила, что это было лишь мое воображение, ощущение ... от того, что нам показали о ночи моего рождения.

- Это была ночь и ее рождения, - сказал Тоши. – Между вами двумя что-то есть. Думаю, если кто-то и должен пытаться пробиться к Похищенной, это должна быть ты.

- Я бы хотела быть больше вовлеченной. Я чувствую сильную личную...

- Тогда вовлекайся больше. Жемчужное-Ухо не может тебе ни в чем отказать. Острое-Ухо через раскаленные угли поползет, чтобы принести тебе миску риса. А Рико ... думаю, она сделает что угодно дважды, лишь для того, чтобы увидеть твою улыбку.

Мичико гневно помотала головой. – Эта лесть никак не...

- Это не лесть. – Тоши подошел ближе, став нос к носу с принцессой. – Это стратегия. Если ты хочешь сделать то, что считаешь нужным, то делаешь. Если твоя комната охвачена пламенем, ты либо ее тушишь, либо уходишь. Ты не спрашиваешь разрешения. Ты не ждешь одобрения. Ты просто идешь.

- Говорю тебе, эта деревня – твоя комната, а Похищенная – огромный пожар, который вот-вот разгорится. Не позволяй старейшинам остановить тебя от праведных действий, от того, что нужно сделать. Тебе нужен всего один шанс, и ты можешь все изменить. Попроси Жемчужное-Ухо и Острое-Ухо спросить у старейшин. Похищенная пробивалась к нам, но лишь ты можешь пробиться к ней.

- Иди, - сказал Тоши. – Иди к ней и слушай. Говори. Я провел с ней больше времени, чем кто-либо... кроме твоего отца. Я знаю, она хочет, чтобы с ней кто-то был. Кто-то, но не я, ни Даймё, ни кто-либо из тех, кого она до сих пор встречала. Я ей не подошел. – Он пожал плечами. – Может, подойдешь ты.

На мгновение Мичико показалась моложе, ранимее, как в тот день, когда Тоши впервые повстречал ее. Она открыла рот, чтобы что-то сказать.

- Для нищего, лживого головореза, - прозвенел голос Остроуму-Уха, перебив принцессу и эхом разойдясь по поляне, - ты почти красноречив.

Тоши устало закрыл глаза.

Мелкий лис спрыгнул из листвы над их головами, приземлившись на кончики когтистых пальцев ног. Острое-Ухо подался к подбородку Тоши и взглянул в лицо очумуши, ожидая, пока тот откроет глаза. Когда это произошло, он сказал, - Говорил тебе, что буду слушать.

- Сенсей, - сказала Мичико, - У нас с Тоши был личный разговор.

- Дела, - поправил Тоши. – Мы обсуждали дела.

- Ты уговаривал ее сделать что-то, что ты от нее хочешь.

- Нет. Я пытался выяснить, чего хочет она.

- И если кто-нибудь из вас спросит меня, - вспыхнула Мичико, - я отвечу, потому что я, вообще-то, стою здесь, с вами.

Острое-Ухо поклонился. – Простите, Мичико-химе.

- Если бы Вы, Острое-Ухо, спросили, или дождались бы моего ответа на вопрос Тоши, Вы бы знали. Я действительно считаю, что могу помочь в общении с Похищенной. В словах Тоши есть смысл.

- Я согласен. – Острое-Ухо быстро кивнул. – Принцесса, Вы связаны с существом. С этим я не спорю. Но взаимодействовать с ней может быть очень опасно. Вы с ней можете оказаться подобны противоположным полюсам магнита и естественным образом оттолкнуть друг друга.

- Я готова рискнуть. За мой народ, за всю Камигаву, и ради искупления грехов отца, я с радостью отдала бы свою жизнь.

- Это воистину благородно, Мичико, но поспешно. Вы должны поступать так, как считаете нужным, но, также, доверять старейшинам. Их мудрость превосходит человеческое понимание.

- Это слишком преувеличено, Острое-Ухо. Мудрость создается качеством и наполненностью жизни, а не ее продолжительностью.

- Прошу прощения снова. Я знаю, что Вам больше не требуется нянька, или служанка, или даже наставник. Но Вам все еще нужен добрый совет. Он нужен всем правителям. И прежде чем Вы ответите этому почти-красноречивому парню, дам Вам совет истинно красноречивого парня – ищите другого советчика.

- Кого, например? – усмехнулся Тоши. – Тебя?

- Меня, - сказал Острое-Ухо. – И Рико. И прежде всего, Леди Жемчужное-Ухо.

Тоши наклонил голову. Он мог одержать победу в споре с Острым-Ухом, но ему не удастся убедить принцессу, если ему будут противостоять и брат, и сестра вместе. Ему нужно было действовать быстро.

- Ворчливая растяпа? – сказал Тоши. – Она-то нам зачем?

Острое-Ухо помрачнел от гнева. – Ворчливая растяпа моя сестра.

- Ох. – Тоши пожал плечами. – Так зачем она нам?

- Когда такие люди, как мы, уверены в своей правоте, - сказал Острое-Ухо, - нам нужны люди, такие как она, для проверки. Она лучше нас, видишь ли. Если она согласится с нами, мы действительно окажемся правы. К тому же, если она согласится, то поможет. И она сделает так, чтобы в процессе пострадало наименьшее число людей.

Тоши сощурился, осматривая пронырливого мелкого лиса с новым уважением. – Ты на нашей стороне, не так ли? Ты же тоже считаешь, что она должна сейчас же поговорить в Похищенной.

- Считаю. Но также думаю, что все, что слетает с твоих уст – подлежит сомнению. Даже, когда ты говоришь правду, на нее положиться нельзя.

Тоши моргнул. – Вот это красноречие. Но если мы во всем согласны, почему мы спорим? – Он повернулся к Мичико. – В конечном счете, решать лишь тебе, принцесса.

- Мы спорим, - сказал Острое-Ухо, - потому что ты, похоже, подталкиваешь Мичико вести себя, как нищий вор очимуша, и исподтишка свести ее с опасным существом в попытке побеседовать. Я, с другой стороны, хочу, чтобы она посоветовалась с подругой всей ее жизни и наставницей, моей сестрой, которая часто бывает ворчливой и строгой, но никогда не была растяпой. Если Жемчужное-Ухо согласится, мы обратимся к старейшинам снова. Они все еще могут дать Мичико шанс.

- Если Жемчужное-Ухо согласиться, - повторил Тоши. – Она не согласилась, когда сидела на том бревне, и мы обсуждали все это. Почему ты думаешь, она согласится теперь?

- Моя сестра слишком благоговеет перед старейшинами, особенно при личном контакте. Но сама по себе она гораздо благоразумнее и прагматичнее. Я убеждал ее и на более легкомысленные действия. И, как ты сам говорил, Жемчужное-Ухо не может ни в чем отказать Мичико.

- Вы опять это делаете, - холодно сказала Мичико. – Разговариваете, словно меня здесь нет.

- Тогда говори ты, - сказал Тоши. – Чего ты ждешь?

Острое-Ухо поклонился. – Мы с ним болтуны, очимуша и я. Но теперь мы будем слушать. Что Вы желаете делать?

Мичико взглянула на Тоши, затем на Острое-Ухо, и обратно. – Я попробую поговорить с Похищенной, - сказала она. – Но я сделаю это лишь с поддержкой Жемчужного-Уха и позволения старейшин.

Острое-Ухо триумфально ухмыльнулся в сторону Тоши. – Хорошо. Тогда мы договорились.

Тоши кивнул. – Мне подходит.

- Превосходно. – Острое-Ухо хлопнул в ладони и бодро потер их. – Принцесса, может, возьмем с собой Рико и вернемся на тренировочную поляну?

- Как можно скорее, - сказала Мичико. – Мне не терпится услышать, что Жемчужное-Ухо думает обо всем этом.

* * * * *

- Ни в коем случае, - сказала Жемчужное-Ухо. – Старейшины планомерно продвигаются к цели. Они ожидают прорыва до рассвета.

- Рассвета может уже не быть, сестра. – Они стояли на одном краю огромного поваленного бревна, пока старейшины медитировали, читали заклинания и общались на другом.

Жемчужное-Ухо гневно взглянула на брата. – Разве ты не должен был придумать способ, как выпустить существо?

- Должен, и я этим занимался. Именно в достижении этой цели, я считаю идею очимуши достойной. Старейшины сами сказали, что общение с существом – это первый шаг. У Мичико-химе уникальное положение для этого общения. Если ей удастся пробиться к существу, мы сильно приблизимся к пониманию того, чего она хочет, и как мы можем ей помочь.

- Но опасность для Мичико...

- Я не боюсь, - сказала принцесса. – Я рада этой возможности.

Жемчужное-Ухо стояла в растерянности, пытаясь сформулировать еще какой-нибудь аргумент.

Острое-Ухо подталкивал ее. – Ну же, сестренка. Нет никаких причин ждать.

- Нет никаких причин для спешки.

- Для спешки есть все причины, - сказала Мичико. – Сенсей, Вы сказали, что старейшины ожидают прорыва. Думаю, мне удастся достичь его. Если старейшины позволят мне попробовать, возможно, ничего не произойдет. Я могу пострадать. Но, также, возможно, существо узнает меня по связи нашего рождения и ответит мне быстрее, чем старейшинам.

- Но гласное – мы узнаем это сразу. Результат старейшин будет нескорым, и неуверенным. Этот путь лучше.

Отчаянно выискивая хоть одно лицо поддержки, Жемчужное-Ухо повернулась к Рико, затем к Тоши. Ученица-лучница казалась подавленной масштабом обсуждения, но она всегда мыслила трезво и рационально. По выражению лица Рико Жемчужное-Ухо поняла, что и ее эмоции, и логика были на стороне идеи Мичико.

С очимушей дела обстояли иначе. Во время аудиенции со старейшинами он настаивал на прямых и быстрых действиях, но теперь он был растерян, напряжен. Неужели он действительно настолько опасался неожиданного появления О-Кагачи? Или же ему просто было некомфортно действовать открыто, когда его действия были всем видны, и любой мог судить о них.

- Тоши, - сказала Жемчужное-Ухо, - ты как-то притих.
- Думаю, мы все обречены, - сказал Тоши. – Думаю, мы уже потратили слишком много времени, и О-Кагачи может появиться в любую секунду. Либо он, либо Конда обрушатся на деревню и раздавят ее ради возвращения сокровища. – Он повернулся к Мичико. – Прости, Принцесса, но я это уже видел.

Мичико коротко кивнула, жестом позволяя Тоши продолжить.

- Существо по-разному реагирует на разных людей. Она позволила мне касаться ее, носить, и даже швырять ее. Она меня терпит, но не думаю, что доверяет мне. Для этого у нее нет причин.

- Но Мичико – другое дело. Думаю, если она коснется диска, если обратиться к ней, она ответит. – Он пожал плечами. – Вот и все.

- Но почему тебе это небезразлично? – сказала Жемчужное-Ухо. – Ты не узник. Ты можешь уйти отсюда в любой момент.

- Далеко уйти не удастся, - сказал Тоши. – Я был... ослаблен, после того, как спас вас из Минамо. Я больше не могу перемещаться так же, как раньше. Когда борьба за каменный диск начнется, я застряну здесь, вместе со всеми вами. Выпустить существо – это наша единственная надежда избежать великого змея и призрачной армии, поэтому, это моя основная цель.

Она также станет могущественным союзником. – В голове у Тоши вспыхнула картина, когда маска его мёдзин раскололась от единственного удара. – Я видел, как она делала потрясающие вещи.

Жемчужное-Ухо кивнула. Она была рада неподдельной искренности Тоши. – Хорошо, - сказала она. – Я поговорю со старейшинами. Если они согласятся, сможешь приступить немедленно. Но в этом случае, мы примем меры предосторожности. Мы со старейшинами будем стоять рядом, на случай, если тебе что-то будет угрожать, Мичико-химе. Я не позволю причинить тебе вред. Это ясно?

- Да, сенсей.

- Тогда мы договорились.

Острое-Ухо пригладил шерсть вокруг морды. – Когда ты пойдешь к старейшинам?

- Уже иду, - сказала Жемчужное-Ухо.

* * * * *

Старейшины согласились быстро. Тоши подозревал, что они уже давно достигли предела своих возможностей, и потому были рады любому поводу отойти в сторону. Правда, Жемчужное-Ухо привела им весьма весомые аргументы, поэтому, возможно, старейшины кицунэ были попросту переубеждены.

Как бы то ни было, Шелковые-Глаза и другие торжественно отступили назад, пропуская Мичико к диску. Тоши, Рико, Жемчужное-Ухо, и Острое-Ухо встали за ее спиной, пока старейшины зачитывали благословения Похищенной, приглашая ее выйти и быть услышанной.

Лицо принцессы было спокойным, но глаза выдавали ее волнение. Тоши пытался представить, о чем она думала, какие эмоции преобладали в ней. Страх? Вина? Гордость? Долг?

Тоши решил предложить ей хоть какую-то помощь. – Мичико-химе, - сказал он, - ты знаешь, как к ней подойти?

Принцесса бросила на него раздраженный взгляд. – В каком смысле?

- Как я говорил старейшинам, - сказал Тоги. – Она позволила мне коснуться ее и перенести через половину Камигавы, но набрасывалась на всех остальных.

- По твоим словам, - добавил Острое-Ухо.

- По моим словам. – Он повернулся к Жемчужному-Уху и указал на Мичико. – Можно?

Жемчужное-Ухо пристально взглянула на него, затем кивнула.

Тоши шагнул к принцессе и поклонился. – Дай мне руки. – Мичико протянула руки ладонями вверх. Нежно, почти благоговейно, Тоши по очереди взял их обними руками, повернул ладони вниз и широко растопырил ее пальцы, нежно касаясь ее собственными пальцами.

- Вот так, - сказал он. – Подходи медленно и клади обе руки на поверхность диска.

- Мне обратиться к ней до или после прикосновения?

- Я бы советовал, до. Не знаю, слушала ли она меня вообще, но попробовать стоит.

Когда ты коснешься ее, ты почувствуешь шок, почти, как если бы кто-то ударил тебя по рукам. Думаю, это все, что ты почувствуешь. Как только она узнает тебя, она будет готова говорить. И, думаю, мы все это услышим.

Мичико кивнула. – Спасибо, Тоши. – Наконец, она повернулась и взглянула на очумушу. – А если это не работает? Если она не станет говорить со мной, или даже нападет?

Тоши поморщился. – Давай сейчас просто надеяться на лучшее.

Жемчужное-Ухо шагнула вперед и сказала, - Старейшины закончили, Мичико-химе. Приступай, когда будешь готова.

Тоши отшагнул от Мичико и встал рядом с Острым-Ухом. Мелкий лис толкнул его и издевательски прошептал.

- Надеяться на лучшее? – усмехнулся Острое-Ухо. – Тебя нужно нанять мотивировать армии перед началом крупных сражений.

- Не видел, чтобы ты ее хоть как-то подбодрил.

- Мичико, - громко сказал Острое-Ухо, - не бойся. Мы верим в тебя.

Тоши саркастически фыркнул. – О, это гораздо лучше, чем «Надеяться на лучшее». Ты меня уделал.

- Тихо, вы оба, - сказала Жемчужное-Ухо. – Продолжай, Мичико-химе. Наши молитвы с тобой.

Принцесса грациозно прошла вперед по несмолкающее чтение старейшин кицунэ. Мягкий гул их голосов повысился в тональности, когда Мичико шагнула к диску и опустилась перед ним на колени. Она обратилась к нему, как к Похищенной, а затем, как научил ее Тоши, Мичико положила ладони на поверхность диска, по обе стороны выгравированной змеи.

Белый свет затрещал под ее ладонями, и ее спина выгнулась дугой. Сияние начало простираться по рукам принцессы, поднимаясь к плечам. От Похищенной повалил дым, и принцесса издала глубокий, болезненный стон.

Острое-Ухо и Жемчужно-Ухо метнулись вперед, как две стрелы, выпущенные одновременно из одного лука. Они были вдвое быстрее Тоши, но он встал так, чтобы не дать им достичь принцессы.

- Не прикасайтесь к ней! – Тоши бросился изо всех сил, но по сравнению с кицунэ он словно остался стоять на месте. Тем не менее, они услышали его и остановились на расстоянии вытянутой руки от принцессы и Похищенной, с мучительной тревогой в глазах.

Тоши подоспел и обежал диск так, чтобы видеть лицо Мичико. Глаза принцессы заволкло густой белой пеленой, и ее губы двигались, не издавая ни звука. Тон заклинания старейшин кицунэ, стоящих неподалеку, достиг своего пика.

Зубы Мичико сомкнулись, и она запрокинула голову назад. Каменный диск вибрировал под ее ладонями, и сияние становилось нестерпимо ярким. Затем принцесса резко опустила голову и уставилась прямо на Тоши сквозь затянутые пеленой глаза.

- Выпусти меня, - сказала она не своим голосом.

- Острое-Ухо, - сказала Жемчужное-Ухо, и ее брат прыгнул вверх. Он приземлился обеими ногами и руками на плечи Мичико, веса его компактного тела как раз было достаточно, чтобы оттолкнуть ее от диска, не причинив вреда. Рот Мичико широко распахнулся, когда Острое-Ухо толкнул ее назад, но ее руки были словно приклеены к диску. На мгновение они зависли в воздухе, Острое-Ухо, напирющий всем своим весом и силой, и Мичико, вцепившаяся в Похищенную. Диск затрясся под ними, выбрасывая потоки пара, света и какофонии. Весь лес начал трястись в ответ на движение и звуки, исходящие от Похищенной, поглощая всех собравшихся.

Затем связь между принцессой и Похищенной оборвалась, и Мичико рухнула на землю. Острое-Ухо свернулся вокруг плеч Мичико, смягчив ее падение собственным телом. Странный свет, мигнув, погас, когда руки Мичико оторвались от каменного диска, и Похищенная прекратила дрожать, вновь превратившись в безжизненный камень.

- Мичико, - вскрикнули одновременно Острое-Ухо и Жемчужное-Ухо.

- Пожалуйста, - произнесла принцесса. – Дайте мне встать, сенсей.

Острое-Ухо вскочил на ноги и поклонился, предлагая Мичико руку. Она не обратила на нее внимания и встала сама.

- Мы должны сделать то, что она говорит, - сказала Мичико. Она перевела взгляд от Жемчужного-Уха к старейшинам, затем к Острому-Уху, и обратно. – Она так разгневана, так напугана. Она ничего не может понять. Большинство kami сами решили манифестировать в физическом мире. Ее же вынудили это сделать. Ей потребовались годы, чтобы осознать значение слова «выпустить», потому что она никогда прежде не была заточена. – Она склонила голову перед Жемчужным-Ухом. – Мы должны помочь ей, сенсей.

Жемчужное-Ухо обняла свою ученицу, успокаивая ее нежной рукой. – Поможем, дитя мое. Поможем.

Острое-Ухо выдохнул и отряхнулся. – Что ж, это было и тревожно, и частично продуктивно. Мичико-химе удалось быстро пробиться к Похищенной. И она узнала что-то новое ... возможно, не самое полезное, но это неплохое начало.

Мичико отошла от Жемчужного-Уха и подняла руки. – Я хочу попробовать снова. Прошу Вас. Теперь она меня видела, слышала мой голос. Думаю, она расскажет нам больше, если я спрошу.

Жемчужное-Ухо покачала головой. – Старейшины...

- Погоди, - сказал Острое-Ухо. – Что это у Вас на руках?

Тоши тихо шагнул назад от каменного диска, пока растерянность окрасила лицо Мичико. Прежде чем он смог повернуться и сбежать, Острое-Ухо был уже рядом с ним с ножом у горла.

Голос лиса был холодным и зловещим. – Что ты сделал, Тоши?

Он улыбнулся, глядя на кицунэ. – То, что мы все договорились сделать, - сказал он. – Я лишь слегка ускорил события, вот и все.

Мичико стояла, разглядывая ладони. На каждой из них было нанесено по одному кровавому канджи. На левой ладони красовался символ «сестра», на правой – «единство». Растерянно, принцесса взглянула на Похищенную и увидела те же канджи, отпечатанные на поверхности каменного диска, в тех самых местах, где она его коснулась.

- Знаете, - сказал Тоши. – Я, правда, думал, это сработает.

- Что? – Острое-Ухо прижал нож глубже, прочертив тонкую красную линию на шее очимуши. – Ты думал, это сработает?

- Ну, я использовал старый бродяжий фокус, чтобы скрыть запах. Он рассчитан на то, чтобы снять с хвоста собак и других нюхачей, но здесь он сработал точно также. – Тоши медленно, чтобы не провоцировать Острое-Ухо, поднял руки и показал ему собственные чистые ладони.

- Ты хочешь сказать, это кровь? – Жемчужное-Ухо шагнула к Мичико, все еще стоящей беспомощно с протянутыми ладонями. Кицунэ склонила голову, осматривая

канджи. Затем она повернулась и гневно взглянула на руки Тоши. Ее голос звучал натянуто, пронизанный ледяным ужасом.

- Да, - радостно сказал Тоши. – Моя, вообще-то.

- Но почему? Зачем ты это сделал?

- Думаю, мы уже и так потратили слишком много времени на обсуждение. Какая разница? Все равно это не сработало.

Острое-Ухо зарычал. – Что не сработало? Что ты пытался сделать еще, кроме того, чтобы сунуть свою богохульную магию в дела, которые тебе не дано постичь?

- Они сестры, - сказал Тоши. – Мы договорились воссоединить их. Я пытался ускорить этот процесс.

К этому времени несколько самураев кицунэ уже окружили Тоши со всех сторон. Острое-Ухо не отводил ножа от его горла.

- Сестра, - сказал Острое-Ухо, - можно мне его теперь убить?

- Нет, братец. Свяжи его, и держи под присмотром. Сегодня от него больше сюрпризов не будет. Принцесса, я рекомендую...

Забывая всеми на время, Мичико вернулась к каменному диску. Она встала над ним с пустыми глазами и положила ладони поверх смазанных канджи на поверхности Похищенной.

- Тоши прав, - сказала Мичико. – Она моя сестра. И она должна быть свободна. – Мичико прижала ладони к камню.

Взрыв швырнул Тоши и Острое-Ухо о ствол толстого векового кедра. Нож лиса вонзился чуть глубже, чем хотел бы Тоши, но рана все равно была не серьезной. С положительной стороны, Острое-Ухо оказался зажат между Тоши и деревом, поэтому, от удара с двух сторон кицунэ едва не потерял сознание.

Тоши поднялся с оглушенного лиса и бросился назад, к месту ритуала. Он не успел увидеть, что произошло, но что бы это ни было, оно отшвырнуло Жемчужное-Ухо, старейшин, и даже Мичико, в разные стороны от Похищенной. Сам диск парил в трех футах над землей, вращаясь одновременно вокруг своей вертикальной и горизонтальной оси. Он яростно трясся, источая пар и сияние по всему контуру. Низкий гул слышался из камня, становясь все громче и интенсивнее с каждой секундой.

Инстинктивно, Тоши прыгнул за дерево, к которому был прежде прислонен диск. Через считанные секунды он услышал еще один взрыв, вместе с жутким треском. Он прижался к стволу кедра, чувствуя как град твердых, острых осколков вонзился в кору на противоположной его стороне.

Весь лес замер в тишине. Тоши выдохнул, собрался с духом, и выглянул из-за дерева.

Диска не было. На его месте стояла фигура, окутанная туманом и дымом. Она была высокой, человекоподобной, и неузнаваемой в густой дымке.

Повезло, мелькнула безумная мысль в его голове. Все-таки сработало.

Глаза Конды ни разу не дрогнули за день, поэтому он был уверен, что теперь уж раз и навсегда приближается к своему сокровищу. Чем ближе они подбирались, тем больше он ощущал присутствие Похищенной, и тем сильнее она взывала к нему. Он приказал наездникам на мотыльках лететь низко, едва не касаясь крон деревьев. Отряд его отборных солдат держался позади них в полусутках марша, двигаясь быстро без флагов и боевых криков. Вор никак не мог ни заметить, ни услышать их приближение.

Он все еще получал вспышки видений от своих воинов в восточном Дзюкае, образы и звуки, говорившие ему, что ход сражения с соратами оборачивался в его пользу. Большая часть орочи рассредоточилась по периферийным перестрелкам, но, благодаря тому, что армия Конды приняла на себя большую часть армады соратами, змеи значительно увеличили усилия по изгнанию лунных воинов со своей территории. Когда Эйгандзё будет восстановлен, Конда вышлет послов к змеям, особенно к племени орочи Каши на дальнем востоке. Его новое королевство будет шире, сильнее, и еще более разнообразным, чем прежде.

Неожиданно, резкая, режущая боль прошла по глазам Конды, и он вскрикнул от шока. Если бы он лично контролировал свое движение вперед, Даймё бы непременно рухнул на землю. Хоть его эскорт из наездников на мотыльках и встревожился неожиданным недугом своего повелителя, они не снизили скорость и не сменили направления полета.

Его необычное видение мира вдруг изменилось, перейдя от панорамных вспышек во всех направлениях, к образу единственного пейзажа перед ним. Даймё потребовалось мгновение, чтобы привыкнуть к этому изменению, и еще пару, чтобы осознать, что произошло.

Конда провел руками по лицу, подтверждая собственный страх. Его глаза стали нормальными, зафиксированными в своих глазницах. Даймё быстро проверил другие дары, полученные им от каменного диска. Он чувствовал себя молодым и сильным, и кожа на его руках не выглядела старой. Он все еще был семидесятилетним солдатом в пятидесятилетнем теле.

Также, он не утратил связи со своей призрачной армией. Он чувствовал их присутствие и высылал мысленные приказы, которым они повиновались беспрекословно. И наездники на мотыльках над ним, и почетный караул внизу продолжали двигаться, словно ничего не произошло.

Какой бы грязной магией очимуша не воспользовался, она каким-то образом оборвала его связь с Похищенной. Даймё все еще правил своей армией и оставался силен, но он более не мог сконцентрироваться на диске.

Конда невозмутимо проигнорировал жгучую боль в глазах и сосредоточился. Он знал, что был уже близок. Он знал, что следует в верном направлении. Если очимуша заблокировал доступ Конды к камню, то, вероятно, считал себя в безопасности и, скорее всего, будет оставаться на месте. Конда знал, что сможет отыскать его. И когда он его найдет, он планировал покарать Тоши настолько мучительно и долго, насколько тело вора только сможет выдержать.

Мрачный и решительный, Конда гнал наездников на мотыльках вперед.

* * * * *

Похищенная ровным, неторопливым шагом вышла из облака дыма и осколков камней. Будучи единственным, стоящим на ногах во всей окружающей местности, Тоши стал первым, кто увидел ее новый избранный образ.

Обнаженная, лишенная всякого стыда, она казалась половозрелой женщиной. Ее кожа была покрыта чем-то, похожим на змеиную чешую, от чего все ее тело переливалось каскадом мягких оттенков, смешиваясь друг с другом. Изгиб ее плеч был окрашен полосой насыщенного красного цвета, переходящего в горчично-желтый на талии, который, в свою очередь, перетекал в пыльно-зеленый на ногах. Ее черные волосы также отливали едва заметными оттенками, менявшимися в зависимости от направления света. Ее косы были коротко сострижены и топорщились, подобно львиной гриве, или драконьему гребню. Губы ее были темными, ядовито-зелеными, а глаза ярко желтыми с вертикальными оранжевыми зрачками.

Как и все духи из какуриё, она была окружена облаком парящих мелких аспектов, сопровождавших ее подобно верным слугам. В данном случае, Похищенная была окружена облаком миниатюрных звезд, сверкавших так ярко и отдаленно, словно на небе в безоблачную зимнюю ночь. Даже в мягком полуденном свете леса, звезды этого нового духа ярко сверкали и сияли.

Женщина замкнула взгляд ярких желтых глаз на Тоши, когда тот вышел из-за дерева. Несколько мгновений Тоши смотрел Похищенной прямо в лицо, осматривая и ожидая ее действий. Пока они с любопытством разглядывали друг друга, Тоши понял, почему женщина из диска казалась столь знакомой. Глаза, волосы, и кожа отвлекали его от утонченных скул, небольшого, идеального носика, и длинного, благородного изгиба шеи. Она была дикой, внушительной, и чужеродной, но, тем не менее, Похищенная была заметно похожа на Мичико-химе.

- Приветствую тебя, - мягко произнес Тоши. – Ты меня помнишь?

Похищенная моргнула. Она отклонила голову в сторону и вновь уставилась на Тоши своими гипнотическими глазами.

- Я свободна, - сказала она. Ее голос звучал хором из трех голосов, словно крик, песня, и шепот, слитые воедино.

- Свободна. Мы выпустили тебя, как ты того хотела. Меня зовут Тоши.

Похищенная казалась совершенно незаинтересованной концепцией имен. – Где это?

- Ты в уцushiё, материальном мире. Это о чем-нибудь тебе говорит?

Похищенная покачала головой. Она помолчала с озадаченным видом. – Как я теперь говорю? Почему я теперь двигаюсь?

- Ну, ты могущественный дух, - сказал Тоши. – Тебе это лучше знать, чем мне. Но думаю, это как-то связано с ней. – Он указал на принцессу.

Мичико частично пришла в себя от освобождения Похищенной. Она поднялась на колени, и теперь с открытым ртом смотрел на дикое отражение себя самой.

- Сестра, - произнесла принцесса.

Похищенная развернулась лицом к Мичико. Она подошла к принцессе, как крадущийся тигр, и взглянула в ее глаза.

- Сестра, - сказала она. Похищенная наклонилась и взяла Мичико за руки. Слезы накатились на глазах Мичико, когда она коснулась Похищенной. Сестры неуклюже обнялись поначалу, но, затем, прижались друг к дружке, и слезы принцессы скатились на спину Похищенной.

- Прости меня, - сказала Мичико. – Я никогда не смогу вернуть тебе то, что похитил у тебя отец.

Похищенная зашипела и отпрыгнула от Мичико. – Отец, - сказала она. – Где?

Принцесса пыталась успокоить Похищенную мягкостью голоса. – Его здесь нет. Я не знаю где он.

- Она говорит про О-Кагачи, - сказал Тоши. Упоминание древнего змея еще больше взволновало Похищенную, поэтому Тоши добавил, - Его здесь тоже нет, и нам хотелось бы, чтобы так все и оставалось.

Похищенная яростно покачала головой. – Отец, - сказала она, указывая на себя. – Отец, - она указала на Мичико. Затем она раскрыла свои зеленые губы и зашипела.

- Мне они тоже не нравятся. – Тоши шагнул вперед к двум женщинам. – Мичико, - сказал он, - важно, чтобы ты выяснила, чего хочет Похищенная. Так...

Похищенная зашипела снова, и Тоши попятился назад. – В чем дело?

Женщина со змеиной кожей обнажила клыки. – Отец называл меня «Похищенная».

- Она возражает, - сказала Мичико. Она протянула руку, чтобы погладить лицо сестры, но та отшатнулась, как разъяренная кошка. – Она не хочет, чтобы ее называли так, как ее назвал мой отец.

- Это легко исправить. У нее есть другое имя?

Мичико пару мгновений смотрела на свою обнаженную копию. – Нет, - сказала она. – Ей не нужно было имя, до того, как ее притащили сюда.

- Что ж, давайте все упростим. Как насчет, «Кёдай»? Это значит «родственник».

- Кёдай, - повторила Мичико. Она встала перед своим близнецом и коснулась своей ключицы. – Мичико, - сказала она. Затем, принцесса протянула руку и дотронулась до Похищенной. – Кёдай. Сестра.

Змееподобная женщина пару мгновений смотрела на Мичико. Затем, она кивнула и коснулась собственной груди. – Кёдай. – Существо впервые улыбнулось, явно довольное своим новым именем.

- Пожалуйста. – Мичико сняла с плеч верхнюю льняную накидку кицунэ и обернула ею Кёдай. – Подарок для тебя, сестра. – Кёдай подозрительно осмотрела ткань, но с помощью Мичико, смогла одеться. Она не была готова к званому ужину, но простое кимоно сделало ее менее вызывающей... по крайней мере, для Тоши.

- Итак, вернемся к делу. – Поклонился Тоши. – Добро пожаловать, Кёдай. Мы с Мичико хотим помочь тебе, и сделаем все, что сможем. Но, сначала, ты должна понять нашу ситуацию. – В этом месте Тоши заколебался, так как понятия не имел, как суммировать всю важную информацию так, чтобы Кёдай смогла ее понять.

- Мичико, - сказал он, наконец, - можешь рассказать ей, что нам угрожает?

- Не думаю, что это необходимо, - сказала принцесса. – Ей все еще не комфортно разговаривать, но я уверена, она знает гораздо больше, чем может сказать.

Тоши окинул взглядом поляну. – Она знает, почему мы единственные, кто пришел в себя? – сказал он. – Я не возражаю, но твои друзья как-то надолго задремали.

- Ты, - Кёдай указала на Тоши. – Я. Мичико. Мы говорим сейчас. Одни. Они. – Она указала на распластанные, спящие тела кицунэ. – Позже.

Тоши улыбнулся, чувствуя холодный ком в животе. – Ты держишь их в отключке?

Кёдай подумала над значением этих слов, и кивнула.

- Очень мудро, - сказал Тоши. – Я одобряю твое решение. Но я веду к тому, что оба ваши отца идут сюда. Конда желает вернуть тебя, как свой трофей, а О-Кагачи ... ну, я не знаю, чего он хочет. Но это определенно включает в себя твое обнаружение и уничтожение ландшафта. Что ты хочешь делать? Стоит ли нам убегать? Сражаться? Торговаться?

- Тоши, не торопись. Ты лишь запутываешь ее.

- Это цена свободы, принцесса. Груз принятия решений. Она должна понять, что все мы ... ты, я, она, все здесь в опасности. Я не знаю, может ли она погибнуть, но я могу.

Ты можешь. Мы все можем, и кое-кто из нас хотел бы предпринять шаги во избежание этого.

- Что бы ты предложил нам сделать? – сказала Мичико. – Ты бежишь уже несколько недель, и это ничего не изменило. Сражение кажется столь же бесполезным. Мы мало, что сможем сделать против великого змея или армии моего отца.

- Говори за себя, - сказал Тоши. – Я видел, как Кёдай без особых усилий отшвырнула верховного духа в сторону, и это еще когда она была неодушевленным куском камня. Я надеюсь, она способна на гораздо большее теперь, когда у нее есть собственное тело. – Тоши позволил себе еще раз взглянуть на это тело, все еще манящее его блеском разноцветной кожи из-под тонкого кимоно. Он всегда восхищался красотой Мичико, но в случае с Кёдай, она была таинственным образом еще более пьянящей.

Мичико строго скрестила руки. – Я бы не хотела, чтобы первым, что мы попросим у нее, была битва.

Высоко над их головами прогремел раскат грома, и Тоши замер на месте. Он осторожно поднял голову и увидел жуткий покров из черных облаков.

- Я бы тоже, - сказал Тоши, - но думаю, у нас уже нет выбора.

В считанные секунды небо превратилось из чистого и яркого в черное и зловещее. Огромные пылающие глаза парами распахнулись над горизонтом, сначала шесть, затем двенадцать, затем шестнадцать. Воспламененный неожиданным освобождением дочери, О-Кагачи, наконец, проявился полностью, громадным восьмиглавым змеем во всем своем невероятном величии. Спутанная масса голов и змеиных шей заполнила весь небосвод во всех направлениях, затмив солнце, облака, и все остальное. Единственный просвет в бескрайних змеиных кольцах располагался прямо по центру, ровно над тем местом, где стояли Мичико и Кёдай.

Весь остальной мир в буквальном смысле остановился. На далеком горизонте, тучи затвердели, превратившись в прикованные к небу валуны, тяжело висащие в воздухе. Падающие листья замерли в полете, крылья птиц застыли на взмахах. Манифестация великого древнего чудовища, казалось, лишила жизни и движения весь окружающий мир, от небес, до крон деревьев над головой Тоши.

Колени Тоши подкосились, когда все восемь голов О-Кагачи взревели, глядя вниз, в исступленной ярости. Он ощутил непреодолимый ужас и столь глубокую тоску, что почувствовал себя одинокой каплей в океане слез. Мир не заканчивался, он уже закончился, и его последнее разрушение было не более чем формальностью. Тоши взял себя в руки и подавил нарастающую панику. Он не мог бежать и не мог сражаться, но он, по крайней мере, встретить свою смерть с открытыми глазами. Тоши положил руки на бедра и злобно, и непокорно взглянул вверх, на О-Кагачи.

Давай, думал он. Ничто в обоих мирах не способно было противостоять тебе прежде. Он взглянул на Кёдай. Но она – кое-что новое.

Затем, подобно некому мрачному туману, великий древний змей начал опускаться вниз.

Кёдай обнажила клыки и злобно зашипела на титанический силуэт. Мичико взирала вверх в смиренном благоговении. Все ее предыдущие встречи с О-Кагачи происходили в видениях и снах, и в них появлялась всего пара его голов. Тоши разделял шок принцессы, но не ее бессилие. Он подбежал к Кёдай и схватил ее за плечи.

- Отзови его, - сказал он. – Ты призывала его к себе раньше, теперь его нужно отозвать прочь. Сделай это сейчас же, или твоя сестра погибнет.

Кёдай оторвала взгляд своих желтых глаз от О-Кагачи и замкнула его на Тоши. Она раскрыла рот, и ее раздвоенный язык вырвался наружу, остановившись в волоске от лица очимуши.

- Пусти, - прошептала она.

К Мичико вернулся дар речи. – Делай, что она говорит, Тоши. Она больше никому не позволит сдерживать себя.

Тоши еще секунду стоял, замерев, не мигая, смотря на острые концы змеиного языка Кёдай, мелькавшие перед его лицом. Затем он опустил руки и шагнул назад.

- Прости, - поклонился он. – Но я говорю правду.

Принцесса встала между Тоши и Кёдай. – Все так, как говорит Тоши, сестра. Ты вправе позволить своему отцу уничтожить меня. Это уравновесит то, что мой отец сделал с тобой. Но я не хочу умирать. Особенно сейчас.

Ярость в глаза Кёдай смягчилась. Она протянула руки и взяла ладони Мичико.

- Пойдем, - сказала Кёдай. – Мы приготовимся.

Воздух загустел вокруг сестер. Тоши заморгал, чтобы прояснить зрение, но когда взглянул снова, Мичико и Кёдай уже не было.

Над его головой О-Кагачи продолжал опускаться на лес всем своим бескрайним телом. Разбросанные по всей тренировочной поляне старейшины кицунэ, наставники, и солдаты продолжали спать. Мёдзин Объятий Ночи полностью игнорировала все молитвы с момента его прибытия в поселение кицунэ, и уж подавно не отвечала на них сейчас.

Тоши прошел между лежащими вповалку лисами, подталкивая их ногами. Некоторые, как Жемчужное-Ухо и ее брат, ворочались и стонали, словно готовые пробудиться. Но никто так и не поднялся, и Тоши вновь оказался ни с чем, ни на шаг ближе к спасению, зато гораздо ближе к О-Кагачи. Единственной полезной вещью, которую он подобрал за время обхода, была его джитта, которую он обнаружил на поясе у Остро-Уха.

Раздраженный и озлобленный, Тоши грузно опустился на землю. Он сел, скрестив ноги, и пассивно принялся вырезать джиттой небольшие борозды в грязи. Вот так, в итоге он не мог даже выдумать ни единого полезного символа. Хидецугу однажды сказал ему, что так все и кончится: Тоши останется один, брошенный всеми, и лишенный всех своих фокусов, перед лицом неминуемой расплаты. Тоши не обратил тогда большого внимания на это предсказание, полагая, что он будет очень стар к тому времени, как оно исполнится.

Я пытался, думал Тоши. Ирония состояла в том, что он действительно пытался сделать что-то полезное и правильное. Выпустить Похищенную, чтить желания Объятий Ночи ... он искренне пытался помочь другим, помимо себя самого.

О-Кагачи взревел опять. Тоши подбросил джитту вверх так, чтобы ее острие вонзилось в землю. Вот, думал Тоши. Вот, что я получил за моральность и духовную прилежность.

Мичико почувствовала, как исчезла, растворившись в мире, став частью всего, и при этом оставаясь отделимой и отличимой от него. Ощущение было пьянящим, но также удушающим и подавляющим. Она чувствовала себя рыбой в сосуде, который был того же размера, что и она: перед ней был целый мир, но он начинался и заканчивался в границах ее собственного тела.

Видишь, сестра, как я жила. Голос Кёдай звенел в голове Мичико, хотя принцесса не видела ее. До того, как я была перенесена в твой мир, я была вплетена в ткань обоих миров, словно нити в твоей одежде. Древний змей олицетворяет все в какуриё и уцушиё. Многие камни, которых ты знаешь, отделились от О-Кагачи, когда им была дана индивидуальность жителями твоего мира. Ваши молитвы могут придать духам назначение, а это назначение, дает им силу, индивидуальность.

Зрение Мичико померкло. Когда оно вновь прояснилось, она оказалась парящей в огромном пустом облаке из тьмы и постоянно меняющихся образов. Она увидела безграничное пространство мелькающей энергии и дрейфующих облаков сияющей пыли... эта сцена была ей знакома. Дважды могущественные духи показывали ей мир духов, его необъяснимое течение, бурлящее в сложном ритме, постичь который, было ей не дано.

Но какуриё казался каким-то другим теперь, когда ее проводницей была Кёдай. Присутствие ее сестры успокаивало Мичико, делая странное окружение более реальным, живым, и не таким давящим.

Здесь, сказала Кёдай, не существовало «Я». Не было никакой Кёдай, отделенной от ткани О-Кагачи. Все в обоих мирах является частью древнего змея, но ничто не могло сравниться в этом со мной. Ибо я была насильно вырвана из его сущности, не молитвами многих, но высокомерием одного. Я никогда не предполагалась быть отделенной, никогда не должна была обладать собственной индивидуальностью. Тогда, у меня не было ни собственных желаний, ни воли. У меня даже не было мыслей, требуемых для осознания этих неотъемлемых аспектов существования. Я была всецело подчинена и полностью ограничена и сдержана.

- Мне так жаль, сестра. Это звучит, как адское существование.

Оно не было ни адским, ни райским. Оно просто было. Я не знала ничего, кроме этого, поэтому не могла ни любить, ни ненавидеть это существование. Как могла я жаждать прикосновения твоей руки, если даже не знала о твоём существовании? Если я не знала о существовании руки, которой можно было коснуться?

Пустота вздрогнула и начала вращаться. Мичико видела прежде, как образовывался эта воронка – визуальное отражение преступления Конды.

А потом пришел он. Голос Кёдай звучал низко и озлобленно.

Сцена перед Мичико сместилась, перенеся ее из таинств какуриё в небольшую каменную комнату в башне ее отца. Конда был там с Генералом Такено и советниками Даймё из Оборо и Минамо. Они стояли вокруг пылающей жаровни, озарявшей комнату зловещим, синим светом. Над жаровней парил каменный диск с выгравированным изображением зародыша змеи.

Он выкрал меня из моего дома, оторвал меня от всего, что я о себе знала. Он дал мне индивидуальность без свободы, так, что я осознавала свое плачевное состояние, но была неспособна изменить его. Вот тогда, сестра, и начался ад. Если бы твой отец оставил меня в покое, я никогда бы не знала ни сожаления, ни злости, ни одиночества. Если бы он перенес меня сюда полноценным камнем, для служения с должным уважением и восхищением, я стала бы добровольной участницей великих событий физического мира. Я бы осыпала его таким количеством благословений, какое бы он только мог принять, на какое я была бы лишь способна. Ибо я была бы живой.

Но он не совершил ни того, ни другого. Он заточил меня в камень и оставил в сознании. Он сделал меня могущественной, но лишил выбора. Он создал меня индивидуальной сущностью, но использовал, как инструмент в своих целях.

Мичико вновь оказалась зажатой, застывшей, и неподвижной. Она смотрела сквозь искаженное окно на лицо своего отца. Залитые синим светом дикие глаза и безумная ухмылка Конды были самым страшным зрелищем во всей ее жизни.

Это лицо моего врага. Лицо твоего отца. Это то, что я видела двадцать долгих лет своего материального существования. Я никогда не позволю заточить себя подобным образом снова. Ты понимаешь меня, сестра?

- Понимаю, Кёдай. Он великий человек, но великие люди не всегда становятся хорошими отцами.

Вид изнутри каменного диска замерцал. Когда зрение Мичико прояснилось, она вновь смотрела на пустоту мира духов. Постепенно, Кёдай проявилась рядом с принцессой.

- А как насчет твоего отца? – спросила Мичико. – Мы понимаем, что Даймё Конда желает вновь пленить тебя, чтобы использовать ради славы его народа. Этого мы не допустим.

- Но что насчет О-Кагачи? Что сделает древний змей, когда отыщет тебя?

Кёдай взглянул в сторону, ее челюсть нервно подергивалась, в неосознанной имитации привычки самой Мичико. *Я опасюсь худшего.*

- Тогда, как и я, ты боишься, что он не только пленит тебя, - сказала Мичико. – Он сожрет тебя. Он поглотит, и станет переваривать твою индивидуальность, пока она вновь не превратится в продолжение его собственной. Он вернет тебя себе, чтобы залечить рану, нанесенную его миру, невзирая на твои желания. Невзирая на множество ран, которые он нанесет в процессе.

Голос Кёдай звучал мягко, едва ли не меланхолично. *Я призывала его из-за страха. Но я также боюсь и его самого. Всего этого нет,* она указала ладонью на губы Мичико и свои. *Ни языка, никакого обмена мыслями и тому подобного. Он олицетворяет все, и потому ему ничего не нужно. Значение имеет лишь его попечительство, создание границ между мирами духовного и материального. Это единственное, что им движет. Теперь я вижу, насколько он ужасен.*

Мичико взглянула мимо Кёдай, окинув взором весь какуриё. С ее ракурса ей были видны сами края мира духов, границы его пространства, вся его форма. Хотя его глубины оставались неизмеримыми, она чувствовала, что может протянуть руку и взять его, как некое редкое, экзотическое сокровище. Не это ли чувство испытывал ее отец? Видел ли он также истинную форму духовного мира, и мечтал ли о том, чтобы держать его, защищать и менять на свой вкус?

Кёдай действительно была ее сестрой, думала она. В их жизнях было так много параллелей. И, тем не менее, они почти ничего не знали друг о друге, они были неизвестны, возможно, даже непостижимы друг для друга. Кёдай обрела тело из плоти, а Мичико в виде эфемерного духа осматривала основы мироздания, но все это не было истинным пониманием. Они были лишь гостями в мирах друг друга, наблюдающими за течением чужой жизни. Мичико никогда не смогла бы постичь всю глубину кошмара обретения личности, лишь для того, чтобы провести двадцать лет медленного осознания,

что это личность беспомощного, замурованного узника. Кёдай никогда не поймет, как равнодушные Конды к Мичико было столь же жестоким и болезненным, как и его привязанность к каменному диску, и как его действия навсегда изменили течение ее собственной жизни. Они были зеркальными отражениями, связанными, идентичными, но отличными и отделенными друг от друга.

Их отцы довели их до этого. О-Кагачи существовал ради воплощения и укрепления барьера между уцушиё и какуруиё. Конда посвятил свою жизнь расширению своих владений, с целью присоединения к ним как можно большего пространства и как можно большего числа племен и народов. Каждый из них жаждал единоличной и всецелой власти над обоими мирами. Единственной разницей было то, что О-Кагачи жаждал сохранить существующие границы, а Конда желал изменить их в свою пользу.

- Мы должны остановить их, - сказала Мичико.

Кёдай повернулась к принцессе. *Согласна. Но как?*

- О-Кагачи изолирует оба мира друг от друга. Мой отец, как Даймё, делает то же с Эйгандзё, одновременно правя им, и окружающими его народами. Они оба контролируют движение между их владениями, также как и в пределах своих границ. Мы все были заключены в этих границах, но при этом мы не знали иной альтернативы. Без структуры, которую создали наши отцы, оба мира были бы другими ... более хаотичными и опасными, менее организованными и упорядоченными. Без ясных границ и барьеров, душа и плоть не смогли бы существовать.

Взгляд яростных глаз Кёдай стал затравленным и безнадежным. *Тогда, что же мы можем сделать?*

- Мы не можем просто сбежать от ищущих нас стражей. Как не можем уничтожить границы, ради усиления которых они существуют. Даже, если бы это было возможно, результат был бы катастрофичным.

Но мы можем перечертить границы. Наши отцы определили наши миры, но мы можем переопределить их. Это путь смертных, старики уступают дорогу молодым. Старое должно отступить перед новым.

Жесткость вновь прокралась в черты Кёдай. Лукавый, дикий взгляд мелькнул в ее глазах. *Тогда, сестра, ты хочешь сказать...*

- Мы можем сражаться. – Сказала Мичико. – Мой отец похитил и заточил тебя в камень до того, как ты начала по-настоящему жить. Гнев твоего отца всколыхнул Войну Ками, которая забрала жизнь моей матери и любовь моего отца еще до того, как я смогла познать их. Я стану бороться и с Даймё, и со змеем до смерти, прежде чем позволю им причинить еще больше вреда.

Кёдай улыбнулась, обнажив острые зубы. *Хорошо сказано. Знаешь, я чувствую то же самое. Но как ты станешь бороться? Как нам одолеть их?*

- Я не мудра и не сильна, - ровным голосом произнесла Мичико. – Но я решительна. Я хорошо владею луком и стрелами. Я могу метко стрелять во врага с большого расстояния. Возможно, у меня нет великой силы, зато у меня сильная воля.

Кёдай кивнула с необузданной дикостью в глазах. *У меня, в свою очередь, есть сила, сказала она. Нетронутая и неиспытанная. Но под твоим управлением, с твоей волей ... Женщина со змеиной кожей раскрыла объятья. Пойдем, сестра. Вместе мы покончим с этим. Не важно, выживем ли мы, или погибнем, мир уже не будет прежним.*

Без колебаний Мичико раскрыла собственные объятья и влилась в Кёдай. Здесь, в мире духов, их тела слились, словно воды реки, впадающей в море, бурные потоки воли Мичико смешались с приливом силы Кёдай. На мгновение они были полностью объединены, но различимы, превратившись в одно существо в четырьмя глазами, двумя ртами, двумя отцами, двумя жизнями ... но у обеих их была одна душа, и единая цель.

Затем сестры слились полностью, смешав разум, тело, и дух в одно трансцендентное целое. Накрытая обрушившейся волной воспоминаний и ощущений, которые не были, и не могли быть ее собственными, Мичико всецело отдалась этому

новому опыту. Последней сформированной мыслью ее прежнего разума, за мгновение до того, как он был сметен прочь, были слова, «Я ошибалась. Мы *можем* понять, каково это - быть друг другом».

Впервые в обеих их жизнях, Мичико и Кёдай, наконец, были восполнены и совершенны.

* * * * *

Острое-Ухо был первым, кто пришел в себя после того, как удалились сестры, но на ноги первой поднялась Жемчужное-Ухо.

- Привет, - радостно выкрикнул Тоши. Он все еще возил в грязи острием своей джитты. Он начертил длинный, сложный ряд символов, которые должны были позволить ему сбежать, но магия попросту не работала. Он пытался воспользоваться самыми примитивными канджи из всех, что он знал, но их сила для него была мертва, застывшая, как птицы и падающие листья.

Тоши указал пальцем вверх, где О-Кагачи уже коснулся крон самых высоких деревьев. – Скоро все помер.

- Духи милостивые, - проговорила Жемчужное-Ухо. Она бросилась вперед и схватила Тоши за плечи. – Где Мичико?

- И Похищенная, - добавил Острое-Ухо. Он подволакивал левую ногу, а его правая рука беспомощно свисала сбоку.

- Кёдай, - поправил его Тоши. – Она взяла это имя, поскольку не хотела, чтобы о ней думали, как о неодушевленном предмете. – Он выронил джитту и вывернул большие пальцы Жемчужного-Уха, освобождаясь из-под ее хватки. – Где Ваши манеры, сенсей? Я точно также расстроен, как и Вы.

Острое-Ухо проковылял к Тоши. – Можно мне теперь его убить, сестра?

- Можно, братец. – Жемчужное-Ухо спешно направилась к Леди Шелковые-Глаза и попыталась помочь старейшине сесть.

Тоши отпрыгнул в сторону, едва уклонившись от клинка Острого-Уха, просвистевшего у его шеи. Очимуша перекатился и, с джиттой наготове, присел на корточки, так, что теперь он был на одном уровне с мелким кицунэ.

Острое-Ухо сделал еще один выпад, целясь своим кинжалом в грудь Тоши. Очимуша легко отбил этот удар. Острое-Ухо сейчас двигался гораздо медленнее обычного – либо его душа не лежала к столь грязной работе, либо он перенес более серьезные раны, чем пытался показать.

Тоши наблюдал, ожидая, пока Острое-Ухо приготовится к очередному выпад. Он был готов отреагировать на атаку здорового кицунэ, на случай, если Острое-Ухо лишь притворялся раненым, но скорость мелкого лиса не увеличивалась. Тоши без труда поймал кинжал между зубцами своей джитты, когда тот метнулся в его сторону. Простым поворотом кисти, он сломал лезвие Острого-Уха не более чем в дюйме от рукоятки.

Тоши провернул джитту вокруг пальца. – Знаешь, она для этого и была создана, - сказал он.

Острое-Ухо нахмурился, оглядывая свое сломанное оружие. Не говоря ни слова, он выронил рукоятку кинжала и вытащил второй, столь же острый и все еще целый.

Тоши вздохнул, небрежно взглянул в глаза Острому-Уху. – Ну, давай, - сказал он. – Скорее всего, на мне нет скрытого канджи, который бы отразил удар твоего собственного клинка, направив его в тебя самого. Вероятно, тебе ничего не грозит, и ты можешь делать все, что захочешь. – Он угрюмо начал водить джиттой в грязи. – Возможно.

Острое-Ухо сунул нож за пояс. – Я знаю, что ты врешь, - сказал он.

- Тогда бей.

- Но я также знаю, что ты хитрый. Держу пари, что ты сможешь удрать отсюда, если сильно захочешь. – Он на мгновение взглянул вверх. – Я подожду, пока ты не попытаешься сбежать, прежде чем прирезать тебя. Так будет веселее.

- Хорошо, - сказал Тоши. – Нам всем не помешает хорошенько посмеяться через пару минут.

- Тоши, - выкрикнула Жемчужное-Ухо, сидя рядом с Леди Шелковые-Глаза. Должно быть, она учительница, подумал Тоши. Она отлично владеет этим железным тоном. – Если ты собираешься остаться здесь, среди живых, расскажи нам, где Мичико и...

- Кёдай.

- Расскажи нам, где Мичико и Кёдай.

- Они сбежали, - сказал Тоши. – Она вырвалась из каменного диска, выглядела точь в точь, как принцесса, только более дикая, и похожая на змею. О, и еще она была голой. – Он взглянул на Острое-Ухо. – Не считаешь это забавным, злобный клубок шерсти? Они ушли, а мы все еще здесь. Наконец-то и я оказался брошенным позади.

- Какая ирония, - признал Острое-Ухо. – Но забавным я бы это не назвал.

- Я тоже. Ну, так вот, - он повернулся к Жемчужному-Уху. – Они сказали, что собираются подготовиться.

Жемчужное-Ухо поднялась и вновь направилась к Тоши. – Подготовиться? К чему?

- Откуда мне знать? Никто мне ничего не рассказывает.

Лес вокруг них был таким же темным, как в полночь, бескрайнее тело О-Кагачи накрывало их, подобно зонту, размером в целый мир. Все кицунэ, оглушенные перерождением Кёдай, уже очнулись и теперь рыдали и молились в тени великого змея.

- Если она ушла, - сказал Острое-Ухо, - почему О-Кагачи все еще идет сюда?

- Я тебе кто, библиотекарь? Я даже не знаю, почему я все еще здесь. Когда речь заходит о необъятных древних чудовищах и их аппетитных голых дочерях, я знаю не больше твоего.

Острое-Ухо ошетинился. – Слушай, ты.

Воздух рядом с Тоши сгустился. Он инстинктивно взялся за джитту и откатился назад, подальше от источника искажения пространства. Он поднялся на ноги рядом с Острым-Ухом, и они встали плечом к плечу в нервном ожидании.

Это был тот же туман и дым, что сопровождал появление Кёдай, только теперь в густой пелене двигалось две размытые фигуры. Сестры одновременно вышли из тумана.

Мичико и Кёдай были одеты в кожаные доспехи с кованными металлическими пластинами поверх груди, бицепсов, и бедер. Доспех принцессы был выполнен в стиле Эйгандзё, с длинными рукавами, бамбуковыми эполетами, и белым заостренным шлемом. На плече у нее был длинный лук и кожаная перевязка на правой руке. Квадратный колчан был шириной с ее спину, и заполнен светящимися стрелами с белыми перьями.

Новая броня Кёдай была пыльно-серого цвета и сидела на ней, как влитая. Воротник был высоким, выше подбородка, и ее дикие глаза светились желтым светом в сгущающейся тьме. У нее не было оружия, но ее походка была уверенной и преисполненной силы. Обе сестры теперь были окружены облаком из звезд, которые сопровождали Кёдай, когда она впервые вышла из своего заточения.

- Привет. – Сказала Мичико. – Мы пришли положить этому конец.

Тоши выдавил из себя усталую ухмылку. Он ткнул пальцем вверх. – Будьте так добры.

Кёдай взглянула на О-Кагачи, мерно давящего кроны деревьев, опускаясь все ниже. Не отводя глаз от змея, она протянула руку Мичико. Когда принцесса взяла ее, Кёдай запрокинула голову и зашипела, от чего волосы на теле Тоши встали дыбом.

- Отец, - сказала Кёдай. – Наконец, мы встретились. – Она выронила ладонь Мичико и возвела руки к небу. – Обними меня, О-Кагачи. Я так долго ждала.

Мичико вытатила стрелу и вставила ее в тетиву лука.

- Мичико, - сказала Жемчужное-Ухо. – Что ты сделала?
Принцесса опустила лук. – Пока ничего, сенсей. – Поклонилась она. – Ждите и наблюдайте.

О-Кагачи был всего в сотне футов над землей, когда сестры взмыли ему навстречу. Это стало последней каплей в чаше удивления Тоши. Чтобы сегодня больше не случилось, его уже невозможно будет ничем удивить.

Звезды, кружащие вокруг них, вспыхнули огнем. Окруженные нимбами из резкого белого света, Мичико и Кёдай по плавной двойной спирали взлетали все выше, облетая зеркальные отражения друг друга. Несмотря на свою скорость, ярость и уверенность, обе женщины казались крошечными и незначительными на фоне могучих змеиных колец. Было похоже, что они взлетали на битву с самим небом, после того, как оно вырастило зубы и рога, готовые встретить их.

Тоши заметил, что трансформация Кёдай словно сбила у О-Кагачи его безошибочное чувство расположения Похищенной. Либо так, либо он просто не узнал дикую воительницу, только что бросившую ему вызов. Если и узнал, то все равно продолжал опускаться ей навстречу, как он поступил бы с любым другим противником. Тоши надеялся на то, что между двумя могущественными духами произойдет какой-то знак взаимного признания, но его надежды быстро развеялись. Это не особо его удивило; семейные отношения часто бывают сложными.

Мичико первой нарушила строй, подлетев под самую нижнюю из голов О-Кагачи. Как она и рассчитывала, голова повернулась в ее сторону и щелкнула массивными челюстями. Мичико была слишком быстрой, и без труда выскользнула из зоны поражения исполинских клыков.

Голова О-Кагачи испустила рев вслед принцессе, пока все остальное тело древнего змея неуклонно опускалось все ниже. Огромные мышцы шеи чудовища напряглись, и змеиные челюсти в мгновение ока настигли Мичико. Она исчезла за массивной, квадратной головой, но, скорее позволила себе упасть ниже броска змея, чем попыталась отлететь от опасности. Как только она показалась под нижней челюстью О-Кагачи, Мичико взмыла вдоль его шеи, целясь из лука в другую голову, возвышавшуюся над краем леса.

Кёдай летела все выше, словно ракета, направляясь к самой верхней из голов змея. Две другие головы нападали на нее по пути, щелкая зубами и пытаясь сбить ее плотно сжатыми челюстями. Она уклонялась, кружа вокруг центральной шеи, ловко уходя от выпадов атакующих голов. Они не могли поймать ее, не могли нанести ей вред, или остановить ее. Она была подобна прекрасной боевой песне, ожившей в небесах над Дзюкаем.

Неожиданно, О-Кагачи подернул мышцами шеи, по которой поднималась Кёдай. С ракурса Тоши, это движение было едва заметным толчком, но при столь титанических размерах, даже легкий толчок мог быть сокрушительным. Кёдай была отброшена в сторону с дикой силой, и она, светясь, устремилась к земле, словно падающая звезда.

Мичико как раз натягивала тетиву, когда Кёдай была выбита с небес. Принцесса выпустила стрелу и сменила направление, метнувшись на перехват сестре, прежде чем та рухнула бы на землю. Судя по ее скорости, Тоши не сомневался, что она подспеет вовремя.

Стрела была столь же странной, как и выпустившая ее воительница. Ее полет начался нормально, устремившись к необъятным канатам змеиных колец О-Кагачи. Примерно на половине пути к цели, стрела зажглась ярким, сверкающим светом, окрасившим громадные пластины чешуи змея красноватым огнем. Древка и белых перьев видно уже не было – стрела Мичико превратилась в сияющий заряд чистой, алой энергии.

Красная стрела пробилась сквозь кожу О-Кагачи и исчезла под змеиной чешуей. Струйка густой, черной жидкости брызнула из раны. То, что текло в жилах О-Кагачи, не было кровью, но странными темными миазмами, которые Тоши казались сгустками пустоты, окруженными потоками теней. Плотное облако быстро развеялось, удаляясь от змея, но пятна пустоты остались висеть в небе.

Затем рана набухла и вскрылась, когда магический заряд, вызвавший ее, взорвался.

О-Кагачи взвыл и затрясся, но Тоши видел, что ранен он был не критично. Выстрел Мичико создал дыру в человеческий рост в шее змея, но для столь громадного чудовища, эта рана была не более чем крошечным уколom.

Тоши взглянул в сторону сестер, и увидел, что Мичико и в самом деле остановила падение Кёдай. Обе воительницы сомкнули руки и метнулись к ближайшей голове. За ними стелился сверкающий белый след, который медленно развеивался и оседал, подобно снегу. Они сменили курс, как только другие головы начали приближаться к ним, повернулись, а затем пробились сквозь плотную чешую на змеиной шее под ними.

Казалось, время замедлилось, когда сестры исчезли в теле О-Кагачи. Одно дело было наблюдать за тем, как магический заряд энергии входит в толстую кожу титанического монстра, и совсем другое – видеть, как это проделывают сами сестры. Тоши не сводил глаз с раны, образованной входом Мичико и Кёдай, молясь, чтобы они поскорее вышли обратно. В любую секунду, говорил он себе. В любую секунду.

Тоши открыл в себе новый запас удивления, когда сестры вырвались наружу с противоположной части толстой шеи О-Кагачи. Громадные куски мышц и мяса вылетели вместе с ними, вместе с волной тошнотворного тумана из тьмы и пустоты. Из мрака появились Мичико и Кёдай, все еще без единого повреждения, сверкающие, и агрессивные.

На этот раз О-Кагачи взревел по-настоящему, и этот рев боли был гораздо кошмарнее, нежели когда он был разъярен. Наконец, древний змей прервал свой спуск и направил все свое внимание на быстрых насекомых, продолжавших жалить и досаждать ему.

Все восемь змеиных голов теперь повернулись и объединились против сестер. Преследуемые со всех сторон, Мичико и Кёдай были вынуждены разделиться. Казалось невозможным уклониться от такого количества быстро двигающихся голов – О-Кагачи был настолько огромен, что не находиться у него на пути было крайне сложно.

Но сестры безупречно двигались в унисон, используя размеры змея против него самого. Они были мелкими для него, и достаточно быстрыми, чтобы уклоняться от его выпадов на расстоянии, но они были еще более эффективны на близком расстоянии. Они вместе кружили вокруг его шей и мелькали между колец так, что он не мог атаковать их, не задевая себя самого. О-Кагачи был слишком стар, чтобы нанести себе серьезные повреждения таким образом, но Тоши видел, как его головы врезались в кольца и другие головы, в попытках раздавить этих раздражителей о собственное тело.

Из спутанного клубка из чешуи и колец, поднялись две головы О-Кагачи. Они потянулись к центральной массе змеиного тела, где Мичико и Кёдай кружили, словно пчелы над ульем. Мичико прекрасно управлялась со своим луком на лету, посылая стрелу за стрелу из красного огня в кожу О-Кагачи. Кёдай также нападала каждый раз, когда приближалась к телу змея, хотя Тоши не видел, как именно она это делала. Скорее всего, она орудовала голыми руками, или зубами, ибо каждый раз, когда она касалась чешуи О-Кагачи, она оставляла после себя сверкающие звезды и длинные, рваные раны на его коже.

Пока сестры продолжали жалить его, коварный древний змей сделал неожиданный выпад. Он бросился к обеим женщинам двумя свободными головами так, что одна следовала с небольшим запаздыванием за второй. Обе сестры уклонились, но О-Кагачи изменил траекторию запаздывающей головы и пересек полет Мичико, благополучно увернувшейся от первого выпада.

Удар был скольльзящим, но достаточно сильным, чтобы разбить лук Мичико и подбросить принцессу высоко вверх. В одно мгновение она исчезла из вида, заброшенная так высоко, что Тоши уже начал сомневаться, что она сможет вернуться.

Ранение Мичико отразилось на Кёдай, хотя Тоши не мог понять, ощутила ли она ту же силу удара, что и принцесса, или просто была шокирована его мощью. Какой бы ни была причина, Кёдай замерла на долю секунды, пытаясь проследить траекторию полета Мичико. О-Кагачи выгнул одну из шей под Кёдай и стремительно поднял голову, широко разверзнув могучие челюсти под сестрой принцессы. Кёдай исчезла за жуткими зубами и пропала в сомкнувшейся пасти змея.

Тоши стоял совершенно потрясенный, осознавая, что последняя, тончайшая нить надежды оборвалась. Сестры не смогли стать серьезной угрозой для О-Кагачи, но они продержались против него дольше, чем кто-либо другой. Пока они были живы и активны, Тоши смел рассчитывать дожить до следующего дня. Теперь, когда Кёдай переваривалась, а Мичико была на полпути к луне, ничто уже не могло остановить О-Кагачи от уничтожения всей Камигавы, начиная с того места, на котором сейчас находился Тоши.

Его худшие страхи осуществились почти мгновенно. Шея головы, проглотившей Кёдай, выпрямилась, повернулась, и метнулась вниз, к лесу. Оставшиеся змеиные головы отделились друг от друга и основной массы колец, снова окружая деревню кичунэ. Битва, должно быть, разгорячила кровь О-Кагачи, поскольку теперь он снижался тревожно быстро.

Неожиданно, ведущая голова, проглотившая Кёдай, вздрогнула и замерла, не достигнув подножия леса. Она дернулась в спазме, раскачиваясь из стороны в сторону, затем дико затряслась, словно мокрая собака. На столь близком расстоянии, Тоши видел широкие, похожие на крылья, плавники на затылке змея, и кошмарный пустой взгляд его громадных глаз.

Голова дернулась в последний раз, и, затем, ее челюсти резко распахнулись. Кёдай пробивала себе путь, окруженная еще большим количеством звезд. Тоши слышал ее дикие выкрики, эхом расходящиеся в небеса. Она оставила перекошенную челюсть змея беспомощно свисать сбоку, и его язык гротескно вывалился из его разинутой пасти.

Дрожь от ярости и боли прошла по всему телу О-Кагачи. Искалеченная голова болталась и тряслась на своей длинной шее, пока остальные головы раскрыли пасти и оглушительно взревели. Продолжая реветь, О-Кагачи оправлялся от раны, поворачиваясь к Кёдай и начиная охотиться на нее снова.

Кёдай не стала ждать. Она метнулась вверх, взмыв в небо за Мичико. Тоши едва не закричал ей вслед, но ему не стоило беспокоиться. Теперь, будучи раненым, О-Кагачи сконцентрировался исключительно на своей дочери. Древний змей даже не взглянет в сторону леса, пока не отомстит за свою рану, и не пресечет любую возможность ее повторения.

Он неуклюже поднялся вверх, следом за Кёдай, но спустя мгновение она вернулась сама с Мичико на руках. Принцесса казалась обмякшей, без сознания, но Кёдай парила со своей ношей, непокорно взирая в глаза О-Кагачи. Одно невероятное, жуткое мгновение противники оставались неподвижны, одна из голов О-Кагачи не сводила глаз с сестер, и Кёдай мрачно взирала в его глаза. Взаимообмен между этими невероятными существами был непостижим для Тоши, но было ясно, что если О-Кагачи не узнал свою дочь прежде, то теперь узнал в ней своего заклятого врага.

Кёдай издала нечеловеческий крик и подбросила Мичико к небу, подальше от предстоящей схватки. Она бросилась вперед, навстречу широко распахнутым челюстям О-Кагачи, несущимся к ней на крыльях могучих мышц и ярости.

Тоши хотел увидеть столкновение, но его глаза сами мелькнули к падающей фигуре Мичико-химе. Он был профессиональным притворщиком и обманщиком, чтобы узнать хитрость с первого взгляда. Кёдай только что бросила сражение, чтобы отыскать сестру, поэтому отбрасывание ее в порыве злости либо означало, что Кёдай вышла из себя, утратив самоконтроль ... либо, что она что-то задумала.

Он был вознагражден, когда Мичико вернулась в полное сознание в то мгновение, когда Кёдай и О-Кагачи врезались друг в друга. Бывшая Похищенная ударила в морду О-Кагачи, словно та была слеплена из мягкого теста, и его затылок вжался в шею. Дикарке досталось больше, поскольку масса О-Кагачи была несоизмеримо больше ее. Она выломала два его зуба и разбила в кровь его нос, но сама Кёдай была отброшена назад на страшной скорости.

Тоши обратил внимание, что все места, куда наносили удары сестры, были покрыты звездами. Сломанная челюсть О-Кагачи, порезы на шеях, и зияющие дыры в его шкуре кишели светящимися точками и пустотой, но звезд было больше. Как запекшаяся корка, образующаяся поверх заживающей раны, звезды, казалось, перекрывали и защищали урон, нанесенный сестрами. Было ли это частью их плана?

Завороженный, Тоши потряс головой и быстро взглянул на Мичико. Принцесса парила в своем белом ореоле, вытянув руку, в которой прежде держала лук. Полупрозрачный свет звезд, окружавший ее, перетек в ее руку, обрел плотность, и затвердел. Туман заискрился, и в следующий миг Мичико уже держала новый лук из белого дерева. Не теряя ни секунды, она воспользовалась новым оружием, и одним плавным движением вложила стрелу в тетиву и выстрелила.

На этот раз стрела обернулась ярким зарядом белой энергии. Светящийся заряд вонзился в макушку головы, которую только что оглушила Кёдай. Вместо того чтобы пробить кожу змея, или войти глубоко в его мясистую плоть, стрела, казалось, растеклась по поверхности чешуи О-Кагачи. Светящееся белое пятно затвердело, окутывая змеиное тело под собой в камень – Тоши слышал, как трещали твердеющие чешуйки даже со своего расстояния.

В считанные секунды голова и большая часть шеи змея были заточены в каменный плен. Тоши видел, как мышцы под окаменевшей массой пытались удерживать голову навесу, прежде чем сами не были поглощены белой пеленой. Не испугавшись участи одной из своих голов, О-Кагачи бросился остальными головами к Мичико.

Кёдай вернулась до того, как они успели атаковать принцессу, мелькнув, словно молния к окаменевшей голове. Она была подобна кричащей хищной птице, вновь подлетев к морде змея.

Грохот столкновения звучал так, словно раскололась целая гора. Громадные струи белой пыли вырвались из облака окаменевших обломков. В центре этого пыльного облака мерцали миллионы звезд. Все остальные головы змея отпрянули в стороны и взвыли, наполнив воздух неописуемым воплем боли и ярости.

Тоши поднялся с земли. По каким-то глубинным, инстинктивным причинам, он чувствовал себя недостойным смотреть на последствия атаки сестер. Это было сродни богохульству – смотреть на что-то, чего не должны были видеть глаза смертного. Затем, он взглянул вверх все равно.

Небо над битвой заполнялось тающими пятнами пустоты, и ослепительными звездами. Под этой завесой из света и тьмы О-Кагачи был уже семиглавым змеем, восьмая его голова теперь была не более, чем расколотым обрубок на конце длинной, болтающейся шеи. Стрела Мичико не только обездвижила голову змея, покрыв ее каменной коркой, она полностью превратила ее в камень. То, что Конда сделал с Кёдай,

Мичико сделала с О-Кагачи. Правда, при этом, сестры не собирались возводить этот каменный идол на пьедестал и служить ему.

Обезумевший от злости и боли, О-Кагачи бросился к сестрам, молотя головами, как пьяный драчун в трактире. Мичико и Кёдай с легкостью уходили от этих слепых, неуклюжих выпадов. Они выманили одну голову от остальных, и когда она была изолирована, Мичико взмыла над ней, а Кёдай отлетела назад. Принцесса выпустила еще одну белую стрелу, от которой О-Кагачи почти увернулся, но заряд все же угодил ему за ухо.

На этот раз все прошло еще быстрее. Окаменение расплзлось по всей голове змея, спустившись до его массивной шеи. О-Кагачи пытался пошевелить пораженной головой, и подтянуть свои кольца, чтобы защититься от фатального удара Кёдай. Но желтоглазая воительница была слишком стремительной и проворной, она поднырнула под громадные кольца чудовища, и раздробила его голову ударом снизу.

Сестры разработали идеальный ритм для следующей головы: изолирование, окаменение, и разрушение. Обезглавленные шеи безжизненно свисали, затрудняя движения оставшихся голов. Чем больше он боролся, тем безумнее и рассеянее он становился.

Змей запаниковал не на шутку, когда они уничтожили его четвертую голову. Эффектно ослабленный наполовину, О-Кагачи все еще оставался серьезной угрозой – в конце концов, он проломил стены Эйгандзё всего с тремя головами. Но Эйгандзё мог противопоставить ему лишь людей, мотыльков, и магию. Мичико и Кёдай были не похожи ни на что из того, с чем он сталкивался прежде, они являли собой совершенно новое слияние плоти и духа. Если бы О-Кагачи не дергался от боли и ярости, Тоши бы ожидал его гнева от самого существования сестер. Он был верховным духом всего сущего – как могло существовать что-то, неизвестное ему, не говоря уже о том, чтобы ранить его?

Пятая голова пала под натиском сестер, а за ней и шестая. Небо над змеем теперь было покрыто сплошной пеленой сверкающих звезд. Вокруг Тоши послышались радостные возгласы кицунэ, но сам он еще не был готов праздновать.

Словно по команде, сестры прекратили нападение и устремились к земле. Они остановились между О-Кагачи и лесными наблюдателями. Тоши видел, как они переговаривались и кивали, указывая на последние две головы змея.

Не рискуйте, думал он. Добейте эти две головы, пока О-Кагачи не выкинул что-то неожиданное.

Но сестры не слышали и не последовали его искреннему совету. Вместо этого они разделились, и подлетели к оставшимся головам. О-Кагачи не мог поймать их, когда был цел, теперь же, казалось, все, что он мог делать, это щелкать зубами, рычать, и ненавидеть их.

Сестры приземлились одновременно. Каждая из них гордо стояла на плоской, квадратной голове змея. Они взглянули друг на друга, кивнули, и Мичико взяла в руки лук. Она выстрелила в сторону Кёдай с поправкой на яростно трясущиеся змеиные кольца. На полпути к цели стрела превратилась в полоску ярко-синего света. Лазурная линия вернулась к Мичико с той же скоростью, с какой она продолжила лететь к Кёдай, поэтому коснулась обеих сестер одновременно.

В одно мгновение, Мичико и Кёдай обе повернулись и обеими руками поймали подлетевшие к ним синие стрелы. Небо, воздух, все, что было в поле зрения Тоши, было поглощено сапфировой волной света и энергии. Слепленный, он попятился и наткнулся на кедр. Он повернулся к тому месту, где в последний раз видел сестер и принялся ждать, когда его зрение прояснится.

Перед его глазами танцевали яркие точки, и синее свечение размывало детали, но Тоши все же увидел. В мерцающем свете в небесах и за его веками, Тоши наблюдал, как сестры, теперь гигантского роста, боролись на равных с оставшимися головами О-Кагачи.

Кёдай зажала свою жертву руками, как огромного, игривого пса. Мичико обеими руками держала челюсти второй головы замкнутыми, оседлав шею, как могучую лошадь.

Затем, быстрее, чем он мог заметить, сестры и О-Кагачи уменьшились от гигантских размеров, затмевавших небо, до обычных, ростом с человека. Это произошло с такой же скоростью, с какой снег таял на раскаленной сковороде, столь же плавное, но сильное изменение. В одно мгновение они боролись в небе, подобно богам, а в следующее – уже стояли на земле, не крупнее, чем они были до того, как явился древний змей.

О-Кагачи был уменьшен гораздо сильнее, чем сестры. Великий древний змей все еще был в их руках, борясь изо всех сил, шлепая по земле своими окаменевшими и расколотыми, шеями. Каждая из его оставшихся двух голов была размером не больше фута, и бодрые воительницы, одолевшие его, без труда удерживали их в руках.

Жемчужное-Ухо шагнула вперед с именем Мичико на губах, но принцесса крикнула, - Нет, сенсей. Мы еще не закончили.

Мичико и Кёдай переглянулись. Они кивнули друг другу и подняли беспокойные головы змея на уровень глаз.

- Таков путь смертных, - произнесла Мичико. – Старики уступают дорогу молодым.

- Старое должно отступить перед новым, - ответила Кёдай.

Воздух между ними сгустился, и когда он прояснился, О-Кагачи был не крупнее солдатского рюкзака, а каждая из извивающихся шей не длиннее и не толще садовой змеи.

Сестры обменялись взглядами в последний раз, затем раскрыли рты и откусили оставшиеся головы О-Кагачи. Кровь и мерзкий черный туман вытекали из их ртов, пока они одновременно разжевали, сглотнули, и отбросили безголовые обрубки в сторону.

Мичико повернулась к Жемчужному-Уху, вытирая лицо тыльной стороной кожаной перчатки. – Теперь, - мрачно сказала она, - все кончено.

Змеиные глаза Кёдай сверкнули, отражая звездный свет, окружавший ее. – Не совсем, - сказала она.

Даймё Конда удвоил усилия, когда увидел великого змея, неожиданно возникшего в небе. О-Кагачи никогда прежде не материализовывался настолько быстро и всецело, что встревожило Конду, но Даймё все же был уверен в своем неминуемом успехе. Все, кроме победы, было ниже его достоинства, не достойно его высокой судьбы и предназначения. Но, все же, он решил не лишним призвать к себе всю призрачную армию, приказав им прервать сражение с соратниками и на всей скорости направиться на запад.

Ответа от его солдат в восточном Дзюкай не последовало. Ледяное, мучительное сомнение растеклось по телу Конды – была ли его связь с армией оборвана, или же сама армия была каким-то образом уничтожена? Появление О-Кагачи в ущелье всегда несло с собой непредсказуемые последствия. Мысль о том, чтобы бросить своих верных воинов причиняла ему физическую боль, но он не мог себе больше позволить отвлекаться в столь критичной ситуации.

Единственной пользой от появления змея было то, что он неизменно указывал на расположение Похищенной. Конда приказал своему эскорту лететь быстрее и ниже, трясающейся рукой сжимая рукоять меча. Совсем скоро он докажет, что его сила была доминирующей во всей Камигаве.

Пока он подлетал к расположению змея, произошло нечто странное. Поднялся неожиданный вихрь из волшебного синего света, и в следующее мгновение Конда увидел двух женщин в небесах, рядом с древним змеем. После этого О-Кагачи исчез из вида.

Сердце Даймё сжалось. Единственные причины исчезновения великого змея, которые приходили ему в голову, заключались в том, что, либо вор в очередной раз улизнул с Похищенной, либо О-Кагачи, наконец, захватил сокровище. Ничто иное это объяснить не могло.

Несмотря на пошатнувшуюся уверенность, Конда продолжил свой путь. Так или иначе, он должен был выяснить, что произошло. Если О-Кагачи выиграл гонку, Конда должен был вернуться в Эйгандзэ и разработать способ вновь осадить какуриё. Если же гонка все еще продолжалась, Конда желал быть уверен, что он доберется до сокровища раньше великого духовного стража.

Наконец, Конда направил свой эскорт вниз, через кроны деревьев. Его призрачные мотыльки с легкостью просочились сквозь густой лес, пока не достигли длинной узкой аллеи, очищенной от деревьев. Конда мельком задумался, что за племя столь усердно здесь поработало. Ведь, насколько ему было известно, этот участок Дзюкая не был никем населен.

У края искусственной поляны сидели двое кицунэ и человек. Казалось, они вовсе не были напуганы странным и потусторонним эскортом Конды, поэтому Даймё приказал наездникам приземлиться рядом с этой троицей. Как только мотыльки вновь поднялись в воздух, они словно растворились в таинственно окрашенных небесах. Неужели все, наконец, закончилось? Раздумывал Конда. Неужели я, наконец, достиг своей цели? Ибо он знал, что его армия никогда бы не оставила его до победного конца.

Одна из кицунэ поприветствовала его, но остальные продолжали сидеть спиной к Конде. Сложно было рассчитывать, что каждый узнал бы его с первого взгляда, особенно

так далеко от Эйгандзё, но Даймё все равно это раздражало. Он приготовился представиться. Они все падут ниц к его ногам, как только узнают, кто он.

- Приветствую, Даймё Конда. Мы ожидали Вас.

Конда прищурился в лучах полуденного солнца. – Леди Жемчужное-Ухо? – проговорил он.

Жемчужное-Ухо поклонилась. – К Вашим услугам. Точнее, раньше была к Вашим услугам. Я была Вашей узницей уже после того, как служила при дворе.

- Вы подвергли опасности мою дочь, - рявкнул Конда. – Что здесь происходит, Леди? Где Похищенная?

- Если бы все было по-Вашему, Даймё, я бы даже не знала, о чем Вы говорите. Но я знаю. И Вам не понравится мой ответ.

- Мне уже не нравится Ваш тон, - заметил Конда. – И я предлагаю Вам проявлять подобающий уровень уважения, пока я не восстановил Ваш статус узницы.

- Она проявляет к тебе подобающее уважение, старик. – Человек поднялся на ноги, все еще стоя спиной к Конде. – Нравится тебе это, или нет, это уже твоя проблема.

- Обернитесь, сир, - злобно произнес Конда. – Я желаю видеть лицо глупца, прежде чем я отрублю ему голову с плеч.

Человек повернулся. Конда мгновенно узнал вора Тоши Умезаву и вытащил свой меч. – Наконец, ты ответишь мне, что ты сделал с моей собственностью, или же я стану резать тебя по дюйму.

Теперь поднялся второй кицунэ. Его лицо было неизвестно Конде, но он говорил с обезоруживающей фамильярностью.

- Встань в очередь, - сказал мелкий лис. – И, для справки, они уже не являются ничьей собственностью.

Конда взглянул на Жемчужное-Ухо. – Вы с этим мелким заодно с очимушей?

- Не совсем, Даймё. Но в данный момент мы на его стороне.

- Вообще-то, - сказал мелкий лис, - мы ненавидим его почти так же, как и ты.

Вор пожал плечами и улыбнулся ... на самом деле, он улыбнулся, глядя на меч Даймё. – Я произвожу плохое первое впечатление, - признал он. – Но можешь поспрашивать вокруг. Увидишь, я тебе еще понравлюсь.

Конда продолжал гневно рассматривать его. Здесь очевидно действовала какая-то магия. Лесное заклинание или проклятый источник: что-то явно повредило их рассудок. – Вы сдадитесь моим солдатам и спокойно пройдете со мной в башню, - сказал Конда. – Или же я уничтожу всех вас на месте.

Очимуша наклонил голову. – Всех нас? Ты уверен?

- Отец.

Конда развернулся на звук голоса Мичико-химе. Что она здесь делала? Почему она была одета в воинский доспех? Что это за мерцающие огни вокруг нее?

- Мичико, - сказал он. – Где ты была? Почему ты здесь? – Он повернулся к Жемчужному-Уху и остальным, и заорал, - Где мое сокровище?

- Твое сокровище здесь, Отец. – Мичико говорила мягко, почти с грустью. – Хотя за двадцать лет, на протяжении которых ты владел им, ты так и не понял его истинной ценности. Стоило ли оно цены, которую ты уплатил? Стоило ли оно двух десятилетий войны? Стоило ли оно того, чтобы оскорбить весь духовный мир, и подвергнуть опасности материальный? Стоило ли оно жизни моей матери и тысяч других жизней?

Конда зарычал. – Ты не имеешь права так со мной разговаривать, Мичико.

- Я имею право поступать так, как считаю нужным, Отец. Я больше не твоя принцесса. Твое сокровище здесь. Ты можешь забрать его в любой момент. Полагаю, она столь же сильно жаждет увидеть тебя, сколь ты желаешь ее вернуть. Возможно, даже больше.

- Я никогда не понимала тяжести твоего преступления, Отец, и когда я его осознала, то впала в отчаянье. Ты никогда не был достоин того сокровища, что ты

похитил, Даймё Конда. Но я вижу теперь, что, в конечном счете, ты его достоин. – Мичико повернулась и направилась прочь.

- Вернись немедленно, дитя. Как ты смеешь!

- Даймё Конда. – От странного тройного голоса в груди Конды похолодело. Он медленно развернулся лицом к говорившей.

Она была так похожа на его дочь, что на мгновение он растерялся.

Волосы, глаза, губы, и одежды были слишком странными и дикими для Мичико, но эта новая женщина могла бы быть сестрой принцессы. При этом она выглядела пугающе со своими змеиными глазами и пеленой из звезд.

- Кто ты? – Что-то еще в ней было очень знакомым. Не только похожесть на Мичико, но и то ощущение, которое он испытывал, смотря на нее. Ощущение комфорта, словно он видел ее тысячи раз.

- Я выбрала имя Кёдай. Но ты знал меня по имени, которое дал мне сам.

Холод в груди Конды растекся и сковал его тело. – Тогда ты ... разве ты ...

- Я та, которую ты похитил из какуриё двадцать лет назад. Ты принес меня в этот мир, чтобы сделать себя бессмертным, чтобы сделать себя неуязвимым. Чтобы имя «Конда» никогда бы не поблекло в памяти Камигавы. Возрадуйся, Даймё. Все твои цели вскоре исполнятся.

Кёдай раскрыла рот и обнажила острые змеиные клыки. У Конды было время пробормотать лишь одно последнее слово, последнюю мольбу, прежде чем Похищенная набросилась на него.

- Пожалуйста, - проговорил он.

Раздвоенный язык Кёдай вырвался вперед, растягиваясь на все расстояние, отделявшее ее от Конды. Даймё едва заметил его острые концы, когда они метнулись к его лицу и проткнули оба его глаза.

Конда вскрикнул и попятился назад. Он прижал руки к лицу и, споткнувшись, упал на одно колено. Он пытался говорить, но его язык словно превратился в кусок льда. Его горло сжалось, и он почувствовал, как суставы во всем теле задеревенели. Ладони на его лице ощущались грубыми и твердыми, и ему потребовались все силы, чтобы оттащить их вниз, к бокам. Он уже не чувствовал ног, хотя все еще мог шевелиться дергаться выше пояса. Вскоре он утратил и эти крохи подвижности, и его тело замерло.

К своему удивлению, Конда обнаружил, что все еще может видеть. Он был полностью обездвижен, парализован и нем, но он прекрасно все слышал и видел. Помимо странного искажения его поля зрения, похожего на круглый аквариум, его вид на поляну не изменился.

Кёдай прошла к нему, заполняя все поле зрения своим лицом. – Узрите, - сказала она, - бессмертное наследие Даймё Конды. Его имя и лицо никогда не будут забыты, ибо они будут сохранены здесь на все времена.

Лицо дикой женщины отвернулось. Конда слышал, как она сказала, - Конечно, придется набраться терпения, чтобы увидеть его всего. – Когда она вновь повернулась к нему, черные вертикальные зрачки Кёдай почти затмевали ее желтые глаза. Ее губы были искажены в дикой ухмылке, и она зашипела с чистой ненавистью.

Кёдай подалась вперед и пробила кулаком окаменевшее лицо Конды, разбив его голову и верхнюю часть груди на куски. Спустя мгновение она ударила еще раз, раскрошив остальное тело в мелкую крошку и пыль.

Конда не умер. Вместо этого, бесчисленные осколки его глаз продолжали передавать изображения в его разбитый мозг. Он видел не один образ леса, и женщины, уничтожившей его, но миллионы кусочков цветов и текстур, перемешанные и разрозненные до такой степени, что увидеть четкое изображение было невозможно.

- Я знаю, ты слышишь меня, - сказала Кёдай. Она была права, хотя сейчас ее пугающее трехголосье звучало кошмарным хором нестройного и мучительного шума. –

Твоя дочь попросила меня вернуться через двадцать лет, чтобы посмотреть, уравнились ли весы. Ради нее, я согласилась.

Калейдоскоп образов Кёдай склонился над осколками тела Конды. Какофония голосов гневно прошептала, почти сплевывая слова. – Они никогда не уравниваются. Я вернусь, Даймё Конда. Но я никогда не прощу тебя.

Кёдай встала и отвернулась. Конда пытался кричать, выпустить свою ярость и нарастающий ужас.

Вместо этого, куски раздробленного тела Конды остались беззвучными, как камень.

* * * * *

Тоши поклонился, когда Кёдай подошла к нему. – Если у тебя для меня в запасе нечто-то подобное, - сказал он, - я бы предпочел покончить с этим как можно быстрее.

Кёдай поклонилась ему в ответ. – Я не собираюсь наказывать тебя, Тоши Умезава. Мы соединены кровью, ты, Мичико, и я. Я знаю тебя лучше, чем кто-либо другой, и не только потому, что твоя кровь открыла мне путь к свободе. Я была с тобой в Минамо, и в дебрях восточного Дзюкая. Ты не лучше, и не хуже других людей, но ты пытался помочь мне. Ты спас меня из башни, что не мог сделать никто другой. Ты скрывал меня от Даймё и О-Кагачи. За это я благодарна тебе.

Мичико неожиданно появилась рядом с Кёдай в искрящейся пелене из фиолетового света. – Дело сделано?

Кёдай кивнула. – Сделано.

Тоши заметил Жемчужное-Ухо и Острое-Ухо, стоящих неподалеку. Поскольку ему нечего было сказать, он задал вопрос, который явно крутился у них на языках. – Чем вы, обе, займетесь теперь?

- Мы заменили О-Кагачи, в его роли стража между мирами, - ответила Мичико. – Потребуется время, чтобы эффект этого замещения стал ощутим. Война Ками будет продолжаться еще некоторое время, но мы вскоре покажем миру духов, что для сражения больше нет причин.

- Природа поклонения духам также со временем изменится, - сказала Кёдай. – Мы с Мичико больше заинтересованы в слиянии двух миров, в совместном пользовании друг друга. Это также займет время. Всегда будут духи и те, кто им молится. Этого мы не изменим. Но сила мира духов, магия, создаваемая их благословениями, все это будет гораздо доступнее для жителей уцушиё.

- Вы должны одолеть еще одного врага, - сказал Тоши. – Мочи, Улыбающегося Ками Полумесяца.

Кёдай выглядела озадаченной, но Мичико кивнула. – Это пакостный лунный дух, - объяснила она. – Он содействовал и потворствовал отцу в преступлении, чтобы его народ, соратами, смог извлечь из этого выгоду.

Кёдай сощурила свои желтые глаза. – И где этот лунный ками?

- Я здесь, Леди. – Мальчишеский голос прозвучал из облака мерцающей синей пыли. Острая, сияющая белая улыбка появилась в центре облака, и синяя пыль слилась в знакомый пухлый силуэт лунного духа.

- Слава вам, новым коронованным правительницам обеих миров. Предлагаю вам верность и службу Улыбающегося Ками Полумесяца.

- Это Мочи, - сказал Тоши. – Он славится своими лестными речами.

- А Тоши славится своими подозрительными обвинениями. Я безобидный дух, О сестры. Я игрив и двуличен, но я никогда не желал вам зла, и не причинил никакого вреда. Ни действием, ни бездействием.

- Но ты содействовал Конде в налете на мир духов.

- Лишь из неведения и любопытства. Я не знал, что он захватит живого духа. Я не мог ожидать, что он запрет Вас в одной комнате на двадцать лет. Мичико может рассказать Вам: я помог ей неоднократно, всякий раз с риском для себя.

- У моей сестры добрый нрав, - сказала Кёдай. - Но она вместе с Тоши рассматривает тебя с подозрением.

- Я игрив и двуличен, - повторил Мочи, сверкая ослепительно-белыми зубами. - Если бы Вы получше знали Тоши, Вы бы знали, что он на самом деле восхищается мной. Он просто не любит конкуренцию.

- Я знаю Тоши, - сказала Кёдай. - И в его крови больше правды, чем на его губах.

Улыбка Мочи померкла. - Простите, Леди. Я не понимаю.

- У Тоши с тобой кровавый долг, - сказала Кёдай. - Я испробовала его вкус.

- Больше нет, - быстро сказал Мочи. - Клятва была расторгнута.

- Клятва? - сказала Кёдай. - Я ничего не знаю о клятвах. Но я начала понимать смысл мести. - Она повернулась к очимуше. - Ты не просил ни о какой награде, Тоши. Даже после того, как я поблагодарила тебя за всю твою помощь. Полагаю, я знаю, что тебя бы порадовало. Хочешь, чтобы я попробовала?

- Леди. - Улыбка Мочи стала напряженной. - Прошу Вас, не шутите.

Тоши взглянул на лунного духа, вспоминая обо всех своих неприятностях с соратами и их агентами. Многие из тех, кто страдал и погиб на этом пути, могли бы провести причинную связь к мелкому синему каму с ослепительной улыбкой.

- Да, - сказал Тоши. - Попробуй.

Кёдай сложила ладони пригоршней и погрузилась в них взглядом. Она бормотала что-то едва различимое. Неподалеку, Мочи напрягся, но не шелохнулся.

- Пытаешься сбежать? - выкрикнул Тоши. - Уйо это не помогло. Держу пари, это не поможет и сейчас.

Небольшая струйка дыма поднялась из ладоней Кёдай. Дым струился по кругу, поднимаясь все выше, образуя небольшую воронку. Перевернутый конус становился все выше и шире в верхнем сечении, и вскоре направился в сторону Мочи. Вихрь остановился в паре футов от синего камня, но его воронка продолжала расширяться, пока она не стала выше и крупнее самого камня полумесяца.

Знакомый до ужаса смех послышался из центра воронки. Тоши почувствовал смесь головокружительного ожидания и смертельного ужаса. Если это было то, на что это было похоже...

Ухмыляющееся лицо Хидецугу появилось в вихре черного дыма. Его глаза были на месте и сверкали жестоким изумлением. Инстинктивно, Тоши отшагнул назад, но о-бакемоно пожурил его прежде, чем тот успел оторвать ногу от земли.

- Я тебя вижу, брат по клятве. - Моргнул огр восстановленными глазами. - Тебе нечего бояться. Более того, я у тебя в громадном долгу.

Тоши немного расслабился, когда Хидецугу повернулся к Мочи. - Кстати о долгах...

Воронка представляла собой вихревое окно к тому месту, где находился Хидецугу. Хотя его голова заполняла весь конус, дымная воронка продолжала расширяться, выплевывая искры и угли, пока все тело огра не стало полностью видимым. Хидецугу был одет в черную мантию без рукавов, свободно обвязанную вокруг талии.

- Мы убьем тебя, - зачитал огр. - Мы сожжем твои поля, похитим твои сокровища, уничтожим твой дом, и поработим твоих детей. Мы зарежем твою жену, отравим твоих питомцев, и помочимся на могилы твоих предков. Мы совершим все это, и единственный способ избежать этого, если мы никогда не найдем тебя.

Огр повернулся к Тоши, и они проговорили в унисон, - Мы уже нашли тебя.

Мочи продолжал улыбаться. - Нет, - мягко сказал он. - Пожалуйста, Леди. Нет.

Хидецугу распахнул мантию, держась за лацканы. Обращаясь к Тоши, он сказал, - За Кобо.

Тоши кивнул. – За Кобо.

Мочи вскричал, когда Хидецугу обнажил свою грудь. Вместо выпуклых мышц и глубоких шрамов, его грудная клетка состояла из кишасей массы черных, бестелесных челюстей. Заливаясь хохотом, Хидецугу развел руки, позволяя туче голодных пастей вырваться из дымовой воронки и наброситься на лунного ками. Его мягкая синяя плоть рвалась под укусами их клыков, и он вновь закричал, истекая лунным светом из тысяч рваных ран.

Острое-Ухо, Жемчужное-Ухо, и Мичико отвернулись. Тоши и Кёдай продолжали смотреть. Этот дикий кошмар продолжался всего пару секунд, но это были секунды, которые Тоши будет вспоминать всегда ... порой с черствой усмешкой, а иногда и с леденящим ужасом.

Покончив с ками, пасти они не оставили и следа от Мочи. Они сожрали все до последней горстки окровавленной земли и роем вернулись в воронку, вновь заполнив собой тело Хидецугу.

- Наконец, мы закончили, Тоши Умегава. – Хидецугу затянул ремень. – Последняя месть хёдзан завершена. – Он поклонился. – А вы, сестры, - сказал он, - Вы всегда желанные гости в залах Хаоса. Заходите ко мне, если вам понадобится ... альтернативный взгляд.

Кёдай поклонилась. Она развела руки, и воронка из дыма развеялась в воздухе.

Тоши шагнул к сестрам. – Если я вам больше не нужен, - сказал он, - я пойду своей дорогой.

Кёдай поклонилась ему так же, как Хидецугу. – Прощай, Тоши Умегава. Мир гораздо интереснее, если в нем есть ты. Мы непременно увидимся вновь.

Тоши повернулся к Мичико и подмигнул. – Босс.

Мичико кивнула. – Умегава-сан.

Острое-Ухо и Жемчужное-Ухо казались оглушенными, но их гневные взгляды были направлены на Тоши. Он поклонился с ехидной улыбкой на губах.

Желая удалиться, прежде чем кицунэ начнут свои речи, Тоши помахал им рукой, провернул свою джитту вокруг указательного пальца, и направился в лесную чашу.

* * * * *

В полусутках ходьбы от деревни кицунэ Тоши угодил в засаду. Он был изнурен, и его голова шла ходуном от всех событий минувшего дня, поэтому, ему не было особо стыдно за то, что его поймали. Он не был в восторге от острого, серебряного штыря торчащего из его ребер, но, по крайней мере, ему не было стыдно.

Нападавшая выпрыгнула из-за дерева. Все, что Тоши видел, был проблеск металла, прежде чем обжигающая, ледяная боль пронзила его легкие. Кем бы она ни была, она была быстрой и целенаправленной, и совершенно бесшумной. Она стояла, сжимая оружие, торчащее в груди Тоши, яростно взирая на него, пока очимуша не повалился спиной на землю. Она не выпустила штырь, и он мучительно закричал о ребра, выскальзывая наружу.

Она явно была соратами. Даже если бы ее бледная кожа и худощавое сложение не выдавали этого, на ней была странная металлическая маска в форме полумесяца. Неужели Мочи вернулся с последователями? Или был ли он настолько хитер, чтобы выслать отдельный отряд отомстить за собственную смерть?

Тоши попытался отползти, но малейшее дыхание вызывало нестерпимую агонию. Его легкие были словно набиты битым стеклом. Единственный видимый глаз лунной девы с презрением взирал на него, пока кровь очимуши капала с ее оружия.

- Ну, - выдавил он. – Что все это значит?

Соратами медленно завела руку за голову и отстегнула ремень, удерживавший ее маску. Серебристый металл рухнул в траву, и она подняла взглянула Тоши в глаза, наблюдая за тем, как он истекает кровью, ожидая, когда он узнает ее.

Это было не очень трудно. Ее нос был непоправимо сломан, свернут в одном направлении от переносицы до середины, и в другую от переносицы до кончика. Помимо носа, несколько глубоких багровых шрамов проходили вниз по ее щеке, протягиваясь к горлу, и уходя под воротник. Что бы ни нанесло эти шрамы, оно также вырвало один ее глаз.

- Извини, - сказал Тоши. – Не знаю, кто ты. Что я тебе сделал?

- Я Чийо из соратами, - сказала она. – Ты осквернил улицы Оборо. Ты избил меня и натравил на меня своего пса бни. – Она провела пальцами по пустой глазнице. – Ты убил мою наставницу и моего духа покровителя.

- Ах, это, - сказал Тоши. Он стиснул зубы, преодолевая боль в груди. – Так ... скажешь что-нибудь, перед тем, как убьешь меня?

- Я уже убила тебя. Теперь я буду стоять и наблюдать, как ты умираешь.

- Я бы ... я мог бы придумать, как интереснее провести эти пять минут.

- А я нет. И тебе сильно повезет, если ты протянешь всего пять минут. Я тщательно целилась. Ты должен мучиться, по крайней мере, минут тридцать.

- О, чудесно. Есть время для ... приятной беседы.

- Говори, что хочешь, нищеврод. Я знаю, что твой рот никогда не закрывается. Чем больше ты говоришь, тем тебе больнее. Я это тоже спланировала.

- Как ... как тебе результат до сих пор?

- Весьма удовлетворительно. Пока что.

Тоши

Тоши одернулся, услышав голос в своей голове, но даже это едва заметное движение вызвало волну терзающей боли во всем его теле.

Я почти готова простить тебя, Тоши. Голос Ночи звучал спокойно, обыденно. *Почти. А ты готов быть прощенным?*

- Да, я готов. – Тоши говорил вслух, поскольку думать становилось все сложнее.

Чийо ухмыльнулась, не подозревая о гораздо более важной беседе Тоши. – Еще рановато.

Хорошо. Так вот. Я, конечно, могу спасти тебя. Я могу унести тебя отсюда. Я даже могу покарать мстительную соратами для тебя. Все, что тебе нужно сделать, это попросить.

- Покарай. – Сказал Тоши. – С концами.

- Я уже сделала все необходимое, - сказала Чийо.

Прости, мой бывший слугитель, я оговорила. Все, что тебе нужно сделать, это попросить ... и объявить себя моим еще раз.

- Я твой, - скривился Тоши.

Еще раз. Скажи это, как следует.

- Я твой, О Ночь.

Великолепно. Теперь. Протяни руку.

Боль была ослепительной, но Тоши сумел поднять руку.

- О, да, - сказала Чийо. – Умоляй. Это будет самым неожиданным сюрпризом.

Ухмыляясь сквозь свое изуродованное лицо, Чийо наклонилась вперед, чтобы уловить предсмертную мольбу Тоши. Она не была столь глупой или торжествующей, чтобы подходить слишком близко, но она все же подалась слегка вперед.

Поток густой тьмы ударил из вытянутой руки Тоши в лицо Чийо. В мгновение ока он затвердел вокруг ее головы, лишив ее зрения, звука и воздуха. Она сделала два неуверенных шага к Тоши, изо всех сил разрезая воздух своим серебряным штырем, но так и не коснулась его.

Это было равноценным обменом: боль в груди Тоши продолжала нарастать, но ему довелось увидеть, как Чийо замедлилась, остановилась, и, в конце концов, рухнула на землю.

- Спасибо ... О Ночь. Я приму даже не большую дешевую победу ... из твоих рук.

Тоши, мой верный служитель. Я ведь обещала спасти тебя, не так ли?

- Да. Но я решил, что это было ... шуткой.

Это не шутка, Тоши. Голос Ночи звучал громче, хотя ее тон сводил с ума своим спокойствием. И, кроме того ... ты ведь не думаешь, что наши с тобой счеты уже сведены ... не так ли?

Тоши захрипел. – Я ... я надеялся на это.

Со смехом, подобным звуку стекла, разбившегося о каменное надгробие, Мёдзин Объятий Ночи окутала Тоши пеленой чистого мрака.

Тоши пришел в себя на высоком обрыве, выходящем к морю. Он застонал и перекатился на спину, прощупывая пальцами грудь. Рана исчезла, но боль все еще ощущалась. Пройдет еще немало времени, пока он снова сможет дышать свободно.

Он осторожно поднялся на колени, и медленно выпрямился во весь рост. Он не узнал линию берега. Более того, он не узнал и сам океан. Он привык к темной, зловонной жидкости, не более трех футов глубиной. Эти же волны были светлыми, зеленовато-голубыми и громадными – наименьший гребень был выше роста самого Тоши.

Вдали, в море он увидел два огромных каменных шпиля. Они выглядели слишком идеальными, чтобы быть природного происхождения, но кто мог их построить? И какой цели они служили так далеко от берега?

Он был жутко голоден, но единственной потенциально съедобной пищей вокруг был невысокий побег, который когда-нибудь мог вырасти во фруктовое дерево. Он осторожно подошел к краю отвесной скалы. Это был обрыв более сотни футов высотой, над галечным пляжем. Если он хотел поймать рыбу, ему придется спуститься по опасной скале, а его ребра к этому вовсе не были готовы.

Тоши сделал вдох и прокашлялся. Запах и вкус воздуха здесь были какими-то чужими. Он начал всерьез тревожиться о том, куда Ночь перенесла его.

Тоши. Голос мёдзин достиг его, он звучал мягко и приглушенно, словно она была очень далеко. *Ты очнулся. Прекрасно. Позволь спросить тебя ... ты когда-нибудь задумывался, почему я хотела, чтобы ты защитил Похищенную?*

- Где я, О Ночь?

Грубо отвечать вопросом на вопрос, Тоши.

Тоши вздохнул. – Нет. Я не особо об этом размышлял, вообще-то. Я полагал, это потому, что тебе нравилось все так, как было, и если бы Конда или О-Кагачи вернули бы ее, все бы изменилось.

Ты был частично прав, но была и другая, куда более интересная причина.

- Звучит любопытно. Я заинтригован. Но, должен ли я догадаться об этой другой причине, или ты мне расскажешь сама?

Когда Конда заполучил Похищенную, он изменил фундаментальное равновесие Камигавы. Он пробился сквозь барьер, разделявший материальный мир и мир духов. О-Кагачи олицетворял этот барьер. Поступок Конды был прямым нападением на него.

- Я понимаю.

На самом деле, преступление Конды позволило мне увидеть этот барьер с совершенно нового ракурса. Когда змей обратил свое внимание на поиски и возвращение украденного, барьер между мирами начал слабеть. И без его всецелой охраны этого барьера, я обнаружила, что могу перемещаться не только между материальностью и духовностью, но и между Камигавой и иными мирами. Странными новыми мирами с другими законами, иными путями к силе. Пока О-Кагачи не смотрел, я смогла посетить эти миры. Как ты думаешь, что я в них обнаружила?

Тоши не нравилось, к чему все это вело. – Ухх, - сказал он. – Сокровища? Просвещение? Новое предназначение?

Все это и больше. Я обнаружила, что так же, как мне поклонялись в Камигаве, так же мне поклоняются и в иных мирах. Они называют меня различными именами, и практикуют иные ритуалы, но каждый новый мир, что я видела, предписывал тебе собственную глубокую важность, заполняющую половину жизни его обитателей. Это знание было очень ... стимулирующим для меня.

Тоши кивнул. – Значит, ты хотела, чтобы я отвлекал О-Кагачи, чтобы у тебя было больше времени для знакомства со своими новыми последователями.

В некотором смысле, да. Я даже лелеяла мысль о том, чтобы сделать тебя моим верховным служителем в Камигаве, чтобы сама я смогла спокойно исследовать другие миры. Это, конечно, было до того, как ты принес Похищенную в мой хонден, и она столь грубо со мной обошлась.

- Я пытался объяснить...

Тише, мой служитель. Все это в прошлом. Сейчас важнее будущее Камигавы, будущее, которому ты помог заложить фундамент. Сестры желают изменить саму природу магии. Со временем, это у них получится.

- Но это не мое...

И когда это у них получится, мне придется заново обучиться благословениям, которые я смогу даровать своим служителям. Мне придется адаптироваться к этим изменениям.

- Изменения это хорошо, - сказал Тоши. – Изменения это жизнь.

В данном случае, изменение это неудобство. Я предпочитала Камигаву такой, какой она была, Тоши. И теперь ее у меня уже никогда не будет. Засим, за твое участие во всем этом, я награждаю тебя так: ты теперь не в Камигаве, но в новом мире, который я недавно открыла.

- Новом ... в смысле, в пустом?

Вовсе нет. Здесь миллиарды людей.

- Миллиарды?

И миллиарды других разумных созданий. Магия здесь весьма отличается от того, к чему ты привык. Я подумала, что справедливо будет, если ты окажешься в том же положении, в которое ты поставил меня. Здесь таится огромная сила, Тоши, невероятные резервы магической энергии. Но ты не сможешь достичь их молитвой или с помощью канджи. Как мне предстоит научиться новому пути, так ему должен будешь научиться и ты.

- Значит, - сказал Тоши, - я изгнан.

Не изгнан. Посажен. Ты подобен семени, Тоши, и я искренне надеюсь, что ты расцветешь. Каждый народ должен культивировать своего Умезаву, во избежание застоя. Чтобы не позволять тем, кто находится у власти, считать это должным. Земля, на которой ты сейчас стоишь, принадлежит могущественной королеве, которая мнит себя богиней. Ты мой подарок ей, как и всему этому миру. Такой дерзкий и умный человек, как ты, пойдет далеко ... или, будет убит кем-то более могущественным и вероломным в первый же год. Я не могу представить себе в Камигаве никого более могущественного и вероломного, чем ты. Но это не Камигав.

- Я начинаю ценить это.

Прежде чем я оставлю тебя твоей новой жизни, у меня есть еще один, последний подарок. Будет несправедливо с моей стороны доставить тебя сюда лишь с твоими естественными преимуществами. Я надеюсь, ты сможешь воспользоваться этим для самоопределения, с тем, чтобы отделить себя от обычного человека.

Прощай, Тоши Умезава. Возможно, я вернусь однажды, чтобы оценить твои успехи. И тогда, уверена, ты оправдаешь мою веру в тебя.

Тоши решил ничего не говорить, когда присутствие Ночи оставило его в одиночестве на чужом берегу. Не было никакого смысла ее злить. Если он оставит о себе хорошее впечатление, будучи смиренным служителем, принимающим свое наказание, как

мужчина, он могла даже запомнить его без дурных мыслей. Она могла бы снова найти ему применение в Камигаве.

Не успела Ночь покинуть его, как зрение Тоши начало таять. Образ моря, и спилюй, и ростка фруктового дерева были последним, что увидел Тоши, прежде чем тьма окутала все вокруг. Он повернул лицо к солнцу и почувствовал его тепло, но не увидел ничего, кроме бескрайней черной пелены.

- Ослеп, - сказал Тоши. – Прекрасно. – Но он чувствовал себя на удивление спокойно. Он повернулся на месте, пока не почувствовал дыхание морского бриза на затылке, и осторожно отошел от обрыва.

Он начертил пальцем пару канджи в песчаной почве, но ничего не произошло. Слепой, брошенный, и лишенный магической силы, он мог с равным успехом просто развернуться и на полной скорости выброситься с обрыва.

Ветер сменился, и от земли повеяло густым, суглинистым запахом болота. Не гнилой, ядовитой выгребной ямой, как в Нумай, но сладким ароматом болотной травы и густого моха, папоротника и чистого перегноя. В Нумай все гнило, но не сгнивало до конца. Это новое болото пахло увяданием, но это было увядание, которое разлагало мертвое на сырье, необходимое живому. Это болото было живым, насыщенным, оно было частью большего круговорота, кормящего всю землю.

Тоши улыбнулся. Это явно была та новая сила, о которой говорила Объятья Ночи. Все, что ему следовало сделать, это найти собственный путь к ней, и понять, как ее использовать. Он мог провалиться в яму, его мог по дороге загрызть бешеный волк, но это был куда лучший план, чем спрыгнуть со скалы.

Тоши запрокинул голову и глубоко втянул носом воздух, фиксируя запах болота в памяти, чтобы ориентироваться на него. Это было не таким уж и пугающим делом. Сперва, найти болото. Затем, отыскать способ использовать его силу. Далее, осесть и построить жизнь, которая бы не включала в себя крыс, грабежи, и банды мстителей.

Тоши сделал шаг в сторону болота. Он не оступился, не упал, и не попал ногой в гнездо шершней.

Пока, думал он, все хорошо.